В. Солано

GLI

ПРОТИВ ФРАНКО, ПРОТИВ СТАЛИНА

Wilebaldo Solano
LE POUM
Révolution dans la guerre d'Espagne

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ МАРКСИСТСКОГО ЕДИНСТВА (ПОУМ) В ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

1936–1939

URSS

Wilebaldo Solano

LE POUM
Révolution dans la guerre d'Espagne

В. Солано

ПРОТИВ ФРАНКО, ПРОТИВ СТАЛИНА

Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936-1939)

Перевод с французского
Ю. В. Гусевой

Вступительная статья
Д. Галлина

Издание стереотипное

URSS
МОСКВА

ББК 63.3(0)6 66.2 66.5

Солано Вилебальдо

Против Франко, против Сталина: Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936-1939). Пер. с фр. / Вступ. ст. Д. Галлина. Изд. стереотип.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. — 208 с.

Настоящая книга посвящена истории Рабочей партии марксистского единства, игравшей значительную роль в политической жизни Испании периода революции и гражданской войны 1936-1939 гг. Автор книги — член руководства ПОУМ и непосредственный участник описываемых событий — рассказывает о борьбе независимых испанских марксистов, которую они вели одновременно на два фронта: против франкизма, атаковавшего республику извне, и против сталинизма, угрожавшего ей изнутри.

Для всех интересующихся историей левой общественной мысли и социально-политической историей XX века.

Текст печатается по изданию: Wilebaldo Solano “Le POUM. Révolution dans la guerre d’Espagne”. París: Editions Syllepse, 2002
Перевод подготовлен Научно-просветительским центром «Праксис» при поддержке Global Labour Institute (Швейцария)

Составитель примечаний: доктор исторических наук А. В. Шубин Научный редактор: кандидат исторических наук А. В. Гусев

Эта книга стала возможной лишь благодаря дружеской поддержке Луиса Мигеля Саэнса, Эрнесто Валдеррея и Хуана Мануэля Веры, а также моей жены Марии-Тересы Карбонель.

Содержание

Партия последнего шанса *(Дан Галлин)* 6
Введение 15

Часть I
Рабочая партия марксистского единства и «Молодые коммунисты Иберии» 21

Глава 1. ПОУМ в истории 21

- От возникновения РКБ до Рабочего альянса • ПОУМ, революция и война
- Борьба против сталинизма в разгар войны • Деятельность в подполье и в изгнании

Глава 2. Революционная политика ПОУМ 33

- Две концепции революции • Сталинизм и революционный процесс
- ПОУМ в испанской революции • Критик революционной политики

Глава 3. «Молодые коммунисты Иберии» в испанской революции и гражданской войне 43

- Возникновение МКИ • МКИ, октябрьское восстание 1934 года и «Молодые социалисты» • Сталинистский поворот 1935 года и процесс объединения
- Молодежь, революция и гражданская война • Политические и военные цели МКИ • Сталинистские нападки из Мадрида • Фронт революционной рабочей молодежи • Борьба в подполье при режиме Негрина • Операция 16 июня 1937 года против ПОУМ • Полицейская операция 19 апреля 1938 года и государственная тюрьма • Фронт международной борьбы

Глава 4. «Молодые коммунисты Иберии» и Майские события 1937 года . . 74

- Укрепленный район на севере Барселоны • Совещание ПОУМ и НКТ 3 мая
- Боевая колонна Грасиа • От компромисса к отступлению

Глава 5. Процесс ПОУМ. Барселона — не Москва 81

Глава 6. Первый год изгнания во Франции 85

- Сохранить политические кадры, помочь беженцам • Политические проблемы и международная напряженность

Часть II
Андрес Нин и его время 93
Глава 1. Жизнь, дело и смерть Андреса Нина 93
• В революционно-синдикалистском движении • В СССР и Исполкоме Коминтерна • Возвращение в Испанию. Республика • Роль Нина в испанской революции • Репрессии против ПОУМ и убийство Нина
DiaBa 2. Воспоминания об Андресе Нине 117
Глава 3. Последний день с Андресом Нином 121
Глава 4. Долгий путь к правде об Андресе Нине 123
• Брошюра 1939 года • ПОУМ не сдается • Разоблачения Хесуса Эрнандеса
• Конец долгого пути • Преступление в Алькала де Энарес • Попытка насаждения «народной демократии»

Часть III
Скрещение судеб 133
Глава 1. Андрес Нин и Хоакин Маурин 133
• Поездка в Москву • Борьба против диктатуры Примо де Риверы
• Маурин в Париже • Две выдающиеся личности • От Рабочего альянса к ПОУМ • На пути к созданию ПОУМ • 1936-1937: Нин без Маурина
DiaBa 2. Андрес Нин и Лев Троцкий 148
Глава 3. Андрес Нин и Виктор Серж 156

Приложение 165
1. Сталинизм и ПОУМ..... 165
   • Доклад Луиджи Лонго о процессе ПОУМ • Статьи, опубликованные «Юманите» после ареста Андреса Нина и основных руководителей ПОУМ
2. Резолюция Исполкома ПОУМ о Московских процессах 174
3. Три текста Л. Д. Троцкого 175
   • Письмо Жану Ру • Письмо Андресу Нину • Убийство Андрея Нина агентами ГПУ
4. Призыв пересмотреть решение суда над членами ПОУМ 178
5. Три обращения к республиканскому правительству.....180
6. Заявление газеты «Требаль», органа ОСПК, об Андресе Нине.....185

Примечания 195

Партия последнего шанса

Совесть — начало и мера всего.

Альбер Камю

Научно-просветительский центр «Праксис» проделал важную работу, подготовив к изданию на русском языке книгу Вилебальдо Солано «Против Франко, против Сталина: Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936-1939)». Эта война стала поворотным событием в истории международного рабочего движения, первым и последним боем, который дал фашизму европейский пролетариат, долгим и упорным сопротивлением, сопровождавшимся огромными жертвами. Событие обросло мифами, искажающими его значение, и наиболее пагубный из них касается роли СССР и Коммунистического Интернационала. Согласно мифологизированной версии, Советский Союз, оказывавший помощь Испанской республике, служил главным оплотом борьбы против фашизма. В действительности все было иначе: СССР содействовал удушению революции в Испании и тем самым открыл путь фашизму — но это обыкновенно замалчивается. Книга Солано является документальным свидетельством правды. И особенно важно предоставить возможность ознакомиться с ней русским читателям. Ее издание в Москве, где в 1936 году замышлялось уничтожение революции, является своего рода историческим реваншем.

Следует напомнить о международном политическом контексте тех лет. То было время, когда в Европе и за ее пределами развивалось независимое революционное социалистическое движение. ПОУМ являлась составной частью более широкой тенденции, которая стремилась выйти за рамки как социал- демократии, так и сталинского коммунизма. До сих пор существуют последователи того движения, частью в составе социалистических партий, частью как независимые организации, хранящие историческую память, которая призвана служить делу борьбы. В Испании это Фонд Андреса Нина, в России Центр «Праксис». И они не одиноки.

ПОУМ вышла на историческую арену в период тяжелых поражений рабочего движения в Европе. В 1935 году, когда Рабоче-крестьянский блок (РКБ) объединился с Левыми коммунистами Испании (ЛКИ) в новую революционную партию, фашизм торжествовал в Италии, Португалии, Германии и Австрии.

В Италии Муссолини сломил сопротивление демократической, левой и профсоюзной оппозиции и уже в 1925 году создал модель фашистского государства. В Португалии в 1934 году Всеобщая конфедерация труда призвала к всеобщей захватной стачке против «нового порядка» Салазара, но движение

было подавлено вооруженной силой. В Германии в 1933 году Гитлер пришел к власти, не встретив сопротивления. Рабочие партии, социал-демократическая и коммунистическая, располагавшие собственными военизированными отрядами, не шелохнулись. Коммунисты считали своими главными противниками социал-демократов, а те цеплялись за остатки рушившейся на их глазах законности. И те, и другие после марта 1933 года оказались в нацистских концлагерях. В Австрии в феврале 1934 года социалистические боевые отряды «Шуцбунда» выступили по своей инициативе против государственного переворота Дольфуса, когда их попытались разоружить. Их сопротивление было подавлено армейской артиллерией при поддержке фашистских боевиков.

В Испании всеобщая стачка в октябре 1934 года и восстание в Астурии внесли вклад в революционную борьбу рабочих 30-х гг. против правого авторитаризма и фашистской угрозы, но также потерпели поражение от войск под командованием будущего путчиста генерала Франко.

В то время рабочее движение разделялась на два массовых течения, социал-демократическое и коммунистическое, но не исчерпывалось ими. С конца Первой мировой войны заявили о себе независимые революционные социалистические объединения. Некоторые из них возникли на основе оппозиционных групп социалистов-интернационалистов, противников войны, которые отказались вступать в образованный в марте 1919 года Коминтерн, в большинстве своем не желая признавать 21 условие членства в нем. Впоследствии бездеятельность крупных социал-демократических партий и их слепая приверженность легализму перед лицом фашистской угрозы вызвали отколы от них левых течений.

В этих первых объединениях левых социалистов необходимо отметить роль российских, украинских и грузинских эмигрантов: различных групп меньшевиков, особенно интернационалистов под руководством Ю. О. Мартова, бундовцев, левых эсеров, украинских, в частности, закарпатских эсеров, таких представителей грузинской социал-демократии, как И. Г. Церетели, Н. Н. Жордания и Н. В. Рамишвили — последний был убит в Париже в 1930 году агентом НКВД.

Испанские революционные синдикалисты (Национальная конфедерация труда), вступившие в Интернационал красных профсоюзов с момента его основания в 1921 году, уже на следующий год покинули его и приняли участие в воссоздании Международной ассоциации трудящихся (МАТ) — анархо-синдикалистского интернационала. Андрес Нин, присутствовавший на учредительном конгрессе Красного интернационала профсоюзов в качестве делегата от НКТ, вступил в РКП(б), стал в том же 1921 году заместителем генерального секретаря Прогфинтерна и оставался на этом посту до 1927 года, когда присоединился к Левой оппозиции в ВКП(б). Во Франции вступившие в компартию революционные синдикалисты, в частности, Пьер Монат и Альфред Росмер, были исключены из нее в 1924-м и основали группу «Пролетарская революция», порвавшую с Коминтерном.

Третьим источником революционного социализма стали оппозиции в коммунистическом движении, развитие которых пошло особенно быстро после затеянной Сталиным в 1924 году «большевизации» Коминтерна, приведшей

к полному подчинению коммунистических партий разных стран советскому партийно-государственному аппарату, причем несогласные беспощадно исключались.

Политическое сопротивление захвату Сталиным власти в РКП(б) породило две основные тенденции, имевшие последователей во всем мире. «Левая оппозиция», возникшая в 1923 году и вдохновляемая Л. Д. Троцким, с 1930 года обрела международный характер, в нее входили Левые коммунисты Испании. В 1938 году на ее основе был образован IV Интернационал. С другой стороны, «правая оппозиция», ориентировавшаяся на идеи Н. И. Бухарина, также в 1930 году сделалась международным течением, имевшим влияние в Германии, Швеции и США. Рабоче-крестьянский блок, хотя и не входил в ее состав, был политически близок к ней.

В 1923-1932 гг. в процессе расколов и объединений в мире происходило формирование левосоциалистических и революционных течений. Одновременно углублялся кризис массовых партий, социал-демократических и коммунистических, и выйти из него в партийных рамках становилось невозможно. После провала попыток возрождения рабочего единства встал вопрос о создании нового Интернационала.

Международный революционный марксистский центр был образован в 1932 году по инициативе британской Независимой лейбористской партии (НЛП), которая взяла на себя функции секретариата. Затем организация стала называться Международным бюро социалистического революционного единства и получила известность как Лондонское бюро. Оно объединяло партии из тринадцати стран, частью вышедшие из социал-демократии, как, например, Социалистическая рабочая партия Германии или Революционные левые в СФИО во Франции (ставшие в 1938 году Рабоче-крестьянской социалистической партией); а частью из компартий, как Социалистическая партия Швеции или Коммунистическая оппозиция в Германии. ПОУМ вступила в это международное объединение сразу после своего образования в 1935 году. Единственной массовой рабочей партией, состоявшей в Бюро, являлась Норвежская рабочая партия, но в 1933 году она вернулась в Социалистический Интернационал.

Эдо Фиммен, генеральный секретарь Международной федерации работников транспорта, был членом Независимой социалистической партии Нидерландов, входящей в Бюро. Руководимое им профобъединение фрахтовало суда, прорвавшие блокаду Астурии во время гражданской войны в Испании...

Партии Лондонского бюро расходились между собой по вопросу о том, нужен ли в борьбе против фашизма «народный фронт» или единый рабочий «фронт». Они призывали социалистические и коммунистические партии объединиться перед лицом фашистской угрозы, разделяя тем самым позицию Троцкого; однако сближения с троцкистским движением не произошло: большинство партий, входивших в Бюро, в том числе ПОУМ, противилось созданию нового Интернационала. Многие из них считали создание последнего преждевременным, тем более, что небольшие группки троцкистов не могли стать для него достаточной опорой. Троцкий начал критиковать «центризм» Бюро и особенно Андреса Нина и руководство ЛКИ за то, что они предпочли троцкизму объединение с РКБ.

Военно-фашистский путч в Испании в июле 1936 года, положивший начало революции в Каталонии и гражданской войне по всей стране, радикальным образом изменил политическое положение революционных левых. После того, как все прежние битвы против фашизма в Европе были проиграны, открывался новый фронт борьбы, в которой рабочее движение имело шанс на победу.

Для членов ПОУМ и в некоторой степени для НКТ и левого крыла ИСРП война и революция были неразрывно связаны: без революции, считали они, войны не выиграть. Отныне ПОУМ становилась ведущей партией Лондонского бюро. Уже в июле 1936 года со всех концов Европы и других континентов в Испанию стали стекаться добровольцы для участия в вооруженном сопротивлении франкизму. Революционные социалисты и коммунисты несталинистского толка вступали в ополчение ПОУМ, анархисты в отряды НКТ. К ним присоединялись даже некоторые члены компартии, поскольку первые интербригады были организованы Коминтерном только в октябре, когда Сталин понял, что революция в Испании действительно может победить, выйдя из-под его контроля.

В ополчение, созданное ПОУМ, вступило около 700 добровольцев из по меньшей мере 28 стран. В массе своей эти люди состояли в партиях, входивших в Бюро, среди них имелись также троцкисты и другие левые активисты. Больше половины были немцами, в основном, из СРПГ и КОГ. В Испании сражалось и около сотни британских добровольцев, из них пятьдесят человек в отрядах ПОУМ (в том числе Джордж Оруэлл), остальные в интербригадах и ополчении НКТ. Рядом с ними воевали и два десятка итальянцев (социалистов-максималистов, бордигистов и троцкистов).

С августа-сентября 1936 года революционные социалисты также стали вступать в отряды НКТ. Батальон имени Маттеотти под командованием Карло Росселли, лидера социалистического движения «Справедливость и Свобода» (итальянская аббревиатура GL), и анархиста Камилло Бернери, сражался вместе с организованной НКТ Колонной Аскасо на Арагонском фронте. В отряд входили итальянцы различных взглядов (анархисты, республиканцы, максималисты, «джеллисты» (сторонники GL), коммунисты). В августе 1936 года он одержал важную победу при Монте Пеладо. По радио Барселоны Росселли призывал: «Сегодня в Испании, завтра в Италии!»

Однако Сталин и покорная ему Коммунистическая партия Испании решили сломить революционные силы, способные стать во главе рабочей революции и подать пример всему миру — ведь в СССР в это время уничтожалось все то, что еще осталось от русской революции. В августе 1936 года состоялся первый Московский процесс. В октябре сталинисты начали чудовищную кампанию клеветы и диффамации в адрес ПОУМ.

СССР выступал с позиции силы: поскольку западные демократии отказались помогать Испанской республике, он стал единственной страной, помимо Мексики, которая оказывала ей военную помощь — обставленную политическими условиями, которые в итоге парализовали государственные институты. КПИ, незаметная в начале революции, получила в свое распоряжение орудия власти, полицию и армию, а также поддержку со стороны

военных советников из СССР. Пробой сил стали Майские события 1937 года в Барселоне, которым Солано посвятил отдельную главу своей книги. Подразделение полиции под командованием коммунистов попыталось захватить Телефонную станцию, контролируемую НКТ. Анархисты оказали сопротивление, и возмущение охватило весь город. ПОУМ поддержала профсоюз, однако его руководство, члены которого входили в республиканское правительство, вынудило рядовых активистов прекратить борьбу. Отныне соотношение сил изменилось: инициатива перешла к сталинистам, которые добились отставки премьера Ларго Кабальеро и замены его Негрином, социалистом, готовым сотрудничать с коммунистами. Ничто более не препятствовало проведению репрессий.

Робер Лузон, французский синдикалист из «Пролетарской революции», в своей работе о Майских событиях, которую цитирует историк Пьер Бруэ, пишет об удивительном, подавляющем превосходстве вооруженных рабочих, почти без боя ставших хозяевами девяти десятых территории города. Однако сила эта использовалась лишь в целях обороны. Бруэ заключает: «Конечно, есть основания полагать, что стихийное выступление трудящихся Барселоны могло дать импульс новому революционному подъему, стать поворотным моментом». Исследователь ограничивается выводом о том, что лидеры анархистов такого исхода не хотели, а руководители ПОУМ полагали, что их сил для того недостаточно. То был последний шанс революции.

Репрессии против ПОУМ и других левых антисталинистов, начатые в мае 1937 года НКВД и испанскими коммунистами, со всей силой обрушились на иностранных бойцов-добровольцев. Сталинские агенты убили австрийского революционера-марксиста, советника ПОУМ Курта Ландау, Боба Смайли из НЛП, сына лидера российских меньшевиков Рафаила Абрамовича социалиста Марка Рейна, троцкистов Эрвина Вольфа, Ганса Фройнда и соратника Грамши Гоффредо Розини, инакомыслящего агента Коминтерна Джорджо Тиоли, бразильского активиста Алберту Безушета, близкого к троцкистам, и ряд бойцов Интербригад, в том числе анархистов Камилло Бернери и Франческо Барбьери.

Многие иностранные активисты были арестованы и брошены в собственные тюрьмы НКВД, так называемые «ЧК». Некоторым удалось бежать, другие вышли на свободу благодаря международным кампаниям, которые проводились Лондонским бюро и его членскими организациями, партиями Социалистического Интернационала, комитетами солидарности, объединявшими интеллектуалов, политических и профсоюзных руководителей левой направленности, в частности, во Франции, Великобритании и США. Иных вырвали из рук «ЧК» боевые группы анархистов и социалистов. Особенно трудным было положение изгнанников, немцев, австрийцев, итальянцев, которые не могли рассчитывать на защиту посольств своих стран, какой бы эфемерной она ни являлась.

Активистам ПОУМ тоже пришлось нелегко. Около тысячи членов партии было арестовано, полсотни убито, в том числе ее лидер Андрес Нин, похищенный и замученный до смерти 20 июня 1937 года. После роспуска воинских частей ПОУМ состоявшие в них ополченцы перешли под командование коммунистов; их убивали либо посылали на верную гибель. Те же,

кому посчастливилось вступить в анархистские или социалистические отряды, смогли выжить. Состоявшийся в 1938 году суд над лидерами ПОУМ, который по мысли его организаторов из НКВД должен был стать повторением «Московских процессов» в Испании и доказать, что подсудимые являлись «сообщниками франкистов», принял совершенно иной оборот: Андрес Нин умер под пытками, не подписав «признаний», обвиняемые сами обратились в обвинителей, ведущие анархисты и социалисты свидетельствовали в их защиту, международная кампания солидарности, развернувшаяся в Европе и США, дискредитировала всю затею НКВД.

Активисты НКТ и другие анархисты также пострадали от репрессий, проводимых советскими спецслужбами и испанскими коммунистами. Так, были убиты двенадцать членов организации Молодых анархистов, в том числе Альберто Мартинес, секретарь Фронта революционной молодежи, в который входили и «Молодые коммунисты Иберии» под руководством Солано.

Власти республики бессильно взирали на репрессии против ПОУМ, анархистов и их зарубежных товарищей. В августе 1937 года делегация во главе с депутатом от НЛП Джеймсом Макстоном попыталась выяснить у правительственных чиновников суть обвинений, выдвинутых в адрес ПОУМ, и обстоятельства исчезновения Андреса Нина. Министр юстиции Мануэль Ирухо (баскский националист) заявил ей, что полиция стала «почти совершенно независимой», а фактически подставлена под контроль иностранных коммунистов. Еще одна делегация под руководством другого депутата от НЛП Джона Макговерна, получила в декабре аналогичный ответ от министра внутренних дел социалиста Хулиана Сугасагойтиа: «Россия оказывает нам помощь, и приходится допускать некоторые вещи, которые нам не нравятся».

В 1939 году «правительство победы» Хуана Негрина проиграло войну. 26 января пала Барселона, 9 февраля прекратилось вооруженное сопротивление в Каталонии в целом. Находившиеся в заключении члены ПОУМ опасались, что попадут в руки франкистов, но министр юстиции социалист Гонсалес Пенья освободил их накануне падения Барселоны. Им удалось добраться до Франции, где их встретили активисты РКСП.

После потери Каталонии военное положение Республики стало безнадежным. 27 февраля Британия и Франция признали правительство Франко. Республиканское командование, ИСРП, ВСТ и НКТ хотели закончить войну и начать мирные переговоры, однако Негрин и коммунисты призывали сопротивляться до конца.

5 марта командующий армией Центра полковник Сихисмондо Касадо захватил власть в Мадриде и сместил Негрина. Был образован Национальный совет обороны, в который вошли социалисты, анархисты и республиканцы. Контрнаступление верных коммунистам частей было отбито анархистским подразделением под командованием Сиприано Меры.

6 марта Негрин, его советники из СССР и коммунистический штаб бежали во Францию. Франко отказался вести переговоры и потребовал от своих противников сложить оружие без всяких условий. 26 марта фашистские армии начали наступление и заняли остававшуюся под контролем республиканцев территорию, не встретив сопротивления. 1 апреля 1939 года Франко объявил гражданскую войну оконченной.

До начала Второй мировой войны оставалось 5 месяцев. Уже начиная с лета 1938 года, СССР сокращал объемы военной помощи Республике в преддверии поворота своей внешней политики, который завершился подписанием пакта Молотова—Риббентропа 23 августа 1939 года. 1 сентября немецкие войска вторглись в Польшу, 17 сентября их примеру последовала советская армия.

В том же 1939 году было распущено Лондонское бюро. Борьба против войны являлась ключевым направлением его политики. Испанская революция придала ей большую определенность и новые масштабы.

На конгрессе Бюро в Брюсселе в октябре 1936 года Феннер Броквей из НЛП заявил: «Испанская революция станет революцией европейской. Это может показаться утопией, однако вследствие развития ситуации в Испании и учитывая, что Советская Россия грозит разорвать Пакт о невмешательстве, мы должны быть готовы к социальной революции, не ведающей национальных границ».

Далее Броквей продолжал: «В результате героической борьбы испанских товарищей в рабочем классе растет революционный дух. <...> Поднимаются силы, которые создадут новый революционный Интернационал. <...> Я заявляю: быть может, подобно тому, как социальная революция в России вызвала к жизни III Интернационал, — социальная революция в Испании будет способствовать созданию нового, революционного Интернационала».

Аналогично видела перспективу и ПОУМ. Позднее Солано писал, хотя и в более сдержанных выражениях: «Следовало идеологически, политически и организационно вооружаться, чтобы одержать победу в Испании и тем самым не допустить развития фашизма в Европе, предотвратить Вторую мировую войну и открыть перед европейским рабочим движением путь к освобождению».

На самом деле испанская революция оказалась в изоляции. Во Франции массовые стачки июня 1936 года как будто позволяли надеяться на революционный исход, но правительство Народного фронта положило им конец. Революционному социалисту Марсо Пиверу, члену Лондонского бюро, который в июне 1936 года утверждал, что «возможно все», — генсек французской компартии Морис Торез ответил, что возможно не все, и нужно «уметь закончить забастовку». В остальной Европе не происходило ничего. Правда, в США деятельность КПП способствовала определенному подъему рабочего движения, но он не оказал непосредственного влияния на положение в других странах.

Если испанская революция и была последним шансом для революции европейской, то его реализация требовала активного взаимодействия НКТ с ПОУМ. Известно, что этого не произошло. И здесь весьма показателен рассказ Солано о встрече руководителей ПОУМ и НКТ 3 мая 1937 года (см. гл. 4, ч. I).

Главным просчетом в политике Лондонского бюро оказалась роковая недооценка нового фактора: контрреволюционной мощи СССР. Но именно этот фактор оказал решающее влияние на соотношение сил в мире, которое далеко было для испанской революции 1936 года далеко не столь благоприятным, как в 1917-1919 гг. для революции в России.

Брюссельский конгресс Бюро, на котором ПОУМ представлял Хулиан Горкин, приветствовал оказание СССР военной помощи Испании, предостерегая одновременно от «колонизации испанского рабочего класса в обмен на оружие». Последующие события показали, насколько оправданным оказалось подобное опасение. Конгресс большинством голосов принял решение о «защите СССР» как единственной страны, где «экономическая система основана на коллективной, общественной собственности и тем самым служит серьезным препятствием для стабилизации мирового империализма».

В то же время конгресс не сумел выработать единую позицию по отношению к Московскому процессу августа 1936 года, несмотря на выступление представительницы организации «Освобожденная школа». Она, в числе прочего, заметила, что от «завоеваний Октябрьской революции» в СССР осталась такая малость, что ее не стоит и защищать. Обсуждение «русского вопроса» отложили до следующего конгресса, который по предложению ПОУМ должен был состояться в Барселоне весной 1937 года.

Такие организации, как КОГ Брандлера и Тальгеймера, — при том, что члены их сражались в ополчении ПОУМ, — отказывались выступить с осуждением Московских процессов, пока на третьем их них, в марте 1938 года, на скамье подсудимых не оказался их товарищ Бухарин.

Осуществив в 1935 году слияние «левой» и «правой» оппозиций, ПОУМ по существу предвосхитила ситуацию, сложившуюся в революционном движении в 40-50-х гг., когда и те, и другие оппозиционеры — продолжатели марксистской традиции — оказались объединены своим противостоянием сталинизму, который не только не являлся «центризмом», но в действительности создавал политическую и экономическую систему с новым господствующим классом, не имевшую ничего общего с социализмом. Движения, как и люди, познают все опытным путем, и опыт сталинской контрреволюции — доставшийся слишком дорогой ценой — стал важнейшим уроком для социалистического движения.

Поражение испанской революции, которое повлекло за собой падение Республики, обозначило завершение целого периода в истории революционного социализма, начавшегося в годы Первой мировой войны.

В заключение предоставим слово Вилли Бушаку, историку Лондонского бюро:

«Тот факт, что гражданская война в Испании не смогла вызвать подъем, которого ожидали левые социалисты в Европе, в значительной мере обуславливался факторами, от них не зависевшими. В конечном итоге, исход гражданской войны был предрешен в Лондоне, Париже и Москве, и лишь совокупные усилия всего европейского рабочего движения могли поколебать чашу весов. Но профсоюзные и политические рабочие Интернационалы оказались к этому не готовы. Коминтерн и его испанская секция несут ответственность за политику насильственного подавления социально-революционных течений, которая подорвала антифашистское сопротивление изнутри. Испания, страна удушенной революции, не сумела, вопреки чаяниям левых социалистов, дать новый импульс рабочему движению.

Все, что отныне могло сделать Лондонское бюро, — это сохранить свои кадры, воспитать их и подготовить к той долгой, беспросветной ночи, которая ожидала их с началом Второй мировой войны, с тем, чтобы они попытались по возможности сохранить и пронести через мрак дух социализма».

Дан Галлин,
руководитель Международного института труда

Литература

1. Willy Buschak: Das Londoner Büro — Europáische Linkssozialisten in der Zwis- chenkriegszeit, Intemationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam, 1985.
2. Andy Durgan: International Volunteers in the POUM Militias, Fundación Andreu Nin, Edición digital, 2004.
3. Reiner Tosstorf: Die POUM in der spanischen Revolution, ISP, Kóln, 2006.
4. Stefanie Prezioso, Jean Batou, Ami-Jacques Rapin (ed.): Tant pis si la lutte est cruelle — Volontaires intemationaux contre Franco, Editions Syllepse, París, 2008.

Введение

История Рабочей партии марксистского единства (испанская аббревиатура ПОУМ) тесно связана с именем Андреса Нина. В этой книге мне хотелось бы подчеркнуть историческое значение и ПОУМ, и личности Нина, который вместе с Хоакином Маурином руководил ею.

Место ПОУМ в истории и призваны определить статьи, эссе и выступления, собранные в этой книге и написанные мною для различных политических и научных мероприятий.

Так, эссе «„Молодые коммунисты Иберии" в Испанской революции и гражданской войне» было подготовлено для коллоквиума, посвященного 50-й годовщине создания ПОУМ, который состоялся в 1987 году в Центре международных исторических исследований Барселонского университета. Здесь я ставил своей целью не изложить историю МКИ, а изобразить молодежную организацию ПОУМ в уникальный исторический момент, для которого, в числе прочего, характерно было решающее участие молодежи в социальной и политической борьбе, в войне и революции.

У истоков этой книги лежат три серьезных достижения и одна досадная неудача. Сначала об успехах: издание в 1970 году в Париже — за пределами Испании — первой биографии Андреса Нина; демонстрация по каталонскому телеканалу TV3 фильма «Операция „Николай"», снятого в 1992 году Марией Долос Женовес и Льибертом Ферри; и, наконец, международный успех замечательной ленты Кена Лоача «Земля и свобода». Неудача заключается в том, что мне до сих пор не удалось получить доступ к документам, относящимся к жизни Андреса Нина в СССР в 1921-1930 гг., которые хранятся в Москве.

Биографию Нина я написал по просьбе «Эдисьон Каталан», маленького парижского издательства, публиковавшего политическую литературу, которая не могла увидеть свет во франкистской Испании. В книге также была напечатана работа Нина «Национально-освободительные движения», впервые изданная в 1935 году в Барселоне, и мое эссе о нем с предисловием Ориоля Пучберта (псевдоним историка Жозепа Бенета).

В Каталонии книга имела большой резонанс, ее выход совпал с серьезными политическими волнениями, предвестниками событий, произошедших в Испании несколько лет спустя.

Особенный интерес вызвало мое эссе; многие обращались ко мне с просьбой написать более подробную биографию. Прежде чем отдать его в печать, я послал текст Ольге Нин, которая в то время вместе с дочерью Ирой жила в США. Вдова Нина ответила: «Эссе настолько хорошо, что к нему нечего добавить». Я возразил, что ей известно гораздо больше, чем мне, и предложил написать более подробную биографию при условии помощи с ее стороны,

в особенности, в том, что касалось жизни Нина в СССР в 1921-1930 гг. Я настаивал на том, что невозможно написать подобную книгу без сотрудничества с ней, без необходимых сведений о том периоде жизни ее мужа, который она должна хорошо помнить. Однако у Ольги Нин почти не осталось документов того времени. Мы решили обсудить это подробнее при встрече в Париже, через который она планировала ехать в Италию повидаться с дочерью Норой. К сожалению, этот проект так и остался нереализованным; в ту эпоху мы и помыслить не могли о доступе, хотя бы частичном, к сталинским архивам.

Тогда я решил поговорить с людьми, которые знали Нина в его бытность в Москве или работали с ним, в частности, в Интернационале красных профсоюзов. У меня состоялись интересные беседы с Альфредом Росмером, Пьером Монатом и Пьером Навилем. Я также попросил поделиться своими воспоминаниями друзей и соратников Нина: Хуана Андраде, Пере Бонета, Хулиана Горкина, Игнасио Иглесиаса, Луиса Портелу, Давида Рея, Акилино Мораля, Адольфо Буэсо. Неоценимую помощь оказала мне Мария-Тереса Карбонель, моя жена и помощница, которая вела изыскания в различных архивах Испании и Франции. Мне удалось собрать ценную документацию, но она так и не заполнила белых пятен, касающихся жизни Нина в Москве как политического и профсоюзного руководителя. Работа в агентстве «Франс пресс» и общественная деятельность в руководстве ПОУМ и редакции журнала «Баталья» отнимали у меня слишком много времени, и в итоге я отказался от своего замысла.

Разоблачение сталинской лжи

Процессы, начавшиеся в Москве после смерти Сталина в 1953 году, и разоблачения, сделанные в 1956-м на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, с одной стороны, и очевидный стремительный упадок франкистской диктатуры, с другой, открыли перед Испанией и миром новые перспективы. Как внутри страны, так и за ее пределами неуклонно рос интерес к испанской революции, ПОУМ и личности Андреса Нина. Находясь в эмиграции в Париже, мы без труда могли убедиться в этом, в особенности, на примере роста и разнообразия наших связей с подпольными группами, которые постоянно возникали в Испании. Оправдывая наши надежды, молодежь писала материалы о ПОУМ и Нине для нелегальных газет и брошюр. Написанное мною эссе о Нине было тайно издано в Испании, а позднее увидели свет работы Виктора Альбы, Пелаи Пажеса и Франсеска Бонамузы. Моя книга сначала вышла на кастильском и каталанском языках, затем на французском и английском при поддержке Независимой лейбористской партии.

В 1992 году, когда приоткрылись советские архивы, мы поверили было, что наконец-то сможем проникнуть в тайны Кремля, о чем и помыслить не могли за несколько лет до этого. Наши надежды питало и документальное расследование Марии Долос Женовес и Льиберта Ферри, которым повезло получить доступ к архиву КГБ. Там они обнаружили доказательства того, что убийство Андреса Нина, совершенное в окрестностях Алкала де Энарес в июле

1937 года, бесспорно являлось делом рук группы генерала Орлова, руководителя сталинских секретных служб в охваченной войной Испании. На основе сохранившихся в архиве КГБ документов в фильме «Операция „Николай"» убедительно показано, что попытки уничтожить ПОУМ, как и убийство Нина, направлялись из Москвы. Отныне это — *признанный факт.*

Таким образом, нам известны место и обстоятельства смерти Нина, но мы по-прежнему не располагаем документами о его политической работе в СССР в 20-е гг. Однако мы знаем, что досье Нина весьма обширно и содержит его речи и выступления на конференциях, политические доклады и письма. Нам известно также, что в архиве КГБ находятся материалы о ряде убийств, совершенных в Испании бандой Орлова. Среди ее жертв — австрийский писатель Курт Ландау, журналист Абрамович (Марк Рейн), американский писатель Хосе Роблес (секретарь Джона Дос Пассоса), лейбористский лидер Боб Смайли, троцкист Ганс Фройнд (Мулен) и еще многие другие.

Поскольку подробная биография Нина так и не была написана, я посчитал нужным включить в эту книгу свое эссе 1970 года и другие работы, в частности, касающиеся отношений Нина с Хоакином Маурином, Виктором Сержем и Львом Троцким. Я специально ничего не изменил в биографическом эссе с целью показать, что уже тогда в истории его похищения не было для нас ничего загадочного.

В книгу также вошли статьи, посвященные истории ПОУМ, различным аспектам деятельности Нина и многолетним усилиям активистов ПОУМ и Фонда Андреса Нина, направленным на раскрытие «тайны исчезновения Нина».

Эта работа окончательно разоблачает международную кампанию клеветы на ПОУМ, организованную сталинскими секретными службами, которой прежде вторили руководители компартий, отдельные попутчики сталинизма и многочисленные рядовые коммунисты, обманутые своими вождями и их чудовищными мистификациями.

События последних лет полностью подтвердили все наши основные выводы. Мы знали, что у сталинизма нет будущего, хотя и вообразить себе не могли, что его крушение окажется столь бесславным и гротескным. Троцкий, Бухарин и Нин, каждый по-своему, боролись против великого сталинского обмана, за новые перспективы для социализма. Но даже они со всем своим опытом не могли представить себе, сколь страшные опустошения произведет сталинизм, сколь тяжкие будет он иметь последствия.

Трудные условия, в которых пришлось действовать ПОУМ (революция, война и сталинские репрессии), обусловили особое внимание и интерес именно к судьбам отдельных лидеров организации: например, к одиссее Хоакина Маурина и его долгом заточении во франкистских тюрьмах, к похищению и убийству Андреса Нина на республиканской территории. При этом нередко забывается, что в рядах ПОУМ насчитывалось немало достойных активистов, пользовавшихся значительным влиянием в своей среде.

Разумеется, здесь нельзя не упомянуть одну из ключевых проблем нашего времени. Я имею в виду, конечно, распад СССР, конец режимов «народной демократии» в Европе и исчезновение международного коммунистического

движения. Все это представляет собой беспрецедентное в истории явление и ставит перед нами ряд важных политических и теоретических вопросов.

Некоторые, не задумываясь, поспешили заявить, что марксистский анализ непригоден для объяснения подобного рода феноменов. Они не правы. Наиболее глубоко проанализировали русскую революцию и процесс ее перерождения Ленин и Троцкий, такие советские оппозиционеры, как Христиан Раковский и Виктор Серж, многие другие марксисты, которые шли в тюрьмы и на смерть, но не отрекались от своих убеждений и ценностей.

Не следует забывать об одной вещи: от победы в октябре 1917-го к краху в декабре 1991 года ведет не прямая линия, а извилистая кривая, отмеченная множеством крутых поворотов, а главное, радикальным разрывом (1934-1938) между духом и заветами революции и термидорианской реакцией сталинской бюрократии, которая представляет собой социальную категорию, не имеющую прецедентов в истории. Разрыв этот погубил миллионы человеческих жизней.

В 1936 году Троцкий не исключал возможности «возвращения к капитализму», все же, разумеется, надеясь на то, что советский пролетариат найдет в себе силы свергнуть бюрократический режим и возвратиться на социалистический путь. Но история распорядилась иначе, *перестройка*, ставшая заключительным этапом событий, обернулась поражением рабочего класса. Дезорганизованный, атомизированный бюрократией, он не сумел сыграть в те годы определяющую роль в общественных процессах. Распад СССР требует глубокого и беспощадного анализа советского опыта, и здесь недопустим поспешный и вульгарный ревизионизм. Ибо подобное осмысление произошедшего должно, напротив, дать новые основания для социалистической перспективы.

Кризис рабочего движения и глобализация

В предисловии к испанскому изданию этой книги, написанном в 1999 году, я кратко напомнил об основных проблемах, вставших перед капитализмом, его лидерами и теоретиками после распада СССР, Восточного блока и кризиса международного рабочего движения. На то время пришелся апогей «дикого капитализма» в России и кризис в Юго-Восточной Азии, яркое проявление того, к чему ведет неолиберальная политика в так называемых развивающихся странах. Несмотря на все это, в ведущих капиталистических державах и финансовых кругах Европы и США неолиберальная эйфория продолжалась, и ей, казалось, не будет конца. Там курили фимиам «новой экономике» и глобализации, поклонялись божествам рынка и «информационного общества».

Понадобилось меньше двух лет, чтобы стала ясна полная несостоятельность всего этого и оказались скомпрометированы новые идеологии, которые своей дерзостью компенсируют отсутствие научного обоснования. Никто не станет отрицать, что достижения передовых современных технологий открывают обширные перспективы для развития человечества. Однако с каждым днем становится все очевиднее, что использование их нынешними хозяевами

мира совершенно несправедливо и повсюду ведет к огромному росту неравенства: между развитыми странами «центра» и «периферией» Третьего мира; между привилегированными общественными классами, наемными работниками и теми, кто обречен на бедность.

За эти два года произошло два важнейших события: обнаружился кризис «новой экономики» и возникло всемирное движение «антиглобалистов», выступающее против идеологии и реалий современного капитализма. Прекращение выхода американского еженедельника «Индастри Стандард», этого символа «новой экономики», и других подобных изданий, а также падение индекса Nasdaq, в высшей степени показательны. Но самое главное — огромные трудности, с которыми сталкивается капиталистическая экономика в попытке обеспечить экономический рост и минимизировать разрушительные последствия слияния крупных компаний, массовых увольнений сотрудников транснациональных корпораций и политики наращивания вооружений по американскому образцу.

Движение против глобализации, заявившее о себе в Сиэтле, призвано по-своему заполнить пустоту, которую оставило после себя прежнее рабочее движение, левые профсоюзы и политические силы после острого кризиса, вызванного распадом СССР и изменением политической и экономической географии Европы. Конец сталинистских партий и связанных с ними профсоюзов был ожидаем. Но и для социал-демократии характерен постепенный отказ от прежних реформистских целей и ее все более тесная интеграция в механизм капиталистического господства. В подобной ситуации нельзя не оценить как в высшей степени позитивный фактор возникновение антиглобалистского движения, ставящего перед собой следующие цели: обличение капиталистической эксплуатации и его орудий подавления и обмана (Международного валютного фонда, Всемирного банка и пр.), стремящихся избежать какого бы то ни было демократического контроля. Международные протесты против саммитов «Большой восьмерки» в июле 2001-го в Генуе и в 2002 году в Барселоне имели огромное значение.

Так что мы достигли не «конца истории», а начала эпохи глубоких социальных противоречий, политических потрясений и переосмысления ценностей. Потому радикальная критика опыта сталинизма и новых тенденций капитализма требует решительного возврата к подлинным ценностям социализма. А значит, ясного критического мышления и идеологического, политического, интеллектуального и нравственного перевооружения сил, которые не отказываются от ориентации на революционное преобразование мира.

Террористические акты 11 сентября 2001 года в США, которым нет оправдания, послужили трагическим подтверждением тому, что экономические, политические и социальные противоречия нашего мира гораздо более глубоки, чем нам представлялось прежде. Тем не менее, не следует, подобно некоторым североамериканским теоретикам, утверждать, будто эти события знаменуют собой проявление «столкновения цивилизаций» — скорее, они порождены «хаосом», воцарившимся после распада СССР и падения Берлинской стены. И самое отчетливое проявление этого хаоса — неолиберальное наступление американского капитализма, которое усугубило все проблемы, обусловленные

дисбалансом между странами «центра» и «юга». Война в Афганистане и новые угрозы в адрес таких стран, как Ирак, Иран и Северная Корея, чреваты серьезными последствиями и способны породить новые кризисные факторы в условиях мировой экономической рецессии, уже проявившейся в банкротстве Аргентины и ограничении демократических свобод и прав человека в США и других странах.

Вилебальдо Солано,
Барселона—Париж, май 2002 года

Часть I

Рабочая партия марксистского единства и «Молодые коммунисты Иберии»

Глава 1

ПОУМ в истории[1]

От возникновения РКБ до Рабочего альянса

Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) была создана в подполье в Барселоне 29 сентября 1935 года в результате объединения Рабоче-крестьянского блока (РКБ) и Левых коммунистов Испании (ЛКИ). Она образовалась в ключевой для испанского рабочего движения период между революцией октября 1934-го* и военно-фашистским мятежом июля 1936 гг.

РКБ[2], образованный в Таррасе 1 марта 1931 года, накануне падения монархии и провозглашения Республики, стал результатом объединения Каталонской коммунистической партии — созданной в годы диктатуры Примо де Риверы молодыми активистами, прежде участвовавшими в революционно-синдикалистском и радикальном каталонском движениях (Жорди Аркер, Виктор Коломе, Жоан Фарре Гассо, Жозеп Родес, Жозеп Коль), — и Каталонско-Балеарской федерации Коммунистической партии Испании (Хоакин Маурин, Пере Бонет, Даниэль Ребуль Кабре (Давид Рей)). Обе организации стояли на общих позициях по трем вопросам: анализ характера испанской революции, трактовка национальной проблемы и несогласие с методами деятельности, которые переживавший сталинистское перерождение Коммунистический Интернационал стремился навязать рабочему движению нашей страны.

Каталонско-Балеарская коммунистическая федерация всегда сохраняла определенную самостоятельность внутри компартии. Ее лидер и наиболее видные активисты являлись выходцами из анархо-синдикалистского движения, где играли достаточно заметную роль. В 1921-1922 гг. они сформировали революционные синдикалистские комитеты, начали выпуск газеты «Баталья»

*Имеется в виду всеобщая политическая стачка, которая в Каталонии и Астурии переросла в вооруженное восстание. — *Прим. ред.*

и подняли в Испании знамя солидарности с русской революцией. Таким образом, именно эти люди, вместе с такими молодыми социалистами, как Луис Портела и Хуан Андраде, которые основали в 1920 году в Мадриде Коммунистическую партию, стояли у истоков испанского коммунистического движения и наиболее энергично отстаивали идеи русской революции.

Войдя в РКБ, Каталонско-Балеарская коммунистическая федерация окончательно порвала с охваченной кризисом компартией. В то же время в Мадриде возникла автономная коммунистическая группа, а парторганизации в Валенсии, Кастельоне и некоторые ячейки в Астурии поддерживали тесные политические контакты с «группой „Батальи“», как говорили тогда. Кроме того, ряд активистов компартии, находившихся в эмиграции во Франции и Бельгии, а также в самой Испании (в Мадриде и Астурии), не скрывал своих симпатий к международной Левой оппозиции под руководством Льва Троцкого.

Не прошло и двух лет, как РКБ стал ведущей рабочей партией в Каталонии. Он распространял марксистские идеи в рабочем движении, где прежде господствовали анархо-синдикалисты, и обретал прочную опору в профсоюзах (профсоюзные федерации Жероны, Таррагоны и Лериды, во главе которых стояли члены РКБ, были исключены из Национальной конфедерации труда (НКТ)). Удалось создать и мощные крестьянские организации, как, например, Аграрный союз Лериды, а также молодежное крыло, получившее название «Молодые коммунисты Иберии» (МКИ).

Благодаря еженедельнику «Баталья», книгам Маурина и брошюрам, издаваемым РКБ, идеи организации стали известны по всей стране, что способствовало созданию партийных ячеек в других частях Иберийского полуострова, в частности, в Валенсии, Арагоне и Астурии.

К состоявшемуся в апреле 1934 года съезду РКБ насчитывал 4500 активистов и 74 секции, еще 145 местных организаций находились в стадии формирования. Эти цифры не столь уж малы для эпохи, когда массовыми организациями являлись профсоюзы, а рабочие партии были довольно немногочисленны. Так что не следует оценивать реальный авторитет партий по числу их активистов. Гораздо большее значение имело влияние тех и других в получивших в то время большое развитие профсоюзах, различных объединениях, «атенеях» (народных культурных центрах) и др.

ЛКИ вели свое происхождение от оппозиционного течения в Коммунистической партии Испании, поддержавшего платформу российской и международной Левой оппозиции. Испанские левые коммунисты, среди которых были такие выдающиеся личности, как Андрес Нин, Хуан Андраде, Луис Гарсия Паласиос, Эухенио Гранель, Лоредо Апарисио, Энрике Фернандес Сендон (Ферсен) и другие, проводили широкомасштабную политико-просветительскую работу, издавая теоретический журнал «Комунисмо»[3], брошюры, книги, организуя лекции и дискуссии. Однако долгое время они действовали лишь в качестве оппозиционной группы в компартии, а не самостоятельной организации, что не позволяло им обрести такое влияние, какое имел РКБ[4]. Тем не менее, идеи и активисты ЛКИ оказали немалое воздействие на развитие испанского рабочего движения, прежде всего, в Мадриде, Астурии и Эстремадуре.

В первые годы Республики РКБ и ЛКИ действовали самостоятельно. Однако между ними не имелось фундаментальных разногласий, и их руко-

водители — как Нин, Андраде и Гарсия Паласиос с одной стороны, так и Маурин, Бонет и Портела с другой — являлись защитниками дела русской революции и проводниками революционного марксизма в Испании. На рубеже 1933-1934 гг. все они оказались в Рабочем альянсе.

Это объединение возникло в Каталонии по инициативе РКБ. Оно призвано было объединить все каталонские политические и профсоюзные организации (за исключением НКТ, сохранявшей приверженность своей традиционной аполитичности) в период спада рабочего движения, последовавшего за победой на выборах коалиции Лерруса-Хиля Роблеса*. Успех этой инициативы по созданию «единого фронта» оказал влияние на ситуацию во всей стране.

Приход Гитлера к власти в Германии и его серьезные последствия для европейского рабочего движения придали новый импульс стремлению к объединению в борьбе против фашизма. Одной из главных действующих сил такого объединения стал каталонский Рабочий альянс. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), которая извлекла уроки из своего совместного с республиканцами участия в правительстве в период, получивший названия «черное двухлетие», начала пересматривать свою политику. В знаменитой редакционной статье партийного издания «Сосиалиста» говорилось, что «Каталония впереди всех». И тогда примеру Барселоны стали подражать по всей стране. Очень скоро Рабочий альянс обрел влияние в Валенсии, Мадриде и Астурии, причем в последней его с большим энтузиазмом поддержала НКТ.

Тем не менее, революционное движение октября 1934 года потерпело поражение, так как Рабочий альянс не успел создать действующие структуры по всей стране и обеспечить необходимую координацию борьбы рабочих и крестьянских выступлений. Астурийская Коммуна — где трудящиеся взяли власть и удерживали ее в течение двух недель — осталась в изоляции. Без поддержки со стороны НКТ Рабочий альянс организовал массовую всеобщую стачку в Каталонии, однако не смог развить свой успех из-за капитуляции каталонского правительства и нерешительности анархо-синдикалистов. В Мадриде и других крупных городах, где преобладающим влиянием пользовалась ИСРП, поражение оказалось еще более тяжким, поскольку эта партия выказала полную неспособность повести и возглавить борьбу.

Поражение в октябре 1934 года побудило все рабочие организации критически осмыслить свой опыт. РКБ и ЛКИ, еще больше сблизившиеся после создания Рабочего альянса, одинаково определили причины неудач и договорились совместно выработать новые политические перспективы. По мнению Нина, движение не смогло достичь своих целей из-за ошибок ИСРП и отсутствия массовой революционной партии. Осмысление октябрьского восстания 1934 года привело РКБ к постановке следующих политических целей и задач: «Единство действия: Рабочий альянс. Профсоюзное единство: только один профцентр. Политическое единство: объединенная революционная социалистическая партия»[5].

* Правые партии Республиканцев во главе с Леррусом и СЭДА во главе с Хиль Роблесом на выборах 1933 года выступали самостоятельно, а в правительственную коалицию вступили только накануне восстания в октябре 1934 года. — *Прим. ред.*

Проблемы, поставленные ЛКИ и РКБ, обсуждались в самых широких кругах рабочего движения. Можно сказать, что в 1935 году процесс объединения различных сил начался по всей стране. Так, два основных течения в НКТ, переживших в предшествующие годы ряд глубоких кризисов и расколов, объединились на Сарагосском конгрессе в мае 1936 года.

Молодые коммунисты и социалисты также слились в одну организацию, которая получила название Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ) и очень скоро попала под влияние сталинистов. Необходимо уточнить, что группа Каррильо-Мельчора-Лайна в молодежной организации соцпартии в период своей «*большевизации*», в частности, в 1934 году, поддерживала прекрасные отношения с ЛКИ, РКБ и МКИ и даже призывала эти организации войти в Социалистическую партию и к Молодым социалистам, чтобы способствовать их радикализации, затем осенью 1935 года сделала крутой поворот. Она сблизилась с Москвой и Коминтерном, отказалась от своих радикальных принципов «большевизации» и взяла курс на Народный фронт. В довершение всего Каррильо отправился в Москву, где было принято окончательное решение об объединении молодых коммунистов и социалистов. Эта смена курса оказала огромное влияние на соотношение сил в рабочем движении и на политическую борьбу в середине 1936 года. По сути, ОСМ вышла из-под влияния ИСРП и превратилась в придаток Коммунистической партии.

ПОУМ, революция и война

Иначе развивались объединительные процессы в Каталонии, где основные политические силы (РКБ, ЛКИ, Каталонская пролетарская партия, Коммунистическая партия Каталонии, Каталонская федерация ИСРП и Социалистический союз Каталонии) входили в Рабочий альянс. Все они сознавали свои просчеты, допущенные в октябре 1934 года, что способствовало сближению между ними.

На первой же встрече, посвященной перспективам единства левых сил и состоявшейся 6 апреля 1935 года, было решено, что будущее объединение возможно лишь на одной основе — на принципах революционного марксизма[6]. На деле же вскоре сформировалось два блока: в один вошли те, кто однозначно заявил о своей приверженности революционному марксизму, в другой — реформистские группы, идеологические сближавшиеся со сталинизмом и привлеченные новой политикой «народного фронта». РКБ и ЛКИ, имевшие секции, активистов и сторонников и различных регионах страны, отказались входить в организацию, ограниченную рамками Каталонии, и решили образовать ПОУМ (Рабочую партию марксистского единства). Другие же группы в июле 1936 года спешно создали Объединенную социалистическую партию Каталонии (ОСПК), которая не замедлила присоединиться к Коммунистическому Интернационалу* и, подобно ОСМ, подпала под влияние сталинизма.

* ОСПК заявила о намерении вступить в Коминтерн, но не была принята туда из-за противодействия КПИ. Тем не менее при ОСПК действовал представитель Коминтерна, и ее руководство согласовывало свои действия с Москвой и КПИ. ОСПК была принята в Коминтерн только после завершения гражданской войны в 1939 году. — *Прим. ред.*

ПОУМ была образована 29 сентября 1935 года, после долгих переговоров между двумя стоявшими у ее истоков организациями. В процессе обсуждения рассматривались три задачи: сохранить приверженность стратегии Рабочего альянса; способствовать слиянию НКТ, Всеобщего союза трудящихся (ВСТ) и независимых профсоюзов в единый профцентр; объединить всех революционных марксистов в одну партию. Замысел этот возник давно и отвечал вполне определенной цели: побудить испанский пролетариат довести до конца политические процессы, начавшиеся в 1930-1931 гг. с падением монархии. Лишь победа социалистической революции могла после краха Второй республики радикально преобразовать испанское общество, ибо буржуазия не способна была решить эту задачу, уже давно поставленную историей в повестку дня.

Таким образом, создание ПОУМ обуславливалось не спешными потребностями момента, не событиями, происходящими за пределами страны и далекими от ее потребностей, — оно стало завершением длительного процесса в самом испанском рабочем движении. Начало этому процессу положило произошедшее в 20-е гг. под влиянием Октябрьской революции 1917 года размежевание марксистов-революционеров как с оппортунистической социал-демократией, так и со склонными к авантюризму анархистами. Многие активисты, разделявшие идеи Ленина и Троцкого и стоявшие у истоков Коммунистической партии, сначала боролись против бюрократического перерождения русской революции и Коминтерна в РКБ и ЛКИ, а затем объединились в рядах ПОУМ. Это стало диалектическим завершением длительного процесса, и новая партия оказалась лучше других подготовлена к тому, чтобы понять и проанализировать характер революционных событий в Испании.

ПОУМ вступила на испанскую политическую сцену под объединительными лозунгами: единый рабочий фронт, профсоюзное единство, единение революционных марксистов. Партия была твердо убеждена: когда Европа страдает от фашистского гнета, а рабочий класс терпит поражение за поражением, близится час прямого столкновения реакционных и революционных сил на испанской земле. Исход их противостояния на долгие годы определит судьбу Европы.

Необходимо было идеологически, политически и организационно перевооружиться, чтобы одержать победу в Испании и тем самым приостановить распространение фашизма в других странах, предотвратить Вторую мировую войну и открыть перед европейским рабочим движением новые перспективы в борьбе за свободу.

В момент основания ПОУМ насчитывала около 8 тысяч членов и 40 тысяч сторонников. В Каталонии она создала Рабочую федерацию профсоюзного единства (РФПЕ), в которую вошли многие независимые профсоюзы, а также профсоюзные организации Лериды, Таррагоны и Жероны, исключенные из НКТ за то, что «во главе их стояли марксисты». Кроме того, ПОУМ руководила такими массовыми крестьянскими организациями, как Аграрный союз Лериды, а также пользовалась определенным влиянием в Союзе земельных арендаторов. Активно развивалась и молодежная организация партии, МКИ («Молодые коммунисты Иберии»), особенно в Каталонии и Испанском Леванте.

ПОУМ была не просто новой силой, возникшей в результате объединения двух организаций, — она воплощала в себе надежды значительной части рабочего движения. Вскоре она стала крупнейшей рабочей партией в Каталонии, довольно активно развивались ее отделения в Валенсии, Мадриде, Астурии, Андалусии, Эстремадуре и других регионах. Когда 18 июля 1936 года начался франкистский военный мятеж, ее галисийская организация проводила свой пленум в Сантьяго-де-Компостеле. Согласно циркуляру исполкома ПОУМ от 10 декабря 1935 года, на момент объединения с РКБ «Левые коммунисты» имели секции или ячейки в Памплоне, Эль-Астильеро (Сантандер), Хихоне, Сантьяго-де-Компостеле, Саламанке, Мадриде, Вильяде (Паленсия), Льерене (Бадахос), Севилье, Бильбао, Луго и «других населенных пунктах в различных провинциях Испании».

В первые месяцы 1936 года, оцененные ею как «ключевые»[7], ПОУМ, верная своей политике рабочего единства, предостерегала трудящихся от влияния искусственно раздутой эйфории вокруг Народного фронта и непрестанно напоминала о том, в чем состоит историческая альтернатива момента: социализм или фашизм. Ни в коей мере не отказываясь от своей классовой самостоятельности, партия вошла 16 февраля в рабочую и республиканскую коалицию и внесла вклад в ее победу на выборах, что позволило освободить арестованных в октябре 1934 года и открыло новый этап в истории страны.

19, 20 и 21 июля 1936 года активисты ПОУМ участвовали в боях против франкистских мятежников в Барселоне, Валенсии, Лериде, Мадриде и других городах. Генеральный секретарь МКИ Жерминаль Видаль и многие другие активисты были убиты на Университетской площади в Барселоне. В Барбастро благодаря отваге группе бойцов МКИ и Жозепа Родеса, политического комиссара Лериды, удалось помешать бригаде полковника Вильяльбы присоединиться к мятежникам. В Галисии вооруженное сопротивление возглавил федеральный секретарь ПОУМ Луис Растрольо. В Льерене (Эстремадура) члены ПОУМ участвовали в обороне города от войск Кейпо де Льяно. В Астурии на Овьедском фронте погибли Луис Гросси, Эмилио Гарсиа и другие партийные активисты.

Едва завершились июльские бои, как ПОУМ организовала отряды ополчения в Каталонии, Испанском Леванте, Арагоне и Мадриде. Первая в Испании «интербригада», Интернациональная колонна им. Ленина, была создана ПОУМ на Арагонском фронте в июле 1936 года. В ней, наряду с революционными активистами из Италии, Германии, Франции, Бельгии и других стран, сражались писатели Джордж Оруэлл и Бенжамен Пере. Каталонское ополчение, объединенное в Ленинскую дивизию, преобразованную затем в 29-ю дивизию, также воевало на Арагонском фронте. Сотни активистов ПОУМ погибли в ходе злосчастной Майоркской операции. Ополченцы из Кастельона и Валенсии участвовали в захвате Ибицы, осаде Теруэля, обороне Мадрида. Мадридская моторизованная колонна ПОУМ, которую аргентинская писательница Мика Эчебеэре обессмертила в книге «Моя война в Испании»[8], принимала участие во взятии Сигуэнсы*. Ее бойцы под командовани-

* Городок недалеко от Гвадалахары, был занят республиканцами в начале гражданской войны. — *Прим. ред.*

ем Мики увенчали себя славой в траншеях Монклоа*, в дивизии Сиприано Меры**.

В первые месяцы революции и войны сохранялось стремление к единству рабочих и антифашистских сил. Представители ПОУМ входили в Комитет антифашистских милиций и Экономический совет Каталонии, Народный исполнительный комитет Валенсии, Революционный комитет Лериды и другие органы Народного фронта, которые повсюду создавались на контролируемых республиканцами территориях. Однако в Хунте обороны Мадрида партия не участвовала из-за категорического противодействия советского посольства, Коммунистической партии Испании и ОСМ.

ПОУМ вела беспрецедентную информационную, пропагандистскую и просветительскую работу. На заседании ее расширенного центрального комитета, состоявшемся в Барселоне в декабре 1936 года — в то время как под давлением посланцев Сталина готовилось исключение представителей партии из Совета Правительства Каталонии***, — был подведен итог ее достижений[9]. На тот момент ПОУМ насчитывала 45 тысяч членов и еще больше сторонников. Выходило шесть ежедневных партийных газет: «Баталья» (тридцатитысячным тиражом) в Барселоне; «Аделанте» в Лериде; «Эспурна» в Жероне; «Фронт» в Таррасе; «Пла де Бажес» в Манресе и «Комбатьенте Рохо» в Мадриде. Издавались и еженедельники: «ПОУМ» в Мадриде, «Комуниста» в Валенсии, «Ора» в Барселоне и многие другие. Свои издания были и у МКИ: «Хувентуд Коммуниста» (центральный орган, выходивший пятнадцатитысячным тиражом) в Барселоне, «Анторча» в Мадриде, «Хувентуд Роха» в Кастельоне, «Комбат» в Лериде, «Акцио» в Таррагоне. Кроме того, международный секретариат ПОУМ регулярно выпускал журнал «Испанская революция» на французском, английском, немецком и итальянском языках, а также теоретический орган «Жюийе» на французском языке. К этому перечню следует добавить также теоретическое издание на испанском «Нуэва Эра» и журнал политучебы «Хенерасьон Роха», издаваемый МКИ. Помимо периодической печати, издательство «Эдиториал Марксиста» под руководством Хуана Андраде выпускало множество книг и брошюр, а также переиздавало работы, которые сталинисты перестали печатать после событий, произошедших в СССР в 1926-1936 гг. Имена Григория Зиновьева, Виктора Сержа, Николая Бухарина вновь появились на обложках книг, продававшихся в киосках и магазинах, к великому неудовольствию сталинских посланцев в Испании.

За краткое время участия представителя партии Андреса Нина**** в Совете Правительства Каталонии под его руководством было организовано революционное правосудие, предоставлено всеобщее избирательное право всем

* Имеется в виду площадь Монклоа, где шли решающие бои за Мадрид в ноябре 1936 года. — *Прим. ред.*

** 14-я дивизия под командованием С. Меры, костяк которой составляли анархисты. — *Прим. ред.*

*** В литературе этот орган также называется Генералидад (по-испански) или Женералитат (по-каталански). — *Прим. ред.*

**** А. Нин был советником (министром) юстиции Каталонии в августе-декабре 1936 года. — *Прим. ред.*

гражданам старше восемнадцати возраста и заложены основы юридического освобождения женщин. Пока продолжалась революция, ПОУМ постоянно заявляла о себе как о революционной марксистской силе, непреклонно отстаивала идею демократической социалистической революции, наперекор всему утверждала, что война и революция неразделимы, постоянно искала союза с силами, способными довести эту последнюю до победного конца. Ее клич оставался неизменным: «Мы приведем к победе социалистической революции над фашизмом!»[10]

Борьба против сталинизма в разгар войны

С середины 1936 года ПОУМ пришлось столкнуться с особенностью испанского революционного процесса, имевшей самые трагические последствия: с прямым вмешательством в дела страны советской бюрократии и контрреволюционными действиями сталинистов. В то время как в СССР оппозиционеры, соратники Ленина и Троцкого гибли в чудовищных условиях (Московские процессы) или отправлялись в ГУЛАГ, активисты ПОУМ боролись и умирали ради того, чтобы продолжилось движение, рожденное русской революцией.

Воспользовавшись в качестве предлога Майскими событиями 1937 года в Барселоне (когда пролетариат восстал против попытки посягнуть на его революционные завоевания), иностранные советники компартии, Тольятти, Степанов, Гере, Кодовилья и прочие, способствовали свержению правительства Ларго Кабальеро, который нередко противился их требованиям, и привели к власти Негрина*. Последний предоставил им все гарантии, которых требовал Сталин в обмен на оказание «помощи Испанской республике», и за помощь эту пришлось заплатить дорогой ценой. После свержения Ларго Кабальеро у подручных Сталина оказались развязаны руки, и они смогли беспрепятственно добиться своих целей: жестко ограничить автономию Каталонии, нейтрализовать НКТ и разгромить ПОУМ.

16 июня 1937 года в Барселоне бригада сталинистской полиции под командованием агентов НКВД устроила нападения на лидеров, штаб-квартиры и редакции газет ПОУМ. Сталинисты использовали возможности государственного аппарата, представители которого либо поддерживали их, либо не посмели воспротивиться. Андрес Нин и большинство руководителей ПОУМ были схвачены и увезены в неизвестном направлении, причем Правительство Каталонии не поставили об этом в известность. Нина отправили в Валенсию, затем в Мадрид и Алкала де Энарес, где он, по всей вероятности, был подвергнут пыткам и убит. Все это произошло без ведома министра внутренних дел (социалиста Сугасагойтиа) и министра юстиции (баскского националиста Ирухо). Хуана Андраде, Пере Бонета, Хулиана Гомеса Гарсиа (Хулиана Горкина), Давида Рея и Хосе Эскудера переправили из Барселоны в Валенсию, оттуда в мадридскую *ЧК***, а затем снова в Валенсию, после чего

* Смена правительства стала результатом совместных действий коммунистов и правых социалистов. — *Прим. ред.*

** Имеется в виду служба безопасности. — *Прим. ред.*

об их местонахождении стало известно. После нескольких дней колебаний сталинистская пресса попыталась прикрыть эти похищения и убийство Нина, начав кампанию клеветы: вожди ПОУМ объявлялись «шпионами» и «агентами Франко», а Нин якобы находился «в Саламанке или Берлине».

Реакция последовала незамедлительно. Активисты ПОУМ, реорганизовав свои силы в подполье, начали ответную кампанию с требованием расследовать исчезновение Нина, освободить арестованных и разрешить партии вести легальную деятельность. Несколько анархистских и социалистических газет осудили репрессии и стали на защиту ПОУМ. Но было неимоверно трудно противостоять репрессивной вакханалии НКВД и сталинистов, которые получали все больший перевес в государственном аппарате.

Вопреки тому, что утверждают некоторые историки, ПОУМ не прекратила существование после разгрома 16 июня 1937 года. Организации партии и МКИ продолжали действовать в подполье до конца войны. Об этом лучше всего свидетельствуют их издания, в частности, «Баталья» и «Хувентуд Обрера»: они с завидной регулярностью, еженедельно выходили вплоть до мая 1938 года, к вящему раздражению компартии, ИСРП и ОСМ.

Несмотря на огромные трудности, ПОУМ все же сумела противостоять клеветнической кампании, направляемой сталинистами, защищала своих активистов на различных фронтах, сохраняла постоянный контакт со всеми антифашистскими организациями — в частности, с НКТ и левыми социалистами Ларго Кабальеро, — неуклонно боролась со сталинистскими маневрами и террором. Вела партия и международную кампанию с целью разоблачить убийц Андреса Нина, Курта Ландау, Камилло Бернери*, Хосе Марии Мартинеса и многих других, дабы не допустить повторения «Московских процессов» на испанской земле.

Действительно, сталинисты намеревались «выявить и осудить троцкистских изменников» в Испании. Так они планировали задним числом оправдать Московские процессы, которые вызвали реакцию отторжения и возмущения в левых интеллектуальных кругах Европы и в самых сознательных слоях социалистического движения.

Избежавшие репрессий в июне 1937-го Жозеп Родес, Жоан Фарре, Жорди Аркер и я были арестованы в апреле 1938 года в ходе полицейской операции, направленной против подпольных структур ПОУМ и МКИ. Это нанесло удар по организованному сопротивлению поумистов в момент подготовки к большому процессу, который сталинисты намеревались использовать, чтобы скомпрометировать руководство ПОУМ и нейтрализовать НКТ и сторонников Ларго Кабальеро и Аракистайна**. Однако планы сталинистов с треском провалились из-за гибели Андреса Нина и сопротивления арестованных товарищей.

Все-таки Испания была не сталинской Россией. В Трибунал по делам о шпионаже и государственной измене входили люди, симпатизировавшие

* Анархист, похищенный и убитый во время майских столкновений в Барселоне. — *Прим.*

** Лидеры левого крыла ИСРП. — *Прим. ред.*

Франсиско Ларго Кабальеро, Луис Аракистайн, Федерика Монтсени* и Жозеп Тарраделльяс** открыто назвали подсудимых революционерами с безупречным политическим прошлым. Хуан Андраде, Пере Бонет, Хулиан Горкин, Энрике Адроэр (Хиронелья) и Хосе Эскудер защищали свою революционную честь, отвергая все сталинские обвинения и решительно обличая расправу над Нином.

Трибунал не признал подсудимых виновными в «шпионаже и государственной измене» и приговорил к нескольким годам заключения*** за участие в Майских событиях 1937 года в Барселоне. Приговор прозвучал едва ли не похвалой обвиняемым, ибо в нем были отмечены их заслуги перед революционным движением. НКВД и лидеры сталинистов пришли в такое негодование, что подконтрольная им цензура правительства Негрина запретила публиковать решение трибунала. ПОУМ же, напротив, использовала его в пропагандистских целях.

Этот факт в числе прочих свидетельствует о том, что в Испании невозможно было установить режим «народной демократии», подобный тем, что расцвели пышным цветом в странах Восточной Европы десять лет спустя. Однако именно такие планы вынашивали сталинисты, как признавал позднее Сантьяго Каррильо[12]. Речь шла о создании режима, при котором активисты и «попутчики» Коммунистической партии, занимавшие важные посты в государственном аппарате, прежде всего, в армии и полиции, смогла бы установить неприкрытую партийную диктатуру, уничтожив всех, кто встал бы на пути реализации их замыслов. В первую очередь, ПОУМ, НКТ и левых социалистов Ларго Кабальеро.

Как бы то ни было, ПОУМ не уступила, не отреклась, не капитулировала — ни на фронте, ни в тылу, ни в застенках, ни перед судом. Ее активисты продолжали сражаться против Франко на всех фронтах и до последнего боролись за дело социализма. Андрес Нин, подло замученный и убитый, стал символом героического сопротивления революционного испанского рабочего движения сталинистской реакции. Многие, подобно ему, пали жертвами преступлений сталинизма: баскский экономист Хосе Мария Аренильяс, политический комиссар Марсиано Мена, учителя, возглавившие Новую объединенную школу в Каталонии, — Хуан Эрвас, Пау Шуригуэра и Хайме Трепат.

Репрессии обрушились и на бойцов ПОУМ, офицеров и солдат, сражавшихся на берегах Харамы, Эбро и Сегре или в центре Каталонии; их также обвиняли в том, что они являются «агентами Франко».

То, что произошло с ПОУМ, не имело прецедентов. Действительно, Нин погиб от рук сталинистов, Хоакин Маурин и другие товарищи оказались во франкистских тюрьмах, а многие из них были расстреляны, как Хосе Луис Аренильяс, секретарь баскского отделения партии, Луис Растрольо, секретарь ее галисийского отделения, Хулио Алутис и Эусебио Кортесон, члены центрального комитета.

* Одна из лидеров НКТ, министр здравоохранения Испании в ноябре 1936 - мае 1937 года. — *Прим. ред.*

** Глава Правительства Каталонии, подотчетный президенту Женералитата Л. Компаньсу. — *Прим. ред.*

*** До 10 лет. — *Прим. ред.*

Деятельность в подполье и в изгнании

После окончания гражданской войны оставшимся в Испании активистам ПОУМ пришлось от борьбы со сталинистами перейти к сопротивлению франкистскому террору.

Одной из первых нелегальных газет, начавших выходить в Испании уже в 1939 году, была «Комбатьенто Рохо», орган наших мадридских товарищей. «Фронт свободы», первая организация сопротивления, возникшая в Каталонии, была создана активистами ПОУМ. В 1944-1950 гг., самые мрачные годы франкизма, партийные издания «Баталья», «Аделанте», «Каталуния Сосиалиста» призывали со своих страниц к борьбе против диктатуры. Подобная деятельность, не говоря уже об участии в гражданской войне и революции, стоила многим товарищам, попавшим в руки полиции, долгих лет тюремного заключения или каторги.

Изгнание также стало нелегким испытанием для тех, кто смог покинуть Испанию. Нигде не могли они «стать на зимние квартиры». Руководители ПОУМ, заключенные в государственной тюрьме Барселоны, были эвакуированы на границу по приказу Гонсалеса Пеньи, министра юстиции и социалиста. Ускользнув от охранников, мы перешли границу и были встречены представителями Рабоче-крестьянской социалистической партии Франции, созданной Марсо Пивером и Даниэлем Гереном. Благодаря им нам удалось добраться до Парижа. Однако тысячи других активистов оказались в концлагерях Аржелес, Баркарес, Бран и Верне, откуда было весьма непросто вырваться.

В лагерях или за их пределами, в специально отведенных местах, безо всяких прав изгнанникам пришлось во Франции очень нелегко. В ноябре 1941 года под давлением гестапо французский суд приговорил к длительным срокам тюремного заключения и каторжным работам многих активистов ПОУМ по обвинению в том, что они воссоздали свою партию во Франции и вступили в контакт с первыми группами сопротивления. Родес, Андраде, Фарре Гассо, Коль, Иглесиас, Комабелья, Зайюэлас и я были осуждены на несколько лет тюрьмы. В 1944 году некоторых наших товарищей этапировали в Германию, где они встретили других активистов ПОУМ, также арестованных во Франции и отправленных в Дахау, Маутхаузен или Бухенвальд...

Вообще нужно отметить, что изгнанники-поумисты не прекращали связи с испанским подпольем и помогали ряду революционных социалистических организаций, что позволило многим бойцам родом из различных стран бежать от преследований. Немало товарищей присоединилось к подпольным отрядам во Франции, они даже сформировали испанские боевые группы, как, например, батальон «Либертад», который вместе с баскской бригадой участвовал в подавлении последних очагов немецкого сопротивления на мысе Грав в районе Медока.

После окончания Второй мировой войны ПОУМ стала легально действовать во Франции. Партийные организации возобновили работу и стали издавать свои газеты, в частности, «Баталью», которая три десятка лет распространяла идеи революционного марксизма. Эта политическая деятельность была направлена на борьбу против франкистской диктатуры, на возрождение

рабочего движения в Испании. Поддерживались постоянные связи с группами ПОУМ в подполье и с новыми возникавшими организациями, нередко вдохновляемыми нашей исторической традицией революционного марксизма.

Для всех рабочих организаций, даже для самых мощных, пользующихся международной поддержкой, очень трудно долгие годы противостоять репрессиям и террору. Не менее трудно было сохранять и обновлять кадры подпольных борцов в период спада революционной активности, в 1950-1962 гг. Это стало едва ли не самым сложным делом для ПОУМ, на которую обрушивались не только франкистские репрессии, но и сталинистские клеветнические кампании.

Возрождение рабочего движения, начало которому положили забастовки 1962 года, и процессы, начавшиеся после смерти Сталина и XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956-м, коренным образом изменили ситуацию и перспективы. Историческая борьба ПОУМ против сталинистского перерождения и ее понимание испанской революции 1936 года — как социалистической революции, а не просто «войны за национальную независимость» — начали получать определенный отклик в Испании. Возникали новые организации и группы, состоявшие чаще всего из молодых рабочих и студентов, многие из которых относили себя к революционным марксистам и выступали за обновление социализма и против бюрократического деспотизма. Но это уже

Глава 2

Революционная политика ПОУМ[1]

Передовое поколение 70-х гг., возлагавшее надежды на события за пределами Испании (кубинскую революцию, сопротивление империализму во Вьетнаме, Май 68-го во Франции...) и оторванное от революционного прошлого своей страны, неохотно обращалось к политической литературе об испанской революции и гражданской войне. Наверное, для сегодняшней молодежи, более свободной и информированной, это проще и естественней. История не повторяется. Но прошлое страны обуславливает ее настоящее и будущее.

Мы, свидетели тех лет, должны поделиться своим опытом, ибо это позволит пролить свет на события, наложившие на нас свой отпечаток. Нам следует размышлять о них вместе, если мы хотим указать путь к свободе и социализму для Испании и Европы.

Очень долгое время, во имя пресловутой политики национального примирения, некоторые стремились представить испанскую революцию и гражданскую войну как бессмысленную трагедию, недостойную цивилизованной страны. Нужно ли напоминать о том, что революция и война произошли в особенно драматический для Европы и всего мира период? Когда силы реакции под руководством военных обрушились на Республику и рабочее движение, они учитывали не только положение в стране, но и то, в каком направлении развивалась общая ситуация на континенте. Мы жили в эпоху подъема фашизма и сталинизма. В Германии пришел к власти Гитлер. В Италии с 1922 года существовала фашистская диктатура. В Австрии с 1934 года, после поражения рабочего восстания установился реакционный режим, находившийся под влиянием Ватикана. Реакционные и профашистские силы стояли у власти в Португалии, Польше, Венгрии, Болгарии и на Балканах. При этом рабочие отказались от организации захватных стачек, правительство Народного фронта во Франции склонялось вправо, а в области внешней политики покорно следовало в фарватере английской буржуазии, стремившейся к компромиссу с нацистской Германией. В 1938 года вожделенное соглашение было достигнуто в Мюнхене — на горе Чехословакии.

Наконец, сталинская политика того времени была отмечена уничтожением всякой революционной оппозиции внутри страны, а за ее пределами — стремлением к военному союзу с Францией и Англией для противостояния гитлеровской опасности. Этой политике оказались подчинены интересы рабочего движения — точно так же, как и в 1939 году, когда, повернув на 180 градусов, Кремль подписал пакт с нацистской Германией.

В столь неблагоприятных условиях испанский пролетариат вынужден был противостоять военно-фашистскому мятежу, который с самого начала полу-

чил поддержку гитлеровской Германии и фашистской Италии. В связи с этим сегодня необходимо признать, что никто из тех, кто наиболее глубоко проанализировал тот исторический период — ни Хоакин Маурин в своей работе «Ко второй Революции»[2], ни Лев Троцкий, — не смогли оценить масштабы трудностей, с которыми пришлось столкнуться испанской революции. Революционный оптимизм, зачастую представляющий собой мощную творческую силу, может привести и к неправильной оценке соотношения сил. Троцкий не раз подчеркивал, что победа пролетариата на Западе подействовала бы на СССР подобно электрическому разряду, пробудила революционную энергию, подавленную бюрократическим деспотизмом. Маурин и Нин рассуждали примерно так же, но, подобно многим другим, недооценили значение победы Гитлера в Германии в 1933 году и не ожидали, что действия Кремля сыграют в испанской революции столь гибельную роль.

Две концепции революции

Историки — за исключением тех, кто ограничивается оправданием политики буржуазии или Сталина, — считают, что мятеж в июле 1936 года не только вызвал решительный отпор со стороны рабочего класса в жизненно важных центрах страны, нарушив изначальные планы реакционных сил, но и положил начало революционному процессу социалистического характера. Действительно, за несколько недель трудящиеся, не довольствуясь подавлением выступлений мятежников в Мадриде, Барселоне, Валенсии, Бильбао и других городах, ликвидировали буржуазный государственный аппарат, распустили армию, лишили влияния ультрареакционную церковь, предоставили полную свободу национальным меньшинствам, захватили заводы и землю, создав повсюду элементы двоевластия.

По словам Андреса Нина, классические задачи буржуазно-демократической революции были выполнены как по мановению ока, и события совершенно естественно стали развиваться по социалистическому пути. Наиболее глубокие революционные преобразования произошли в Каталонии, в результате объединения усилий мощного и хорошо организованного рабочего класса, представленного прежде всего НКТ и ПОУМ, и массового движения за национальное освобождение: радикальное разрешение каталонского вопроса, коллективизация промышленности, транспорта и торговли, организация вооруженного сопротивления под руководством Центрального комитета ополчения. Однако в Стране басков революционный процесс оказался скован узкими рамками: Баскской националистической партии совместно с ИСРП и Компартией удалось сохранить основные элементы буржуазной власти и ликвидировать Революционные хунты («комисарии»), органы, возникшие в борьбе против фашистского военного мятежа, либо, там, где они подпали под влияние политики Народного фронта, баскские националисты смогли подчинить их республиканскому правительству в Мадриде. Именно оно, отставшее от событий, охваченное страхом перед трудящимися, несет ответственность за победы мятежников, в частности, в Сарагосе, Севилье и Ла

Корунье*. Различия в ходе революционного процесса в Каталонии и Стране басков, а также в других регионах Испании, являются одним из аспектов, наименее изученных историками, хотя именно он помогает понять развитие событий: постепенное восстановление буржуазного государственного аппарата, Майские события 1937 года, победу коалиции Негрина и компартии и — конечное поражение.

В так называемом «революционном лагере», прежде всего, в период между июлем 1936-го и маем 1937 гг., существовали две противостоявшие друг другу концепции революции: одна, разработанная ПОУМ и интуитивно поддержанная НКТ и частью левых социалистов; и другая, отстаиваемая лидерами сталинистов. Последним удалось навязать свою точку зрения благодаря поддержке «солидной компании из Коммунистического Интернационала, находившейся в Испании для наблюдения за действиями компартии, а также не менее солидной компании советских политических и военных советников»[3], с согласия и при содействии республиканских партий и правых социалистов.

В целом спор велся о том, соответствовала ли ситуация, порожденная массовым общественным подъемом в июле 1936 года, реализации задач демократической и социалистической (перманентной) революции, или же — по причинам, не имевшим отношения к положению в Испании — следовало «не допустить выхода пролетарской революции за буржуазно-демократические рамки»[4]. Одни предлагали сделать выбор между фашизмом и социализмом, другие — между фашизмом и демократией. Предпочтение второй альтернативы побудило Кремль, Коммунистическую и республиканские партии выдвинуть идею «революционной национальной войны» и защиты «буржуазно- демократической республики».

Хотя первая концепция полностью соответствовала реальной ситуации на большей части территории страны (в частности, в Каталонии, Валенсии, Арагоне и Андалусии), ей пришлось столкнуться с сильным противодействием как в Европе, так и в самой Испании. Подлинно революционные силы не смогли — за редкими и кратковременными исключениями, в частности в Лериде, где в июле-сентябре 1936 года действовал Фронт революционной рабочей молодежи[5], и др. — оказать реальное сопротивление политике сталинистов и республиканских партий. Сегодня, по прошествии времени, можно утверждать, что многие несут за это свою долю ответственности. Непонимание проблемы политической власти со стороны активистов НКТ и Федерации анархистов Иберии (ФАИ), которые, по словам Абада де Сантильяна, «отказывались установить свою диктатуру»[6], оказало серьезное воздействие на весь революционный процесс, способствовало его искажению и ускорило его конец. Но не следует забывать и о существенном влиянии раскола в ИСРП, подчинении ОСМ сталинистской группировке Каррильо, непоследовательности и колебаниях левых социалистов. Что же касается ПОУМ, то ее слабость во всех регионах, кроме Каталонии, неоправданные упования на эволюцию НКТ и положение новичка на политической арене создали ряд трудноразрешимых проблем.

* Имеется в виду промедление в раздаче оружия рабочим в июле 1936 года. — *Прим. ред.*

Сталинизм и революционный процесс

В своей книге «Кризис коммунистического движения» Фернандо Клаудин пишет:

> «В первые месяцы войны существовало немало возможностей для объединения коммунистов, сторонников Кабальеро, поумистов и анархо-синдикалистов вроде Дуррути в массовую революционную партию или, по крайней мере, для более тесного сотрудничества между ними в деле строительства пролетарского государства. Такие партия и государство должны были оставаться независимыми от Коминтерна и СССР. Лишь на этом условии они пользовались бы доверием других революционных течений испанского пролетариата».

Однако исследователь делает заключение:

> «Но было совершенно очевидно, что это невозможно в силу характера Коминтерна и сталинской политики»[7].

Мы готовы частично согласиться с Клаудином в том, что касается его предположения и выводов. Добавим лишь, что мы не являлись сторонниками единой партии, а, скорее, отстаивали идею межпартийного сотрудничества, которое могло бы изменить ход событий и исправить «левацкие» ошибки НКТ. Однако необходимо уточнить, что образование ПОУМ на самом деле представляло собой попытку объединить всех революционных марксистов в одну организацию; на этой позиции мы стояли и в дальнейшем. Но ни «тесное сотрудничество в деле строительства пролетарского государства», ни создание массовой марксистской партии не были возможны по ряду причин, в частности, из-за политики Сталина в отношении Испании, которую Клаудин резюмирует следующим образом:

> «Политика Сталина в отношении Испании, проводимая между двумя мировыми войнами Коминтерном и КПИ, ставила целью подчинение Революции государственным интересам страны Советов»[8].

В своей книге «Еврокоммунизм и государство» Сантьяго Каррильо не соглашается с Клаудином — по вполне понятным причинам. Ибо цель ее — обосновать реалистичность еврокоммунизма. Поскольку это нелегко, если принять во внимание политическую практику автора и его соратников, секретарь КПИ предпринимает не слишком удачную попытку обнаружить «корни еврокоммунизма» в испанской революции и гражданской войне. Он без колебаний заявляет:

> «Во время образования Народного фронта, когда на советской политической арене и в Коминтерне вовсю велась борьба против троцкизма, Коммунистическая партия согласилась на вхождение испанских троцкистов в Народный фронт и даже некоторое время сотрудничала с ними в Правительстве Каталонии. <...> Императивы испанского политического процесса оказались в то время сильнее неприятия, к которому побуждала борьба течений в советской партии и Коминтерне»[9].

Все это очевидно, несмотря на некоторое несогласие с используемой лексикой, однако Каррильо, в отличие от Клаудина, о многом умалчивает, а иному ищет оправдания. Лидеры испанских сталинистов не столь безвинны, как он

тщится доказать. Они согласились с участием ПОУМ в рабоче-республиканской коалиции в феврале 1936 года, в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии, Народном исполнительном комитете Валенсии и других органах, потому что их вынуждало к этому соотношение сил. Кроме того, непререкаемые указания Сталина насчет этой партии были получены позже, когда в Москве начались «процессы ведьм»[10] и уничтожение старой гвардии большевиков, и Кремль пришел к выводу, что ПОУМ несет реальную угрозу его политике, открывая возможности для обновления революционного движения. Подобная опасность виделась ему во всей Европе, где здоровые силы международного марксистского движения объединялись в защиту нашей партии и ее позиций.

Впрочем, если Каррильо потребовалось сорок лет, чтобы признать убийство Нина «отвратительным и не имеющим оправданий», ему не достало честности пойти до конца и признать свою личную ответственность за психологическую, политическую и материальную подготовку этого и многих других преступлений. Также удивляет, что Каррильо пытается объяснить убийство Нина, ссылаясь на Майские события 1937 года [11]. Достаточно посмотреть любую историческую работу или прессу того времени, чтобы убедиться: кампания и репрессии против ПОУМ начались задолго до мая 1937-го. Уже в ноябре 1936-го, когда секретарь ОСМ входил в Хунту обороны Мадрида, и необходимо было сосредоточить всю энергию и усилия на спасении столицы, Каррильо и его группа попытались лишить мадридскую организацию ПОУМ помещений и возможности обратиться к населению. Именно тогда они начали называть «агентами фашизма» поумистов, сражавшихся и умиравших в траншеях Сигуэнсы и Монклоа.

ПОУМ в испанской революции

Итак, ПОУМ возникла на подъеме революционного процесса, который нашел выражение в формировании блока пролетарских организаций — Рабочего альянса. Последний сыграл важную роль в отстранении от власти реакционной коалиции Лерруса-Хиля Роблеса, в октябрьских боях 1934 года, в последующих выступлениях и на выборах в феврале 1936-го. Все это, и даже решительный отпор военно-франкистскому мятежу в июле того же года, было бы невозможно без Рабочего альянса. Вот почему он является примером единого рабочего фронта, которому пытались — безуспешно — подражать во многих других странах.

Однако одна из образовавших ПОУМ организаций, ЛКИ, пережила немало конфликтов с Л. Д. Троцким и вдохновляемым им международным движением. Извлекая уроки из октябрьских событий 1934 года и стремясь к прояснению позиций и объединению, ЛКИ не приняла то, что называли в то время «французским поворотом» троцкистского движения, то есть вхождение в социалистические партии с целью способствовать их радикализации. ЛКИ после длительного обсуждения предпочла союз с РКБ, чтобы заложить основы для создания массовой революционной марксистской партии в Испании.

ПОУМ стала крупнейшей рабочей партией в Каталонии и интенсивно расширяла свои ряды в других регионах (Валенсии, Мадриде, Астурии, Стране басков, Галисии, Эстремадуре). Однако быстрое развитие революционных событий не позволило ей упрочить свои позиции там, где она пользовалась определенным влиянием. Затем франкисты разгромили ее секции в Галисии, Андалусии и Эстремадуре.

В истории рабочего движения немного примеров, подобных ПОУМ. Историк Пьер Бруэ, который довольно критически относился к нашему движению, писал об этом так:

> «Дискуссия о политике ПОУМ во время испанской революции и войны на самом деле охватывала все проблемы революционной стратегии, партийного строительства и революционного Интернационала. Но при этом не следует забывать о конкретных условиях, в которых революционеры из ПОУМ вынуждены были выполнять свою миссию: партия, основанная в подполье в сентябре 1935 года, несколько месяцев спустя оказалась вынуждена действовать в условиях беспрецедентного революционного подъема, а затем гражданской войны, противостоять репрессиями, развязанным против нее сталинистскими международными структурами. Резкое ускорение ритма классовой борьбы, множество вставших перед партией организационных и оборонных задач не дали ей достаточно времени, чтобы успешно, серьезно и методически — как ей бы того хотелось и как действительно требовалось — довести до конца обсуждение фундаментальных политических вопросов. А затем ей снова пришлось уйти в подполье, не успев даже созвать свой первый съезд»[12].

Фактически Пьер Бруэ кратко обрисовал политическую ситуацию, которую можно понять, если вспомнить, что после коммунистической оппозиции в СССР или спартаковского движения Розы Люксембург ни одна марксистская организация не играла такой роли, как ПОУМ, причем в столь драматических обстоятельствах. Товарищи из российской оппозиции и спартаковцы противостояли лишь одному противнику. У нас же враги были повсюду. Нам пришлось бороться против фашизма с оружием в руках, как и другим рабочим организациям Испании, но одновременно — противостоять массированной кампании клеветы и репрессий, организованной сталинистами. Затем, по время нацистской оккупации Франции, нас преследовал режим Виши, гестапо, все полиции Европы. Многие активисты ПОУМ, и в их числе самые авторитетые лидеры, погибли от рук франкистов, НКВД и сталинистов, во французском подполье и немецких концлагерях, от пуль нацистов в Брюсселе и Гамбурге.

ПОУМ навсегда вписала свое имя в историю испанской революции и гражданской войны, борьбы против фашизма в Европе. Тем не менее, было бы небесполезно привести критику в наш адрес, которая высказывалась с различных сторон. Разумеется, мы не придаем никакого значения сталинистской литературе, ибо она оказалась исторически полностью дискредитирована после разоблачений, сделанных Хрущевым в докладе на XX съезде КПСС, и в наше время на нее уже никто не ссылается. Некоторые руководители КПИ и ИСРП сегодня заявляют, что «отнеслись к ПОУМ несправедливо» (Лопес Раймундо), объясняют преследования партии «особенностями эпохи»

или давлением со стороны русских и сталинского полицейского аппарата (Тереза Памиес и другие). Подобные заявления, порою весьма двусмысленные, чаще всего следует отнести к категории, которую Антонио Грамши называл «лицемерием самокритики».

Мы же ответим прежде всего на критику со стороны революционеров, в частности, троцкистского движения, поскольку оно идейно близко к нам и также на протяжении всех долгих лет своего существования являлось объектом клеветы и сталинского террора.

Критик революционной политики

В 1975 году был издан сборник работ Льва Троцкого «Испанская революция» под редакцией и с комментариями Пьера Бруэ[13], позволяющий исчерпывающим образом рассмотреть данную проблему, поскольку в книгу включены почти все работы Троцкого об Испании и ПОУМ, а также ряд текстов с критикой в наш адрес, написанных зарубежными троцкистами, которые в те переломные годы находились в нашей стране. Правда, следует признать, что в сборник не вошли многие документы ПОУМ, а главное, переписка Л. Троцкого и А. Нина, которую, к сожалению, не удалось обнаружить в Гарвардском архиве [14].

Однако ныне мы располагаем документами, которые позволяют сделать ряд немаловажных выводов. Во-первых, Троцкий, вопреки тому, что воображают некоторые неофиты, отнюдь не всегда критически относился к ПОУМ. Иногда, в частности, в момент начала революции, он брал назад излишне резкие и даже оскорбительные упреки, высказанные им в адрес партии, и выступал за сотрудничество с ней в предстоящей грандиозной борьбе, тем более что ответственные посты в ней занимали некоторые его лучшие товарищи и друзья. Во-вторых, троцкистское движение не было едино в негативном отношении к ПОУМ; на самом деле политика нашей партии вызвала кризис в его рядах. В связи с этим необходимо напомнить, что такие уважаемые представители этого движения, как Альфред Росмер, Виктор Серж, тесно связанный с испанским пролетариатом, Георг Вереккен и Хендрикус Снивлит, а также троцкистские организации Бельгии и Нидерландов, неизменно выражали солидарность с ПОУМ, а в трудные минуты поддерживали ее и защищали (что, впрочем, отнюдь не мешало им высказывать свою критику).

Нужно признать также, что те, кто наиболее яростно обрушивался на ПОУМ, нередко впадали в поистине бредовые преувеличения, как, например, американец Феликс Морроу. Он договорился до того, что если бы рабочие в мае 1937 года взяли власть — а ПОУМ могла бы сделать это, лишь выступив против НКТ, — стало бы возможно

> «сопротивляться империализму, распространив революцию на Францию и Бельгию, а затем объявить революционную войну Германии и Италии с тем, чтобы вызвать восстания в фашистских странах» [15].

Удивительно, как сегодня можно высказывать столь безответственные суждения!

Главная политическая критика в наш адрес касается следующих моментов: образование ПОУМ, ее участие в избирательном объединении рабочих и республиканских партий в феврале 1936 года, в Совете Правительства Каталонии в первые месяцы революции и в Майских событиях 1937-го. Многие активисты ПОУМ — в том числе Хуан Андраде в предисловии к книге Андреса Нина «Проблемы испанской революции» [16] и автор этих строк[17] — в разное время отвечали на подобную критику. Но, думается, стоит напомнить о наших позициях еще раз.

Образование ПОУМ стало значительным шагом вперед и позволило революционным марксистам принять действенное участие в испанской революции. Вероятно, без ПОУМ революционный марксизм имел бы в Испании столь же малый вес, что в кубинской или португальской революциях, и одно это уже свидетельствует о значении нашей организации. При этом совершенно абсурдно называть ПОУМ «центристской» партией. Подобный тезис с каждым днем все труднее доказуем, особенно если посмотреть, какие оппортунистические пируэты выделывают в разных странах некоторые левацкие группы, претендующие на приверженность революционному марксизму. ПОУМ же доказала верность своим принципам на деле; отказавшись механически копировать российский опыт, партия действовала с учетом особенностей ситуации, что позволило ей успешно развиваться и отвергнуть сектантский подход. Троцкий считал, что революция в Германии «должна говорить по-немецки», Ленин не уставал повторять, что не следует «копировать русских», ибо на Западе «получится лучше»[18]. Зиновьев — «отец» большевизации, которая нанесла такой урон коммунистическому движению — восхищался перуанским революционером Хосе Карлосом Мариатеги, говоря: «Вот кто не повторяет за нами!»

В феврале 1936 года ПОУМ вошла в избирательную коалицию республиканских и рабочих партий, продолжая при этом критиковать политику Народного фронта и сохраняя свою классовую независимость. Это обеспечило ей, ее знамени и программе признание миллионов трудящихся и внесло вклад в поражение реакционных сил. Несколько месяцев спустя, в июле 1936 года, безо всяких демагогических рассуждений на тему вооруженной борьбы активисты ПОУМ просто взялись за оружие и сражались в первых рядах против франкистского мятежа.

Участие в Совете Правительства Каталонии — который, не будем забывать, являлся представительным органом угнетенной народности, и уничтожение его неизменно оставалось одной из приоритетных задач реакции — стало предметом дискуссии в ПОУМ, которая отнюдь не была монолитной партией. Если считать принятое решение правильным, то следует согласиться с Андресом Нином, Нарсисом Молинсом и Фабрегой и Куртом Ландау (кстати, бывшими троцкистами) в том, что «Правительство представляло собой смешение органов двоевластия», создавало «переходную ситуацию», где решающую роль играли рабочее большинство и коалиционная социалистическая программа[19]. Несомненно, на это можно привести более или менее убедительные возражения, однако недопустимо изображать Андреса Нина банальным оппортунистом, сравнивать его с Мильераном или Блюмом.

Что же касается Майских событий, этой не вполне проясненной провокации, вызвавшей стихийное восстание барселонского пролетариата, некоторые

из нас полагали в то время, что захватить власть в Каталонии было с военной точки зрения реально. Однако существовала огромная разница в умонастроениях между Барселоной и частью Каталонии — и Валенсией, другими регионами страны, в том числе Мадридом, где позиции ПОУМ и НКТ очень часто оказывались не поняты. Именно эта разница и привела к политической изоляции барселонского пролетариата, позволила находящемуся в Валенсии правительству под давлением КПИ и ее советников из СССР повести наступление против автономии Каталонии. ПОУМ взяла сторону пролетариата, и ее активисты до конца бились на баррикадах. Они прекратили борьбу, лишь осознав, что соотношение сил в стране складывается неблагоприятно, и невозможно призывать к взятию власти вопреки мнению союзников из НКТ.

Те, кто знаком с работами Троцкого, хорошо знают, что он, начиная с 1931 года, отдавал себе отчет в подобной разнице в умонастроениях и предостерегал своих друзей от революционных выступлений в Каталонии, которые не будут поняты трудящимися в других регионах Испании. Сознавая это, ПОУМ, тем не менее, не отрекалась от своих принципов и готова была их защищать. А затем, когда после 16 июня на партию обрушились сталинские репрессии, она продолжила борьбу на фронте и в тылу.

Означает ли это, что ПОУМ никогда не ошибалась, и следует признать ее политику безусловно правильной? Никоим образом. Все революционные партии, пользовавшиеся реальным влиянием, допускали ошибки. В том числе большевики. Под конец жизни Ленин пришел к выводу, что «сильно виноват перед рабочими России», и решительно обличал бюрократические деформации Советского государства, русский шовинизм Сталина и политику в отношении Грузии [20]. Бесспорно, критический анализ политики ПОУМ необходим, но при этом особенно возмущает своей несправедливостью тот факт, что, даже когда вчерашние сталинисты отступают и признают, пусть частично и в уклончивых выражениях, свои ужасные ошибки, некоторые революционеры, ничтоже сумняшеся, продолжают повторять устаревшие клише, возникшие в иную эпоху. В страшную эпоху, сущность которой выразил Пьер Бруэ в статье «Попытка подвести итог» (включенной в сборник работ Троцкого об Испании):

> «Признаем откровенно: в той дискуссии [между ПОУМ и троцкистами) некоторые споры оставляют по себе ощущение горечи. Ведь в конечном итоге убийцы одного пошиба по приказу одного человека убили сначала Нина, а через три года Троцкого, соединив в смерти двух друзей, которых развела жизнь, двух бескорыстных революционеров поколения 1917 года, которые в 1937-м вступили в противоборство, принадлежа к одному лагерю»[21].

Эти факты — убийство Нина сталинскими агентами при соучастии аппарата КПИ (как признал один из уцелевших членов команды, которой было поручено арестовать лидеров ПОУМ в 1937 году), убийство Троцкого Рамоном Меркадером, агентом НКВД и активистом ОСПК — гораздо более показательны, чем может показаться на первый взгляд.

Исчерпывающий итог самого черного и кровавого периода сталинизма еще не подведен, многое пока не обнаружено. Каталонская писательница-коммунистка Тереза Памиес не так давно признала:

> «Полная, тотальная десталинизация могла бы пролить свет на планы повторения Московских процессов в Барселоне, ибо документы, раскрывающие тайну гибели Андреса Нина, где-то существуют. Советские бюрократы записывали все, и документы КПСС начали понемногу публиковаться после XX съезда и создания комиссии, получившей доступ к сверхсекретным архивам».

Мы убеждены, что однажды эти «сверхсекретные архивы» откроются, и «тайна Нина» — уже отчасти раскрытая благодаря журналистскому расследованию авторов фильма «Операция „Николай"» — перестанет быть таковой[22]. Однако уже сегодня, во имя чести рабочего движения и ради возрождения социализма, руководители КПИ и ИСРП могли бы начать подводить итог своей деятельности, для чего у них есть гораздо больше возможностей, чем дают понять Сантьяго Каррильо, Грегорио Лопес Раймундо и Тереза Памиес.

Первоочередной задачей Сталина в 1936-1939 гг. было уничтожение ПОУМ. С одной стороны, он тем самым стремился лишить испанский пролетариат одной из наиболее здравомыслящих сил, которая не шла на капитуляции и уступки. Другой его целью было не допустить, чтобы по примеру ПОУМ во всей Европе возникло и упрочилось движение, которое стремилось возродить лучшие традиции Октября, бороться со сталинистским перерождением и выступало за подлинное социалистическое развитие.

Критический анализ испанской революции, который неизбежно предстоит проделать КПИ и ИСРП[23], — прежде всего долг тех, кто сохраняет верность революционному марксизму в наше время идеологического компромисса и разочарованности, когда неолиберализм ведет наступление на завоевания, достигнутые рабочим классом за сто пятьдесят лет непрерывной борьбы. Это долг тех, кто не желает повторять ошибки прошлого и стремится извлечь уроки из уникального опыта, который, по мнению Нина, являлся «более насыщенным, чем тот, что дала русская революция»[24]. Эти уроки необходимы для осознания стоящих перед нами сегодня задач, для того, чтобы покончить с остатками франкизма, преобразовать испанское общество и придать новый импульс движению к социализму в Испании и Европе.

Глава 3

«Молодые коммунисты Иберии» в испанской революции и гражданской войне[1]

В начале XX века ряд испанских политических партий, социалистических, республиканских и консервативных, создали свои молодежные организации, которые поначалу представляли собой просто партийные секции. Но со временем они обрели свое лицо и автономию, что позволило им заявить о себе как о самостоятельной силе и сыграть определенную роль в общественно-политическом процессе. Произошло это после 1917 года, отмеченного как победой русской революции, так и серьезным кризисом политической системы в Испании, начало которому положила реставрация монархии. Кульминацией кризиса стала всеобщая стачка августа 1917 года, в ходе которой рабочий класс заявил о себе как об основной оппозиционной силе правящему режиму.

Организация «Молодые социалисты Испании» (МСИ) возникла в 1903-1906 гг., позже, чем аналогичные молодежные объединения в других странах Европы. Ее представители приняли участие в первом конгрессе Международного союза молодых социалистов, состоявшемся в Штутгарте в 1907 году по инициативе комиссии под руководством Карла Либкнехта и Анри де Мана. В последующее десятилетие МСИ активно развивались и порою дистанцировались от политики ИСРП. Кроме того, в 1908-1909 гг. возникли объединения «Молодые радикалы» и «Молодые мауристы», которые привлекли в свои ряды широкие слои молодежи.

Таким образом, в политической жизни страны появился новый фактор — участие в социальной и политической борьбе молодежных организаций. Подъем рабочего движения 1917-1923 гг. сопровождался ростом влияния тех из них, которые разделяли идеи социализма и анархо-синдикализма. Во время первой мировой войны значительная часть молодых социалистов поддержала интернационалистские позиции Карла Либкнехта, голосовавшего, в отличие от других немецких социал-демократов, против военных кредитов. Позднее те же люди выразили поддержку Циммервальдской конференции (1915 год). Большое влияние на социалистическое и анархо-синдикалистское движение в Испании оказала русская революция. В НКТ возникло синдикалистско-коммунистическое течение, а 15 апреля 1920 года «Молодые социалисты» основали первую Коммунистическую партию Испании.

В период, начавшийся с падением диктатуры Примо де Риверы в 1930 году и провозглашением II Республики 14 апреля 1931-го, рабочая молодежь и учащиеся из Федерации студентов университетов (ФСУ) активно включились

в политическую борьбу. Однако ни «Молодые социалисты», так и не оправившиеся от последствий раскола в 1920 году, ни «Молодые коммунисты» (организация, созданная в 1921-м) на тот момент не представляли собой какой-либо значимой силы. Свободы, предоставленные Республикой, способствовали быстрому развитию молодежных организаций, как возникших еще во время диктатуры, так и появившихся благодаря изменению политической обстановки в стране. Одной из таких новых организаций стали «Молодые коммунисты Иберии».

Во время диктатуры Примо де Риверы КПИ пришлось уйти в подполье. ИСРП, ВСТ и «Молодых социалистов» еще терпели, но коммунистов преследовали и бросали в тюрьмы. Хоакин Маурин, Хуан Андраде, Пере Бонет и Давид Рей провели долгие годы в заключении. В начале 1923 года структуры компартии были полностью разгромлены. И тогда ее активисты, заключенные в Образцовой тюрьме в Барселоне, призвали сформировать новое партийное руководство в изгнании. Коммунистический Интернационал поручил эту миссию Андресу Нину, который отправился в Париж, но был арестован и выслан из Франции. Позднее в новое руководство вошли Хосе Бульехос, Мануэль Адаме и Габриэль Леон Трилья. Последовал кризис в компартии, который привел, с одной стороны, к образованию Левой оппозиции и Коммунистической группы Мадрида, а с другой, к разрыву Каталонско-Балеарской коммунистической федерации с Коминтерном.

Возникновение МКИ

В 1930 году, после шести лет работы в Коммунистической партии группа «Баталья» (иными словами, Каталонско-Балеарская коммунистическая федерация), убежденная в том, что процесс сталинистского перерождения Коминтерна и бюрократические методы Москвы не допустят создания такой партии, какую она считала необходимой, — изменила свой политический курс. Поскольку Федерация не соглашалась с политикой компартии в Испании, она решила объединиться с Каталонской коммунистической партией. Так возник РКБ, а вскоре образовалась и его молодежное крыло.

Первый оргкомитет объединения «Независимые молодые коммунисты» был сформирован 5 июля 1931 года в Барселоне Либерто Эстартусом, Заме, Дураном, Короминасом и Гомилой. Первый конгресс состоялся в 1932-м, после конгресса Федерации. Был избран центральный комитет новой организации, в который вошли Жерминаль Видаль, Лоренсо Масферре, Франсиско Хелада и другие молодые каталонские активисты.

«Молодые коммунисты» быстро развивались: росла барселонская организация, создавались секции в крупных промышленных городах Каталонии, формировались «ударные группы» по охране митингов и манифестаций, активно велась работа в профсоюзах, привлекались новые члены из числа студентов Университета и Высшей промышленной школы (что впоследствии облегчило создание Ассоциации революционных студентов), был образован Спортивный рабочий союз, который участвовал во многих мероприятиях того времени.

Организация росла и крепла, и ее второй конгресс (1933 год) принял ряд тезисов и резолюций по различным политическим, профсоюзным и студенческим вопросам, а также постановил изменить название организации. Чтобы избежать путаницы с Союзом молодых коммунистов и, вслед за РКБ и Федерацией, расширить сферу своей деятельности на весь Иберийский полуостров, решено было именоваться отныне «Молодыми коммунистами Иберии». Генеральным секретарем стал Жерминаль Видаль, портовый рабочий из Барселоны, который проявил незаурядные лидерские и организаторские качества. Конгресс прошел под знаком борьбы против фашизма и за единый рабочий фронт.

Приход Гитлера к власти в Германии получил в Испании большой резонанс. РКБ и его молодежная организация проводили активные кампании в поддержку единого рабочего фронта против нацизма. В связи с этим им пришлось разоблачать политику Сталина и Коммунистической партии Германии, в основе которой лежало абсурдное положение о том, что «социал-демократия и фашизм — близнецы-братья». Когда в Германии возникли первые концлагеря и начались преследования рабочих организаций и евреев, РКБ и его молодежное крыло мобилизовали все усилия, чтобы обличать гитлеровское варварство и убедить трудящихся в необходимости борьбы против фашизма. Их усилия принесли свои плоды, так что Гитлер даже потребовал от правительства Испанской республики запретить «Баталью». МКИ были в первых рядах этой борьбы, и их «ударные группы» не позволили многочисленной, богатой и агрессивной немецкой колонии в Барселоне проводить пронацистские демонстрации.

Политика единого фронта начала обретать зримые очертания в конце 1933 - начале 1934 гг. Но ее следовало приспособить к особенностям испанского рабочего движения. В трудах и борьбе — против безработицы, работодателей и пр. — РКБ готовила образование Рабочего альянса, который образовали в декабре 1933 года следующие организации: ВСТ (Х. Вила Куэнка), Оппозиционные профсоюзы (А. Пестанья), Социалистическая федерация Барселоны (ИСРП, Рафаэль Видьелья), Либертарная синдикалистская федерация (Хуан Лопес), Социалистический союз Каталонии (Мартинес Куэнка), Союз земельных арендаторов (Жозеп Кальвет), профсоюзы, исключенные из НКТ (Ф. Агилар), РКБ (Х. Маурин) и ЛКИ (А. Нин). В Астурии в марте 1934 года в местный Рабочий альянс вошла НКТ.

1934-й оказался решающим годом. Именно тогда испанское рабочее движение взяло новый курс, сосредоточило усилия на формировании единого фронта; возник Рабочий альянс; произошло октябрьское восстание. Под сменой курса следует понимать прежде всего эволюцию ИСРП влево и сближение «Молодых социалистов» с революционными марксистами.

МКИ, октябрьское восстание 1934 года и «Молодые социалисты»

Первый конгресс МКИ состоялся в марте 1934 года. В нем приняли участие как старые, опытные кадры, закаленные в борьбе в 1931-1933 гг., так и

борьбы против внутреннего и международного фашизма и за Рабочий альянс. МКИ увеличили свою численность, их отделения появились в Кастельоне, Валенсии и многих других городах Испании. В центре дискуссий на конгрессе была проблема единого фронта с другими молодежными рабочими организациями, а также политическая и военная подготовка в грядущим событиям. Исполнительному комитету (в составе генерального секретаря Видаля, Масферре, Педролы, Солано, Рока и Хелады) поручили обратиться к социалистическим, коммунистическим и либертарным молодежным организациям с призывом объединиться в Рабочий альянс молодежи. Исполком также должен был обеспечивать публикацию еженедельника и осуществлять координацию политической деятельности организации.

РКБ ценой немалых усилий и жертв удалось наладить издание в Барселоне ежедневной рабочей газеты «Аделанте». Она выходила недолго, но пользовалась большой популярностью. Именно на ее страницах Ларго Кабальеро, посетивший Барселону, опубликовал заявление о том, что в условиях реакционной угрозы при режиме Лерруса-Хиля Роблеса «парламентского решения не существует», и «рабочий класс должен готовиться к насильственному взятию политической и экономической власти»[2].

5 марта по инициативе «Молодых социалистов» и ЛКИ в Мадриде был образован Рабочий альянс. В него вошли отделения ИСРП, «Молодых социалистов», ЛКИ и несколько профсоюзных групп, то есть меньше организаций, чем в Каталонии. Однако эта была столица, и объединение включило массовые организации социалистов, а значит, в скором времени Рабочие альянсы обещали возникнуть и в других регионах Испании.

В конце сентября 1934 года на встречу РКБ и МКИ в Барселону приехали представители «Молодых социалистов» Карлос Эрнандес Санкахо и Сантьяго Каррильо. У них состоялся разговор с Маурином, а также длительное совещание с делегацией исполкома МКИ. После интересной и позитивной дискуссии были определены направления регулярного сотрудничества двух организаций. Каррильо даже предложил объединить их. Подобная идея немало удивила нас, и мы ответили, что, прежде чем думать об объединении, нужно разобраться с рядом политических проблем, и в конечном итоге такое решение должны принять сами организации. На другой день представители МКИ и РКБ приняли участие в собрании «Молодых социалистов» во Дворце Металлургии, что в значительной мере способствовало успеху этого мероприятия, поскольку влияние ИСРП и «Молодых социалистов» в Каталонии оставалось ограниченным. Эрнандес Санкахо и Каррильо признали данный факт и заявили, что как раз потому сотрудничество МС с РКБ и МКИ является взаимовыгодным. Как бы то ни было, сотрудничество это продолжалось ровно до тех пор, пока Москва не стала диктовать свои условия объединения МС и МКИ.

События октября 1934 года — а именно поражение революционного движения в Мадриде и других местах, где большим влиянием пользовалась ИСРП, — побудили РКБ и ЛКИ подвергнуть суровой критике колебания и политическую непоследовательность ИСРП и МС. В Каталонии надежды также не оправдались. Однако необходимо отметить, что МКИ, не входя в Рабочий альянс, активно участвовали в акциях, направленных против Института

Сан-Исидро[3], в организации массовых демонстраций и всеобщей стачки (получившей в Каталонии подлинно широкий размах — при том, что в ней не участвовала НКТ). Некоторые молодые активисты из квартала Рабассада и городов Сан-Кугат и Сабадель намеревались оказать вооруженное сопротивление отрядам (escamots) Правительства Каталонии, сообщает журналист Анхель Эстивиль в своей книге, посвященной этим событиям[4]. В Астурии РКБ и ЛКИ также были в числе организаторов борьбы, а Мануэль Гросси сыграл решающую роль в Рабочем альянсе.

Несмотря на репрессии, начатые правительством Лерруса-Хиля Роблеса, МКИ продолжали действовать в подполье. Оказывая помощь заключенным и поддерживая тесные контакты с астурийскими активистами, МКИ выступали в качестве составной части каталонского Рабочего альянса молодежи, который был образован ими незадолго до октября 1934 года вместе с «Молодыми социалистами» и коммунистами.

Поскольку в Каталонии сопротивление репрессиям оказалось наиболее сильно, в Барселоне нашли убежище многие видные активисты, как, например, Хесус Росадо Диас, генеральный секретарь «Молодых коммунистов», а также ряд социалистов из Астурии и Мадрида. В результате столица Каталонии стала бы своего рода центром дискуссий между различными силами. А как только режим пошел на некоторые послабления, вновь стали выходить рабочие газеты, развернулись кампании за освобождение заключенных активистов.

Поражение октябрьских выступлений 1934 года — несмотря на боевитость и героизм Астурийской Коммуны и активные, хотя и в ограниченном масштабе, действия Рабочего альянса в Каталонии — и последовавшие за ним репрессии не привели к деморализации трудящихся и нового революционного поколения. Произошло обратное. Лучше всех проанализировал сложившееся положение Хоакин Маурин в книге «Ко второй революции»[5], заголовок которой сам по себе являлся программой. Напомнив о том, что случилось после поражения рабочего движения в 1917 году, когда оно не только не посчитало себя побежденным, но и в дальнейшем, «в 1918-1919 гг. получило мощное развитие»[6], автор утверждал, что в октябре 1934-го сложилась аналогичная ситуация: посеянное принесет свои плоды, и отныне альтернатива ясна — революция или контрреволюция, социализм или фашизм.

Весной 1935 года, после периода критического осмысления произошедшего рабочее движение вновь перешло в наступление. Несмотря на цензуру и посягательства правительства на основные свободы, Рабочий альянс, успешно проявивший себя в Астурии и Каталонии, был реорганизован. Одновременно вокруг него начался объединительный политический процесс. РКБ, сделавший собственные выводы из октябрьских выступлений, издал брошюру, где изложил задачи в новой ситуации: единый фронт (Рабочий альянс), слияние профсоюзов в общий профцентр, объединение революционных марксистов в одну партию.

Фактором, оказавшим влияние на этот процесс, стало внедрение в Испании тактики Народного фронта и «единой партии пролетариата», которую в том же 1935 году одобрили VII конгресс Коминтерна и Интернационал коммунистической молодежи. Подобный стратегический поворот нашел отражение в отказе от отношения к социалистическому движению как к «социал-

фашистскому» и в курсе на подчинение демократической буржуазии во имя борьбы против фашизма. Это, очевидно, было вызвано изменениями в стратегии Кремля и внешней политике СССР.

Объединительный процесс продолжался, проявившись в воссоединении НКТ (на Сарагосском конгрессе)*, создании ОСМ в результате слияния «Молодых социалистов» и коммунистов, однако при этом ИСРП — в частности, ее левое крыло во главе с Ларго Кабальеро — противилась вхождению в единую партию по образцу ОСМ, на котором настаивала Москва.

В Каталонии процесс политического объединения, начавшийся в рамках Рабочего альянса, вызвал четкую дифференциацию между организациями, заявлявшими о приверженности революционному марксизму, и реформистскими группами, которые сближались со сталинизмом, привлеченные лозунгами Народного фронта. Первые (ЛКИ и РКБ), чьи секции пользовались влиянием в различных регионах Испании, сформировали общеиспанскую революционную марксистскую партию. Вторые — при довольно подозрительных обстоятельствах — создали ОСПК, ставшую результатом слияния Социалистического союза Каталонии, Каталонской федерации ИСРП, Каталонской пролетарской партии и Коммунистической партии Каталонии. ОСПК не замедлила примкнуть к Коминтерну и подпала под влияние КПИ.

Более всего в этих событиях поражает тот факт, что сталинизм при помощи партии, не располагавшей ни влиянием, ни значительной силой, сумел поглотить «Молодых социалистов», оказать весомое давление на ИСРП и навязать ОСПК политику и методы Москвы. Но, разумеется, то, что на первый взгляд представляется исторической загадкой, имеет свои причины и объяснения.

Сталинистский поворот 1935 года и процесс объединения

Долгое время — начиная с визита Ларго Кабальеро в Каталонию, создания Рабочего альянса, поездки Санкахо и Каррильо в Барселону и до осени 1935 года — РКБ, ЛКИ и МКИ поддерживали прекрасные отношения с «Молодыми социалистами». Как признавал Фернандо Клаудин, газета «Баталья», журнал «Нуэва эра», книги и брошюры, издаваемые РКБ, широко распространялись по секциям МС:

> «В период между публикацией „Октября, второго этапа“ и VII конгрессом Коминтерна имел место мимолетный флирт Сантьяго Каррильо и других лидеров молодых социалистов с вождями — или сторонниками — испанского троцкизма. Первые высоко оценили работы Нина, Андраде, Маурина, признав за ними более высокий теоретический уровень, чем у руководителей КПИ»[7].

Действительно, в то время Каррильо писал статьи с критикой Прето и полемизировал с Маурином (в «Баталье» и мадридском издании «Кларидад»)[8]. Таким образом, на протяжении нескольких месяцев два течения в Рабочем

* В мае 1936 года в НКТ вернулись профсоюзы «триентистов*, отколовшиеся в 1933 году. — *Прим. ред.*

альянсе и Рабочем альянсе молодежи эффективно сотрудничали. До поворотного VII конгресса Коминтерна и съезда КПИ, взявших курс на Народный фронт, позиции обоих испанских объединений были идентичны.

Отсюда вытекает предположение, отстаиваемое некоторыми историками и участниками событий: если бы РКБ, ЛКИ и МКИ вступили в объединенную партию и МС соответственно, дальнейшие события развивались бы по-иному. Однако в самих организациях, впоследствии объединившихся в ПОУМ, практически никто не рассматривал всерьез подобную перспективу. Не следует забывать и о том, какие результаты принесло вхождение революционных активистов, в том числе троцкистов, в 1934-1935 гг. в некоторые социалистические партии Европы и США с целью способствовать их радикализации и обрести более широкую политическую базу. Надо учитывать и тот факт, что после VII конгресса Коммунистического Интернационала московские делегаты и эмиссары (Витторио Кодовилья, Жак Дюкло, Раймон Гюйо и пр.) осуществляли постоянное давление на МС и левых социалистов. Клаудин превосходно показывает, как действовало то, что он называет «соблазном Коминтерна»[9]. Основную роль здесь сыграл Витторио Кодовилья; немалое значение имела и поездка Каррильо в Москву в феврале 1936-го в компании с лидером «Молодых коммунистов» Трифоном Медрано. Состоялись встречи между Сантьяго Каррильо, Федерико Мельчором, Хосе Лаином (руководитель «Молодых социалистов», временно находившийся в эмиграции в Москве) и Дмитрием Мануильским (генеральным секретарем Коминтерна)*, Михаилом Вольфом и Косаревым, в ходе которых вожди III Интернационала разъяснили — надо полагать, убедительно — своим испанским визави «контрреволюционную роль троцкизма» и необходимость объединить молодежные организации на основе новой политики сталинистского Интернационала.

В связи с этим Фернандо Клаудин приводит любопытную деталь. Каррильо привела в восторг фраза Мануильского об отношениях с католиками: «Нужно идти к коммунизму с серпом и молотом в одной руке и крестом в другой»[10].

Позднее Каррильо припомнил совет и сумел одурачить немало наивных людей, полагавших, будто это гениальная идея, в то время как речь шла об одном из многочисленных пропагандистских клише, изобретенных в Кремле. Но главное заключается в том, что делегации подписали в Москве протокол об объединении, который перечеркивал всю политику Каррильо и его соратников после V конгресса «Молодых социалистов». В качестве компенсации испанским деятелям с согласия Москвы предлагалось «осуществить слияние на базе „Молодых социалистов", причем последние должны будут сохранить свои нынешние отношения с ИСРП». По мнению Фернандо Клаудина, все это имело лишь одну цель: облегчить борьбу против сторонников Бестейро и Прието** в ИСРП, дабы «большевизировать» ее и одновременно обезопасить будущую партию от всякого проникновения троцкистов[11].

* Генеральным секретарем Коминтерна был Г. Димитров. Д. Мануильский являлся одним из руководителей Исполкома Коминтерна. — *Прим. ред.*

**Лидеры правой и «центристской» (на деле — тоже правой) фракций ИСРП. — *Прим. ред.*

Возвратившись в Мадрид в апреле 1936 года, Каррильо, как пишет Клаудии, был очарован Мануильским и советскими вождями, а потому поспешил навязать другим новую политическую линию. Эрнандес Санкахо и Серрано Понсела попытались возразить, но к ним не прислушались. Решение о смене курса было принято. 18 июля* застало Каррильо в Париже в компании Раймона Гюйо, секретаря Интернационала Коммунистической молодежи. Поворот произошел столь стремительно, что многие не осознали его истинного значения, и им потребовалось для этого некоторое время. Энрике Родригес в «Баталье» и я в «Нуэва Эре»[12] подвергали подробной критике сделанный вираж и разъясняли его значение. Кремль выиграл битву, что позволило ему упрочить свои силы и расширить влияние накануне военно-фашистского мятежа. Следующей его целью стало установление контроля над ИСРП и нейтрализация того, что ему угодно было именовать «троцкизмом».

Учредительный конгресс ПОУМ в 1935 году решил сохранить название МКИ (уже получившее широкую известность) и предложил молодым членам ЛКИ войти в уже существующую молодежную организацию. МКИ приложили такие усилия ради формирования новой партии — особенно в Барселоне, где пришлось повести борьбу против течения под руководством Коломе, Эстартуса и Эстивиля, которые ратовали за пораженческую политику, — что им пришлось в какой-то мере отодвинуть на второй план цели молодежной организации как таковой. Партия постоянно призывала МКИ к выполнению новых задач, встающих каждый день, как, например, организация РФПЕ (Рабочей федерации профсоюзного единства), участие в издании «Нуэва Эра» и в избирательной кампании января-февраля 1936 года. По этой причине некоторые товарищи задавались вопросом о необходимости молодежной организации вообще: не следует ли, напротив, считать абсолютным приоритетом строительство партии? Но Маурин подчеркивал важное значение МКИ и предложил издавать специальную молодежную газету. МКИ успешно развивались в Валенсии, Галисии, в некоторых городах Каталонии. Накануне июльских событий Жозеп Ровира был делегирован от молодежной организации в исполнительный комитет ПОУМ. Он также считал, что МКИ необходимо всячески развивать, уделяя особое внимание боевой подготовке молодежи.

19 июля 1936 года в Барселоне «ударные отряды» под командованием Жозепа Ровиры, Мануэля Гросси, Жерминаля Видаля, Луиса Рока и других, уже несколько дней находившиеся в боевой готовности, вступили в бой с мятежными военными. Жерминаль Видаль погиб на Университетской площади. Три дня спустя первые колонны бойцов отправились на Арагонский фронт. Боевые отряды возглавили активисты МКИ — Мигель Педрола, Луис Рок и Франсиско Хелада. Меня делегировали в исполком ПОУМ, заседавший в Валенсии, для подготовки издания газеты.

Понятно, что события, изменившие ситуацию в стране, внесли коррективы и в состав руководства МКИ. Начиналась решающая битва, и в ней надо было одержать победу.

* Начало мятежа франкистов, которое привело к началу гражданской войны и углублению революции в Испании. — *Прим. ред.*

Молодежь, революция и гражданская война

В начале сентября 1936 года, в разгар революционного подъема большинство молодых активистов и сторонников ПОУМ находилось на Арагонском, Левантском и Мадридском фронтах. Члены МКИ командовали взводами и ротами под Уэской, Сарагосой и Теруэлем, при осаде Овьедо, в разоренной Сигуэнсе или в рядах колонн, которые сдерживали франкистские войска, рвущиеся к Мадриду. А прежде успели принять участие в освобождении Ибицы; некоторые погибли в боях за Майорку.

Тысячи молодых людей толпились у помещений МКИ, чтобы записаться в ополчение или вступить в организацию, особенно в городах и деревнях, где она существовала уже некоторое время и завоевала уважение к себе. Повсюду быстро возникали ее новые секции. Наиболее впечатляющим ее достижением стало издание в Лериде, оплоте ПОУМ, «Комбата» — первой ежедневной молодежной газеты в Испании и второй в мире (после советской «Комсомольской правды»).

В таких условиях активисты МКИ, находившиеся в Барселоне с поручениями политического и военного характера, поставили перед исполкомом ПОУМ вопрос о необходимости реорганизации молодежного движения в соответствии с насущными требованиями момента. В Барселоне был создан временный комитет для срочного проведения конференции. Она состоялась 14 сентября в самом центре города в доме 4 по Рамбла де лос Эстудиос, конфискованном у местного аристократа. В ней приняло участие около пятидесяти делегатов из Каталонии, Леванта и Мадрида. Председательствовал Хесус Эстаран, секретарь МКИ Лериды. Собравшиеся почтили память Жерминаля Видаля, героя боев 19 июля в Барселоне, Мигеля Педролы, павшего на фронте под Уэской, и других товарищей. Я выступил с подробным докладом о развитии революционного процесса и ходе боевых действий, а также задачах, вставших перед МКИ. Затем делегаты рассказывали об успехах, достигнутых на местах — при том, что, по словам одного из них, «старшие и самые опытные активисты находились на фронте».

После дискуссии и докладов Энрике Ариньо по организационным вопросам и Педро Пажеса (Виктора Альбы) о печати и пропаганде Энрике Родригес сообщил о перспективах развития МКИ в Мадриде. Э. Маурисио рассказал о трагедии в Льерене, где отряды Кейпо де Льяно* убили многих активистов ПОУМ, и борьбе трудящихся Эстремадуры. Конференция постановила немедленно приступить к изданию центрального органа МКИ «Хувентуд Комуниста»; развивать совместную деятельность с Объединением студентов- коммунистов; создать Федерацию пионеров на основе кадров из имевшихся групп; избрать исполнительный комитет в составе: Солано (генеральный секретарь), Ариньо (оргвопросы), Пажес (печать и пропаганда), Рок и Хелада (военная секция).

Первый номер газеты «Хувентуд Комуниста» вышел 17 сентября в Барселоне на четырех страницах большого формата, проиллюстрированный

* Один из руководителей франкистов, генерал, действовал на юге Испании. — *Прим. ред.*

фотографиями, рисунками и карикатурами. В начале октября мадридская организация МКИ выпустила еженедельник «Анторча» на восьми страницах малого формата, что немедленно вызвало недовольство лидеров ОСМ. Ряды молодежных изданий пополнили также таррагонский еженедельник «Акцио» и валенсийская газета «Хувентуд Роха». Со своей стороны, исполком, осознавая необходимость политического образования молодого поколения, объявил о подготовке издания теоретического журнала «Хенерасьон Роха» (он вышел в свет позднее, чем планировалось). Следует также упомянуть «Пионеро Рохо» — интересную новинку в области детской периодики.

Политические и военные цели МКИ

После сентябрьской конференции МКИ сосредоточились на четырех направлениях деятельности.

С организационной точки зрения требовалось: развивать влияние, и без того немалое, в Каталонии, где МКИ являлись крупнейшей молодежной организацией; продолжать прерванное франкистским мятежом проведение политики расширения своего влияния в Галисии, Андалусии и Эстремадуре; упрочить позиции в Валенсии и Мадриде; уделять особое внимание социалистическому просвещению молодежи; привлекать в организацию больше молодых рабочих, развивать студенческие и пионерские организации.

В военном плане требовалось: активизировать набор в ополчение, сформировать несколько колонн для усиления дивизии им. Ленина (впоследствии 29-я дивизия) и другие войсковые части, оказать поддержку обороне Мадрида; наладить строевое обучение молодежи и подготовить воинские кадры (это обсуждалось на конференции в Лериде, посвященной боевым действиям); показать на деле, что победа на поле боя является первоочередной заботой защитников социалистической революции, которую поэтому нельзя отделять от войны.

В политическом плане необходимо было разъяснять молодежи цели ПОУМ: рабочее единство, рабочее правительство, социалистическая революция, как говорилось в редакционной статье в газете «Хувентуд Комуниста» от 24 сентября; учредительное собрание рабочих, крестьянских и солдатских комитетов; фронт революционной рабочей молодежи во имя победы в войне и радикального переустройства общества.

Наконец, задачи деятельности на международной арене определялась следующим образом: создать интернациональное движение в защиту испанской революции и связать его с антивоенной и антифашистской борьбой, которая разгоралась в Европе, для чего использовать Международное бюро революционной молодежи в Осло; упрочить связи со всеми независимыми молодежными организациями, имея в виду перспективу создания Революционного Интернационала молодежи.

Эти весьма амбициозные цели обуславливались необходимостью развития и углубления революционного процесса и ведения войны таким образом, чтобы лишить франкизм его социальной базы и разбить врага на его территории. Они вписывались в общие рамки политики ПОУМ, однако были сформулиро-

ваны активистами очень молодыми (от 15 до 23 лет), убежденными в том, что Европа является полем великой битвы, и их революция призвана не только покончить с вековой отсталостью Испании и сделать возможным колоссальный скачок к новому обществу, но и внести решающий вклад в борьбу против фашизма и социалистическое обновление мира.

Поначалу МКИ вела свою деятельность (формирование ополчения, оргстроительство, собрания и митинги, распространение газет и других изданий, политучеба для активистов, международные связи), не имея особенных проблем с другими организациями. Споры о смысле войны и революции, по вопросу о власти велись довольно жаркие, но даже Каррильо вспоминал, что поумисты и члены КПИ вместе входили в Комитет ополчения Каталонии, Народный исполнительный комитет Валенсии, Совет Правительства Каталонии и многие другие связанные с ними органы. Вместе они состояли и в знаменитом Революционном комитете Лериды, а также в сотнях местных и региональных комитетов и комиссий, возникших по всей стране.

Но так продолжалось недолго. В середине августа 1936 года, на пике революционного воодушевления, когда все казалось возможным, и Испания все больше становилась символом успешного сопротивления международному фашизму, до нас стали доходить первые сведения о расправе Сталина и его бюрократического аппарата со «старой гвардией» большевиков, в частности, о процессе Каменева и Зиновьева и их казни. Реакция ПОУМ и МКИ — которые и так уже критиковали политику «невмешательства» в испанские события, проводимую в то время Москвой, — последовала незамедлительно. 28 августа 1936 года в газете «Баталья» в качестве редакционной статьи было опубликовано заявление ПОУМ:

> «Мы, революционные социалисты, марксисты, от имени социализма и революционного рабочего класса выражаем самый энергичный протест против чудовищного преступления, только что совершенного в Москве».

С этого момента ситуация коренным образом изменилась. Поскольку ПОУМ и МКИ не ограничились одним заявлением протеста и продолжали публиковать информацию (при том, что другие газеты, включая социалистические и анархистские, хранили молчание) о событиях, которые сам Кремль осудил двадцать лет спустя, лидеры КПИ, ИСРП и ОСМ начали широкую кампанию клеветы против ПОУМ и ее активистов. Кампания эта с редкостным упорством велась до самого окончания гражданской войны в Испании, а затем долгие годы во всем мире, пока в 1956 году Хрущев не разоблачил кровавую сущность сталинизма и не положил конец братоубийственной ярости его приспешников.

Сталинистские нападки из Мадрида

Особенного накала клеветническая кампания сталинистов достигла в Мадриде, где организация ПОУМ, немногочисленная, но быстро развивающаяся, начала беспокоить вождей ОСМ (Каррильо, Мельчор, Касорла и другие уже работали на КПИ, в которую поспешили тайно вступить). 11 октября в театре Мария-Исабель состоялось массовое собрание, организованное МКИ

и увенчавшее собою месяц интенсивной работы по формированию воинских частей, которые отправились сражаться на Гвадалахарский фронт, в Сьерру* и другие места. Наши мадридские товарищи имели свою радиостанцию, очень мощную, которую можно было поймать на всей территории Испании, издавали ежедневную газету «Комбатьенте Рохо» и два еженедельника, «ПОУМ» и «Анторча». После собрания 11 октября (в котором участвовали Эмилио Гарсиа, Эухенио Фернандес Гранель, Энрике Родригес и я), руководители ОСМ не постеснялись заявить, будто в то время, как члены их организации воевали на фронте, МКИ затевали в столице раскол. «Анторча» немедленно отреагировала, объяснив, что организация существует уже давно, и предложив опубликовать подробный отчет о боях за Сигуэнсу, Монте-Арагон и Эстречо-Кинто (Уэскский фронт), в которых важнейшую роль сыграли активисты МКИ. (Впрочем, несколькими днями ранее орган ОСМ с энтузиазмом приветствовал взятие двух последних населенных пунктов ополчением ПОУМ, не уточнив, однако, какие силы осуществили эту операцию.) Кроме того, «Анторча» опубликовала возмущенный протест молодых бойцов мадридской моторизованной колонны ПОУМ, которые потеряли лучших товарищей в боях за Сигуэнсу, где сражались плечом к плечу с батальоном «Пасионария» и отрядами ВСТ и НКТ.

Когда в результате наступления армий Франко положение Мадрида стало критическим, и требовалось величайшее напряжение сил, чтобы отстоять город, Каррильо и Касорла предпочли направить часть усилий на борьбу с ПОУМ. 22 октября 1936 года в ответ на предложение последней провести совместную политическую дискуссию группа членов ОСМ атаковала помещения МКИ и редакции поумистских газет, дабы помешать их выходу. Когда была создана Хунта обороны Мадрида, советский посол Розенберг наложил вето на участие в ней ПОУМ. Социалист Альбар объяснял одному из руководителей ПОУМ Энрике Родригесу:

> «Конечно, это несправедливо, но нас тоже нужно понять: СССР могуч; когда пришлось выбирать, без чего мы можем обойтись, без поддержки ПОУМ или без помощи СССР, мы свой выбор сделали» [13].

Делегированные исполкомом ПОУМ в состав Хунты Хуан Адраде и Хулиан Горкин повторно попытались подтвердить свои полномочия, но ни одна организация не посмела воспротивиться наложенному Москвой вето. Несколько дней спустя, 27 ноября, российский консул в Барселоне Антонов-Овсеенко выступил с клеветнической нотой против газеты «Баталья», что стало отправной точкой операции по исключению Андреса Нина из Совета Правительства Каталонии. Как только сталинисты добились своего, «Правда», которая вела яростную кампанию оправдания московских процессов и репрессий против российских оппозиционеров, написала в номере от 17 декабря:

> «В Каталонии уже началось уничтожение троцкистов и анархо-синдикалистов; оно будет доведено до конца с той же энергией, что и в СССР» [14].

Виктор Серж, находившийся в то время в Брюсселе, сразу понял, что означают угрозы «Правды», и поспешил предупредить об этом исполком ПОУМ.

* По-видимому, имеется в виду Центральная Кордильера, горный массив поблизости от Мадрида. — *Прим, перев.*

Однако активисты партии и МКИ были слишком уверены в своей силе и авторитете в рабочем классе, и при всем глубоком изумлении, которое вызвали у них московские процессы, они и помыслить не могли, что в разгар войны против Франко кто-то силой попытается подавить революционные организации. Ни захват радиостанции ПОУМ в Мадриде — чьи передачи воодушевляли бойцов и не давали покоя франкистам, и на чьих волнах возвратившийся из Америки поэт Леон Фелипе призывал к солидарности с борющимся народом, — ни запрещение «Комбатьенте Рохо» и «Анторчи» не заставили лидеров ПОУМ в полной мере оценить грозившую им опасность.

> «Руководители сталинистов, — успокаивали они себя, — подло напали на нас там, где мы были слабы; но в Каталонии, Валенсии или на Арагонском фронте — они не посмеют...»

В последующие месяцы эти иллюзии оказались развеяны самым трагическим образом.

В июле 1936 года важнейшим для Каталонии был вопрос о власти и ее органах. ПОУМ и МКИ изначально выступали за формирование рабочего правительства из представителей всех рабочих организаций при опоре на возникавшие повсюду революционные комитеты. Однако руководители НКТ (пользовавшиеся в то время широкой поддержкой), которых председатель действующего Правительства Каталонии Льюис Компаньс уверил в своей готовности уйти в отставку [15], предпочли сохранить прежнюю структуру правительственной власти, создав ей *в противовес* Комитет антифашистского ополчения. Этот последний стал плодом компромисса, в результате чего преобладающие позиции в нем заняли профсоюзы (так, представительство ВСТ совершенно не соответствовало его реальному влиянию), а политические партии оказались в меньшинстве. Подобный компромисс имел целью прежде всего ослабление ПОУМ и играл на руку только что созданной ОСПК, что в тот момент не вызвало беспокойства ни у КЛР (Каталонских левых республиканцев), ни у НКТ. Активисты ПОУМ и МКИ посчитали произошедшее серьезным шагом назад; поэтому они никогда не могли понять некоторых зарубежных наблюдателей, которые, меряя все на аршин русской революции, всячески превозносили Комитет ополчения и изображали его чем-то вроде Совета. Действительно, поначалу существовало некое двоевластие Правительства Каталонии и Комитета, однако не случайно именно те, кто создал последний в результате заключенного в июле компромисса, то есть НКТ и Правительство, с этим двоевластием покончили, образовав 26 сентября 1936 года объединенный Совет Правительства Каталонии.

Таким образом, вместо того, чтобы от Комитета ополчения перейти к формированию нового правительства, которого требовала сложившаяся в Каталонии ситуация, был сделан еще один шаг назад. ПОУМ, как и НКТ — дело неслыханное в истории анархистского движения — вошли в Совет Правительства. ПОУМ оговорил свое участие в нем двумя условиями: наличием в нем рабочего большинства и социалистической программы. После создания Совета Нин заявил, что это правительство *переходного периода*, объединяющее все рабочие организации Каталонии. Вопрос стоял о том, когда наметится завершение этого «перехода». Пойдет ли революционный процесс по нарастающей

(и не только в Каталонии), или же, напротив, силы, группирующиеся вокруг сталинизма, «втиснут пролетарскую революцию в буржуазно-демократические рамки, в которых ей всегда надлежит оставаться»[16]? Дилемма разрешилась 17 декабря 1936 года выводом Нина из Совета Правительства под давлением Москвы. Это была лишь подготовка к операции, начатой против Ларго Кабальеро в мае 1937-го. Совершенно понятно, что имел в виду Каррильо, когда заявил, что, если бы республиканцы победили в войне, это стало бы первым примером «народной демократии» [17]. Имеющий уши да слышит...

Еще менее вдохновляло участие ПОУМ в Совете Правительства Каталонии активистов МКИ. Эти умонастроения молодых нашли отражение в статьях, написанных Роком и мной для «Хувентуд Комуниста». Мы писали о глубокой неудовлетворенности молодежи и призывали читателей настороженно относиться к политике ОСПК и ОСМ. Однако МКИ подчинилась решению партии и приветствовала все прогрессивные меры и постановления, которые удалось принять Нину: народные суды, законодательство о браке и улучшение положения женщин, предоставление юридических и политических прав с 18-летнего возраста. Заметим, к слову, что «Хувентуд», орган ОСМ, откликнулся на постановление о снижении возраста совершеннолетия, даже не упомянув при этом имени Нина.

После вывода представителей ПОУМ из Совета Правительства, в январе 1937 года ОСМ провела в Валенсии конференцию, где Каррильо (уже состоявший к тому времени в компартии, хотя скрывал это) произнес речь (которую, по утверждению Клаудина, предварительно просмотрел и исправил Михаил Вольф, член Коммунистического Интернационала молодежи [18]). В ней он проводил сталинскую линию на создание «единого молодежного фронта». Решения конференции сводились к следующему: ведется «война за независимость родины», революционные и социалистические требования препятствуют объединению молодежи, руководители ПОУМ являются «агентами Франко и Молы», необходимо стремиться к созданию «Национального альянса испанской молодежи» без различия классов и мнений. Газета МКИ «Хувентуд Комуниста» опубликовала серию статей, где подвергла критическому разбору новые позиции ОСМ и противопоставила им политику революционной войны, защиты завоеваний революции июля 1936 года, а также выступила в поддержку создания фронта революционной рабочей молодежи. Поскольку новая, сталинистская линия Каррильо вызвала глубокое недовольство у «Молодых анархистов», а также в рядах самой ОСМ, что привело к возникновению в этой организации оппозиционных течений, критика МКИ получила неожиданно широкий отклик.

Фронт революционной рабочей молодежи

В первых числах января 1937 года исполком МКИ опубликовал документ, в котором, после краткого анализа хода войны и революции, перечислялись основные цели будущего Фронта революционной рабочей молодежи. Они были разделены на три части: покончить с пережитками буржуазного прошлого; выиграть войну; совершить революцию. В целом речь шла об объединении

молодежи ради выполнения следующих задач: усилить военный натиск и содействовать организации революционной армии; распустить кортесы, которые уже не соответствовали сложившейся ситуации; организовать собрание делегатов рабочих, крестьянских и воинских комитетов; очистить административный аппарат и правоохранительные органы; разорвать отношения с Лигой наций, осудив ее тайную дипломатию; защищать права и свободы, в частности, свободу критики, и противодействовать клеветническим кампаниям, порочащим рабочее движение. Этот документ был одобрен на расширенном заседании исполкома МКИ, состоявшемся в январе 1937 года в помещении Пасео де Грасиа; на нем присутствовал Андрес Нин. (По сути, это мероприятие можно назвать пленумом, поскольку принявшие в нем участие представители всех организаций МКИ и различных фронтов боевых действий обсудили и приняли ряд важных документов.)

Начатая МКИ кампания не замедлила принести свои плоды, причем весьма многообещающие для той поры отступления от первоначальных завоеваний. 4 февраля 1937 года ПОУМ организовала массовый митинг на Гран Ирисе в Барселоне, в котором приняли участие Пилар Сантьяго, Жозеп Пальяк, Энрике Родригес, Хесус Эстаран, Луис Рок, Франсиско Хелада, Фриц Зандер (от Международного бюро Революционной молодежи), Андрес Нин [19] и автор этих строк. Более 8 тысяч молодых рабочих собрались на митинг, а затем прошли по улицам Барселоны до самой Рамблы. Вскоре Фронт революционной рабочей молодежи организовал грандиозную манифестацию на площади Каталонии. Около 50 тысяч собравшихся бурно приветствовали ораторов: Альфредо Мартинеса и Фиделя Миро от «Молодых анархистов»; Вилебальдо Солано от МКИ, а также представителей Молодых сторонников кооперативного движения, «Коммунистической учащейся молодежи» и молодежного крыла «Свободных Женщин». Затем они прошли по бульварам до Дворца Правительства Каталонии, где передали свои требования Компаньсу.

«Нельзя ни на шаг отступать на путь контрреволюции и поражения», — заявил представитель «Молодых анархистов» Фидель Миро. Я в своем выступлении отметил: «Фронт становится на защиту завоеваний 19 июля и призван объединить всю рабочую молодежь, чтобы выиграть войну и совершить социалистическую революцию». Этот фронт был официально образован 20 февраля, когда уже начинало ощущаться удушающее воздействие господствующей политической линии. И все же влияние митинга на площади Каталонии подобно свежему ветру пронеслось по всей Каталонии и дальше, на другой берег Эбро, достигло Валенсии и Мадрида.

Руководство политических партий и профсоюзов пребывало в изумлении. Фронт продолжал начатую кампанию, проводя митинг за митингом в крупных городах Каталонии и привлекая к себе все большие симпатии молодежи. Из Валенсии и Мадрида поступали приглашения организовать аналогичные акции. Печать НКТ и левых социалистов, в частности, «СНТ» и «Кастилья Либре», приветствовала их. «Молодые анархисты» призывали, чтобы примеру Каталонии последовала вся Испания. Хуан Андраде писал 25 февраля в «Баталье»:

> «Фронт революционной молодежи представляет собой первое оформленное и серьезное течение, способное возродить глубинный смысл нашей гражданской

войны. Он указывает путь к объединению, необходимому для защиты и обретения новых завоеваний революции. Молодежь должна побудить зрелых активистов последовать ее примеру, поскольку более богатый опыт политической деятельности позволяет им лучше понять ситуацию и оценить грозящие опасности»[20].

Как и следовало ожидать, КПИ, ОСПК и ОСМ не замедлили перейти в контрнаступление, воспользовавшись по своему обыкновению шантажом и советской поддержкой. В частности, было оказано давление на НКТ с целью вынудить «Молодых анархистов» покинуть Фронт. Затем ОСМ сделала все возможное и невозможное для того, чтобы Мадрид и Валенсия не последовали примеру Каталонии. И все же, несмотря на подобные интриги, Фронт сохранил свои позиции благодаря тому, что в Каталонии была создана сеть совместных комитетов МКИ и «Молодых анархистов» на местах. Они не поддались никакому давлению и смогли выполнить ряд задач, в том числе — о чем не следует забывать — оказывали материальную и моральную поддержку бойцам на фронтах, защищали активистов от сталинистских преследований и вели широкую кампанию против тыловых крыс, спекулянтов и торговцев на черном рынке.

Главной целью Фронта революционной рабочей молодежи было способствовать созданию единого фронта НКТ, ФАИ, ПОУМ и левых социалистов. Но то, что представлялось не слишком сложным молодым активистам, преисполненным энтузиазма и стремления к революционным преобразованиям, пренебрегавшим соображениями политической конъюнктуры, расчетами и оппортунизмом, оказалось крайне непростым для «взрослых» организаций, которые нередко сковывали противоречия между избранной стратегией и ситуационной тактикой, а также давление со стороны государственного аппарата, контролируемого сталинистами. Таким образом, Революционный рабочий фронт остался лишь лозунгом, даже во время Майских событий. Если революционный проект не развивается, он обречен на застой, спад и исчезновение. Что в итоге и произошло с Фронтом революционной рабочей молодежи, конец которого наступил неожиданно, во время собрания «Молодых анархистов» Каталонии в последних числах мая 1937 года, когда верх над сторонниками Миро взяли «аполитичные» активисты, принципиальные противники альянсов с кем бы то ни было... Хотя позднее они уже не столь рьяно противились отношениям с лидерами ОСМ.

3 мая сталинисты начали наступление на рабочий класс Каталонии: верные им полицейские напали на Телефонную станцию*. Барселона немедленно покрылась баррикадами. Трудящиеся объявили забастовку и взялись за оружие, чтобы продемонстрировать свою силу и дать отпор сталинистской ОСПК. Ночью представители ПОУМ и МКИ провели совещание с каталонским комитетом НКТ с целью дать оценку ситуации и предложить политическое решение, призванное направить возмущение барселонских трудящихся в нужное русло.

Разумеется, активисты МКИ находились на баррикадах и там, где это было возможно, действовали совместно с «Молодыми анархистами». Исполком

* Станция контролировалась анархо-синдикалистами, и нападение на нее вызвало возмущение масс членов НКТ и ответную реакцию. — *Прим. ред.*

МКИ непрерывно заседал в своей штаб-квартире на Пасео де Грасиа. Помещение районного отделения ПОУМ, расположенное поблизости, почти у пересечения улицы Корсега и проспекта Диагональ, служило своего рода аванпостом. Весь район между этим зданием и началом улицы Майор де Грасиа защищали занявшие позиции на баррикадах силы ПОУМ и МКИ.

Члены комитета обороны НКТ квартала Грасиа вскоре присоединились к нам, и с этого момента возник общий комитет, который за несколько часов установил контроль над Грасиа и частью северных районов Барселоны. Силы Республиканской национальной гвардии (бывшей Гражданской гвардии) передали нам оружие, нас поддержали также члены местного отделения движения «Каталонская нация». Среди курсантов военного училища, расположенного в нашем секторе, насчитывалось немало активистов МКИ и «Молодых анархистов», и они тоже предоставили себя в распоряжение комитета обороны. 5 мая все имевшиеся в наличии силы объединились в ударную колонну. Только выступить ей было не суждено.

Сознавая серьезность положения, делегация исполкома МКИ (Ариньо и я), пробираясь через свои и чужие баррикады, отправилась в центр города, на Театральную площадь, где находилась штаб-квартира руководства ПОУМ. Так мы смогли получить более полную информацию о реальной ситуации, и она несколько отличалась от той, что мы представляли себе с высот Пасео де Грасиа на основе сообщений радио и телефонных переговоров. Нин выглядел крайне озабоченным и как будто не представлял, как выйти из положения. Андраде и Бонет доложили об установлении связи с «Друзьями Дурру- ти», но эта группа была не слишком многочисленной, и мы сомневались, что всегда сможем на нее положиться[21]. Движение оказалось в руках районных и квартальных комитетов обороны НКТ. Впоследствии они были вынуждены подчиниться директивам национального комитета своей организации — Гарсиа Оливер и Федерика Монтсени выступили с призывом к примирению и отступлению* по радио Правительства Каталонии. Кроме того, политическая обстановка в Мадриде и Валенсии не столь благоприятствовала барселонскому восстанию, как полагали некоторые из нас. Руководители КПИ и ОСМ развязали кампанию, в ходе которой валили в одну кучу «преступные действия анархистов и поумистов» и «сепаратистские поползновения». В осажденном полчищами Франко Мадриде непросто было понять, что происходило в Барселоне, и сталинисты воспользовались ситуацией, а чтобы усугубить путаницу, стращали призраком *сепаратизма.*

Несомненно, подлинно революционной власти в Каталонии пришлось бы противостоять подобной кампании, предлагая собственные перспективы и задачи. Но руководители НКТ-ФАИ искали выгодного компромисса, прежде «показав зубы сталинистам», как выразился один из лидеров каталонских анархистов. ПОУМ же сама по себе не являлась насколько сильной, чтобы выступить единственным носителем реальной политической альтернативы.

В этих условиях МКИ, которые вместе с НКТ имели достаточно возможностей для успешного развития борьбы, решили последовать указаниям,

* Имеется в виду предложение отвести вооруженные отряды с улиц. — *Прим. ред.*

переданным Нином по телефону, и начали организованное отступление — вслед за комитетом обороны НКТ квартала Грасиа.

Продолжая после этого работать как прежде, МКИ одновременно организовали защиту своих помещений и приняли меры, необходимые для ухода в подполье. Их газета «Хувентуд комуниста» приняла эстафету у «Батальи» (запрещенной 27 мая специальным эмиссаром правительства в Барселоне, который, явившись из Валенсии, вел себя точно типичный проконсул, не считаясь с Правительством Каталонии и его представителями). В то же время МКИ готовились к совещанию Международного бюро революционной молодежи, которое должно было состояться 9 мая, противостояли сталинистской пропагандистской кампании и обличали первые случаи убийств и похищений.

На расширенном пленуме Центрального комитета, где присутствовали делегаты со всей Испании и бойцы разных фронтов, было решено провести съезд МКИ 14 августа, то есть через два месяца после конгресса ПОУМ, назначенного на 19 июня. Проанализировав текущую политическую ситуацию, пленум дал оценку Майским событиям и их последствиям. И постановил следующее: поддерживать Фронт революционной рабочей молодежи там, где его не распустили, способствовать его развитию по всей стране, разоблачать политику ОСМ, предлагая противникам Каррильо в организации решительно стать на сторону революционного марксизма, а также усилить политработу в воинских частях и создать «молодежные группы профсоюзного единства». В № 38 «Хувентуд комуниста» от 10 июня — который оказался последним, поскольку тираж следующего номера 16 июня был конфискован полицией, — содержалась подробная информация о пленуме и его решениях. Три последних номера газеты выходили на шести полосах, дабы хоть частично заполнить пустоту, оставшуюся после запрета «Батальи».

Необходимо уточнить, что представляли собой МКИ, и как строились их отношения с ПОУМ. Согласно партийному уставу и резолюции расширенного заседания ЦК (декабрь 1936 года), партия осуществляла политическое и организационное руководство молодежной организацией, но в самой ПОУМ действовал принцип демократического централизма (на деле мало способствовавший централизации и предоставлявший секциям такую свободу, которая могла показаться чрезмерной), а МКИ фактически пользовались очень широкой автономией. Подобная практика сложилась как бы сама собой, не создавая ни затруднений, ни конфликтов.

Исполнительный комитет МКИ представлял собой команду единомышленников, действующих согласованно, движимых духом товарищества и гордостью за выполнение важной миссии. Разумеется, как и во всякой организации, возникали проблемы, вызванные эмоциями и несходством характеров. Но никто не проводил политику какого-либо клана или группы. Поэтому разногласия и трения, потрясавшие организации ПОУМ в Мадриде и Валенсии, никак не затронули молодых активистов. Я входил в исполком ПОУМ в качестве делегата от МКИ. Однако в органах последних не было ни одного представителя руководства партии — ни во время революции, ни в подполье. Это означало, что руководители ПОУМ полностью доверяли лидерам своей молодежной организации. Мы не раз получали доказательства подобного доверия,

например, оно проявилось в трогательном письме, которое Хуан Андраде, Хулиан Горкин, Пере Бонет и Давид Рей отправили нам из валенсийской тюрьмы в конце 1937 года — возможно, когда-нибудь его обнаружат в полицейских архивах. Нин, который участвовал почти во всех важных мероприятиях МКИ, не раз лично говорил нам об этом доверим в ходе долгих бесед в нашем помещении на Пасео де Грасиа, где он «чувствовал себя свободнее, чем где-либо».

Само собой разумеется, что МКИ были тесно связаны с ПОУМ, чьи основные принципы они разделяли и чьей политической линии следовали. Но — и это совершенно естественно для всякой организации, тем более молодежной, которая нередко оказывалась в авангарде борьбы — порою в ключевые моменты МКИ проявляла самостоятельность, занимая особые позиции и беря на вооружение более наступательную стратегию.

Наконец, МКИ критиковали некоторые слабости руководства ПОУМ (насколько обоснованной была эта критика, можно спорить) и не раз выражали пожелание, чтобы политика партии стала более последовательной и менее оборонительной. Однако следует принимать во внимание, что ПОУМ была менее однородной, чем МКИ, а руководители ее выполняли функции более

Борьба в подполье при режиме Негрина

Большинство историков с уверенностью заявляет о «ликвидации ПОУМ», рассказывая о полицейской операции сталинистов 16 июня 1937 года, которая вызвала широкий резонанс в Испании и в мире, особенно в связи с исчезновением и убийством Андреса Нина. Подобные заявления следует решительно опровергнуть, поскольку и в подобных сложных условиях ПОУМ и МКИ продолжили свою работу в подполье с упорством, которое поражало исследователей, изучавших тот период.

Помимо свидетельств участников событий, лучше всего о стойкости ПОУМ говорят ее подпольные издания. Они регулярно выходили вплоть до апреля 1938 года («Хувентуд обрера», «Баталья» и различные брошюры, например, «Репрессии и процесс над ПОУМ»[22] Игнасио Иглесиаса (Андреса Суареса)), а затем, после ареста второго исполнительного комитета и части лидеров МКИ, продолжали издаваться с меньшей периодичностью и в худших условиях.

Необходимо опровергнуть и другую, весьма распространенную легенду, согласно которой силовая операция 16 июня 1937 года, организованная НКВД и проведенная при содействии руководителей КПИ, ОСПК и ОСМ, застигла ПОУМ и МКИ врасплох. Это не так. После Майских событий в Барселоне ПОУМ и МКИ приняли ряд мер, предвидя возможные репрессии. Важные политические документы вывезли из штаб-квартир в надежные места — по крайней мере, считавшиеся таковыми. Вся система организации была пересмотрена, собрания ячеек и секций проводились либо на частных квартирах, либо в помещениях профсоюзных, культурных или спортивных организаций. Когда стало известно об убийстве Альфредо Мартинеса, лидера «Молодых анархистов» и секретаря Фронта революционной рабочей молодежи,

других молодых анархистов, были усилены меры по охране наиболее известных наших активистов. Падение Ларго Кабальеро* встревожило нас. Однако предосторожности, столь серьезные поначалу, заметно ослабли в первой половине июня, поскольку был сделан вывод о том, что правительство Негрина не прибегнет к новым чрезвычайным мерам. Многие активисты полагали, что сталинисты не осмелятся напасть на ПОУМ из опасения реакции со стороны НКТ, левых социалистов и международного рабочего движения, пристально следившего за событиями в Испании.

Операция 16 июня 1937 года против ПОУМ

Последнее заседание исполнительного комитета ПОУМ состоялось в Институте Маурина (дворец Виррейна) утром 16 июня. Присутствовали Нин, Андраде, Горкин, Хиронелья, Бонет, Молине, Аркер и я. Поскольку три дня спустя в театре «Полиорама» должен был состояться съезд партии и ожидалось прибытие делегаций из 26 стран, мы постоянно задавались вопросом: «Удастся ли его провести?» Решили, что 18-го Горкин предстанет перед народным судом (где предстояло слушаться делу, инициированному против него из-за статьи в первомайском номере «Батальи») и воспользуется этим, чтобы опровергнуть сталинистскую клевету и выступить в защиту позиций ПОУМ. После заседания Нин намеревался отправиться в штаб-квартиру ПОУМ. Он и предположить не мог, что будет арестован прямо посреди Рамблы, и не внял предостережению, которое сделал ему шепотом некий встреченный по пути офицер. Во второй половине дня известие об аресте Нина распространилось с быстротой молнии. Одновременно полиция задержала Горкина, Андраде, Бонета, Аркера и Рея. Удар был нанесен наверняка, с целью помешать проведению съезда ПОУМ и международной конференции независимых социалистических и коммунистических организаций, которую планировалось организовать через месяц, 19 июля, в годовщину начала революции.

Сразу после полудня исполком МКИ, который с мая не собирался в Пасео де Грасиа, созвал чрезвычайное совещание, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Среди прочего решено было дать местным организациям дополнительные указания относительно перехода к подпольной работе и публично осудить арест Нина в газете «Хувентуд комуниста», очередной номер которой в тот момент печатался в типографии «Баньос Нуэвос». Поскольку «Баталья» находилась под запретом, планировалось издать специальный восьмиполосный выпуск молодежной газеты, опубликовав там важные заявления ПОУМ и МКИ. Я отправился в типографию, и мы внесли изменения в макет. Все было готово для того, чтобы быстро выпустить газету. Срочное информирование широких общественных кругов о произошедших арестах представляло жизненную необходимость. Но около пяти часов вечера полиция явилась

* Имеется в виду отставка премьер-министра Ф. Ларго Кабальеро 16 мая 1937 года под давлением коммунистов и правых социалистов, последовавшая после майских столкновений в Барселоне. — *Прим. ред.*

в типографию и конфисковала печатные формы «Хувентуд комуниста». Арестовали главного редактора «Батальи» Хосе Эскудера; мне удалось скрыться благодаря деятельной помощи печатников.

Несколько членов исполкома МКИ ночевало в жилом комплексе «Бертран-и-Муситу», реквизированном ПОУМ под госпиталь. Утром 17 июня им удалось связаться с «уцелевшими» членами партийного руководства и барселонского комитета партии. На их встрече решено было избрать новый состав исполкома ПОУМ, чтобы партия могла продолжить работу в условиях начинавшихся репрессий. В него вошли Нарсис Молине и Фабрега, Хиронелья, Жорди Аркер, Жозеп Родес, Марти (секретарь городского комитета Барселоны) и я. Мы отказались от мысли сформировать объединенное руководство ПОУМ и МКИ и поручили Хиронелье и Родесу отправиться на арагонский фронт и установить связь с 29-й дивизией — наиболее крупным соединением, которым командовали члены ПОУМ. Жозеп Ровира, Аймерик и Мануэль Гросси выступали за то, чтобы избрать новый состав исполкома, так как считали барселонскую организацию полностью разгромленной. Несколько дней спустя Ровира был арестован на фронте, что вызвало настоящий скандал. Он вскоре вышел на свободу по указанию Прето, министра национальной обороны, и вошел в подпольный исполнительный комитет партии. Хиронелья также был схвачен и помешен в Образцовую тюрьму в Барселоне — вместе со многими другими политическими заключенными, в основном анархистами и поумистами.

Родес, Ровира, Солано, Молине, Аркер, Фарре Гассо, Марти и Буйриа — таков состав исполкома, который осуществлял руководство ПОУМ до апреля 1938 года. В сентябре Молине отправился в Париж, чтобы возглавить заграничное представительство партии и международную кампанию в защиту ПОУМ, ее арестованных и преследуемых активистов. Иглесиас, Паскуаль, Вигес и Комабелья активно занимались издательской и пропагандистской деятельностью. Второй исполком обеспечивал работу партии в подполье и поддерживал связь с большинством рабочих и антифранкистских организаций (НКТ, ФАИ, «Молодыми анархистами», «Каталонскими левыми», левыми социалистами Кабальеро, Эрнандеса Санкахо и Аракистайна). Льюис Компаньс принимал делегации ПОУМ и МКИ во дворце Правительства Каталонии. Во время беседы со мной и Родесом он распорядился, чтобы запись этой встречи была передана по радио, что привело в ярость сталинистскую прессу.

Находясь в подполье, ПОУМ и МКИ по мере возможностей поддерживали связь со своими членами, находившимися на фронте, обеспечивали их информирование о происходящем и, в случае необходимости, защиту. Под последней я имею в виду перевод наиболее видных активистов, в частности, офицеров 29-й дивизии, расформированной правительством Негрина под давлением советского посольства и КПИ, в воинские части, находившиеся под командованием анархо-синдикалистов или левых социалистов — чтобы наши товарищи не были арестованы и убиты, подобно Эрвасу, Трепату, Миро и Шуригуэре, руководителям Новой объединенной школы Каталонии; или предательски расстреляны, как Марсиано Мена, комиссар крепости Лерида, и Хосе Кульярес, боец и член МКИ. Связь с фронтом обеспечивала группа под руководством

мадридского рабочего-металлиста Альберто Аранды, который бесстрашно шел на смертельный риск. Тысячи активистов ПОУМ продолжали сражаться против Франко до самого конца: в траншеях Монклоа, на фронтах Андалусии и Эстремадуры, в последних боях за Каталонию и Левант.

Но возвратимся к МКИ. Первым их подпольным изданием стала газета «Хувентуд обрера». Она вышла из печати в начале июля на восьми полосах малого формата, с фотографиями и рисунками, что было непросто в условиях нестабильности и трудностей подполья. Еженедельник начинался с осуждения убийства Нина и ареста многих руководителей ПОУМ, людей широко известных — их в немыслимых условиях, под наблюдением агентов НКВД перевозили из Барселоны в Валенсию, из Валенсии в мадридскую «*ЧК*», а затем снова в Валенсию. Газета также протестовала против нападений на помещения ПОУМ, когда полиция похищала документы и архивы, в также уничтожала книги, выпущенные издательством под руководством Хуана Андраде.

«Хувентуд обрера» выходила с июля 1937-го по апрель 1938 года с удивительной регулярностью благодаря усилиям группы активистов. Среди них своим бесстрашием и организаторскими способностями выделялся Антонио Траве, молодой марселец испанского происхождения, приехавший в Барселону для участия в «народной олимпиаде» 1936 года и вступивший в ополчение ПОУМ и МКИ. С каждым днем все труднее становилось изыскивать бумагу и печатников, готовых пойти на риск. Траве решал все технические проблемы, причем не раз использовал бумагу, предназначенную для газеты «Требаль» — органа ОСПК. В новую редакцию вошли почти все члены прежней: Рок, Соле, Панадес (он вел юмористическую хронику, пользовавшуюся большим успехом) и я. Также нам оказывали поддержку Игнасио Иглесиас, Пере Пажес, Жозеп Пальяк и другие. В чем-то подпольная газета даже превосходила легальную «Хувентуд комуниста». Члены редколлегии были очень молоды, но они повзрослели и писали не столь торопливо, как прежде. События — в частности, поведение сталинистов, — глубоко потрясли их. Они пытались глубоко осмыслить происходящее, но одновременно сохранили свой политический энтузиазм и продолжали беспощадно критиковать Каррильо и ОСМ, которые постоянно — в статьях и выступлениях — требовали положить конец выпуску «Хувентуд обрера».

Продолжая издание этой газеты — своего главного политического оружия, — МКИ сосредоточились на следующих направлениях деятельности: защита молодежной организации ПОУМ от клеветы и сталинистских репрессий; неуклонная поддержка вооруженной борьбы против Франко, в которой принимали участие лучшие активисты; развитие отношений с «Молодыми анархистами» и сторонниками Кабальеро в ОСМ в надежде сохранить революционные завоевания, поставленные под угрозу правительством Негрина; возрождение Фронта революционной рабочей молодежи; поддержка международной кампании за освобождение арестованных членов ПОУМ, МКИ и других организаций. Газета также требовала прекращения репрессий и выступала против любых попыток повторить в Испании «московские процессы ведьм», критиковала политику Негрина, КПИ и ОСМ, которая своим поворотом вспять от революционных завоеваний начинала вызывать повсюду недовольство и тем самым — играла на руку Франко.

В МКИ состояли юноши и девушки, совсем молодые, от 14 до 18 лет, в основном из числа рабочих и крестьян. Именно они писали на стенах многих городов: «Правительство Негрина, ответь: где Нин?» Эти молодые ребята, бросая вызов бессчетным опасностям и трудностям, распространяли наши газеты и брошюры. Когда к политическому отступлению добавились военные неудачи, активисты МКИ выказали замечательный энтузиазм и самоотверженность. Они не переставали верить в то, что можно изменить соотношение сил и возродить революционный дух июля 1936-го. И потому даже находясь в подполье, МКИ никогда не испытывали недостатка в притоке новых активистов.

«Хувентуд обрера», подпольная и потому свободная от цензуры, сообщала информацию, которую замалчивала легальная пресса: систематические и все более серьезные посягательства на автономию Каталонии после Майских событий; наглое всевластие чиновников Негрина и комиссаров КПИ после переезда центрального правительства в Барселону; недовольство в рядах ОСМ и возникновение оппозиционного течения Грегори-Тундидора; остракизм, которому подвергли Ларго Кабальеро после его выступления в Мадриде в октябре 1937 года; авторитарный и грубый прозелитизм сталинистов в армии, административных органах и профсоюзах; появление спекулянтов и нуворишей, которые наживались на нехватке продуктов, вызванной ошибочной политикой правительства; идейные дискуссии в международном рабочем движении вокруг проблем борющейся Испании; сталинские репрессии в СССР и выводы Комиссии по расследованиям московских процессов*; смещение, возвращение в СССР и исчезновение Антонова-Овсеенко** (газета перепечатала краткую, но яркую и пророческую статью Виктора Сержа); выход за рубежом таких книг, как «Возвращение из СССР» Андре Жида, «Преданная революция» Троцкого и «Судьба революции» Виктора Сержа, которые при режиме Негрина никто не осмелился издать в Испании...

Всю эту работу удавалось вести лишь благодаря постоянной связи между ПОУМ, МКИ и парижским представительством под руководством Нарсиса Молинса и Фабреги. Письма передавали рыбаки из Эскалы, члены ПОУМ. Молине создал информбюро и агентство печати и вместе с испанскими и французскими товарищами начал весьма эффективную международную кампанию в поддержку ПОУМ и ее арестованных активистов. Зарубежные делегации неоднократно приезжали в Испанию и требовали от правительства Негрина уважения к демократическим свободам, которые в реальности попирались, и гарантий соблюдения законности в отношении политических заключенных. Исчезновение и убийство Нина вызвало бурное негодование в международном рабочем движении, в том числе во многих партиях и молодежных организациях, входивших в Социалистический Интернационал.

Растущее международное давление побудило Асанью***, Прието и других министров-республиканцев и социалистов, — которые прежде постыдно

* Международная общественная комиссия под председательством американского философа Дж. Дьюи, которая проанализировала материалы московских процессов 1936-1937 гг. и сделала вывод о невиновности обвиняемых.

** После возвращения из Испании был арестован и в 1938 году расстрелян. — *Прим. ред.*

*** Президент Республики. — *Прим. ред.*

уступали требованиям Кремля и его представителей, воспротивиться проведению скорого суда наподобие Московских процессов, за который ратовала сталинистская пресса. В итоге активистов ПОУМ судил Трибунал по делам о шпионаже и государственной измене — решение равно абсурдное и оскорбительное, — но их все же перевели из Валенсии в Барселону, в государственную тюрьму, которая находилась в непосредственном ведении министра юстиции Рамона Гонсалеса Пеньи, социалиста из Астурии, приговоренного к смерти в 1934 году*.

Деятельность ПОУМ и МКИ, их политический альянс с НКТ, ФАИ и «Молодыми анархистами», сочувствие к арестованным поумистам, выказанное столичными газетами, в частности, «Кастилья Либре» и «СНТ», и поведение некоторых оппозиционно настроенных членов ОСМ (в Валенсии, Мадриде и Астурии) — все это встревожило аппарат иностранных советников КПИ. В конце декабря 1937 года Франсиско Антон выступил на заседании ЦК компартии с длинным докладом о «подпольной работе троцкистов», где неосторожно заявил, что нужно бороться с вредным влиянием МКИ... в рядах ОСМ. Страх перед правдой, которую публиковала нелегальная пресса (а число подобных изданий множилось, кроме того, поумистские материалы печатали такие газеты, как «Амиго дель пуэбло», «Либертад», «Либерасьон»), побудил полицейских комиссаров-сталинистов призывать «всех и каждого» доносить на рабочих, распространявших «запрещенные листки». Коморера, вспомнив время пресловутого «Delateu!» (Доносите!), самолично уговаривал активистов ОСПК и ОСМ любыми средствами препятствовать распространению нелегальной прессы. Однако все было тщетно, число тех, кто все более неохотно следовал политической линии Негрина и КПИ, ненавидел и презирал их за их инквизиторские замашки, — росло с каждым днем, и люди эти не пренебрегали подпольными изданиями, которые открыто говорили то, о чем можно было только шептаться в кулуарах Правительства Каталонии.

Особенную ненависть властей вызывала газета «Хувентуд Обрера», которая не только сообщала о чудовищных фактах — вроде осуждения на шесть лет заключения молодой работницы за расклейку нелегальных афиш, — но и печатала материалы такого, например, содержания:

> «Отпразднуем 20-ю годовщину русской революции победами над франкизмом на всех фронтах. Отпразднуем ее в тылу борьбой в защиту революции: в Испании она подвергается гонениям со стороны представителей советского сталинизма, которые извлекают выгоду из помощи, оказываемой нам Россией, а мы платим за нее, не скупясь. Они установили в нашей стране полицейский и контрреволюционный режим, основной целью которого является уничтожение революционного авангарда. <...> Победа социалистической революции в Испании окажет огромное влияние на советский пролетариат и молодежь. Победа в Испании поможет российскому пролетариату сбросить ярмо сталинской диктатуры и возродить в СССР рабочую демократию».

* Приговорен к смерти в 1935 году за то, что был одним из лидеров восстания в Астурии в октябре 1934 года. — *Прим. ред.*

Полицейская операция 19 апреля 1938 года и государственная тюрьма

После нескольких месяцев раздумий сталинистская полиция нанесла новый удар. Сначала силы правопорядка взяли штурмом подпольную штаб-квартиру ПОУМ на Виа Лайетана, действовавшую) под прикрытием адвокатской конторы Рафаэля Фонт и Феррана. В результате были схвачены Жозеп Родес, Жорди Аркер, Жоан Фарре Гассо, Энрике Ариньо, Антонио Граве, Мария Тереса Андраде, Наталия Бонет, Ольтро Пико и автор этих строк. После нескольких дней изоляции и допросов в Верховном управлении полиции нас перевели в государственную тюрьму Лес Корс, где мы встретили Хуана Андраде, Пере Бонета, Хулиана Горкина и других. Нас ожидал Трибунал по делам о шпионаже и государственной измене. Мария Тереса Андраде и Наталия Бонет были заключены в женскую тюрьму. 3 мая 1938 года судья Мигель де Мора, которому предстояло председательствовать на процессе над ПОУМ, ознакомил нас с обвинительным актом, под которым мы подписаться отказались к великому неудовольствию чиновника. Пока близился первый суд (состоявшийся в октябре), судья Мора, не спеша, готовился ко второму, которому помешала оккупация Каталонии войска)Ми Франко.

Государственная тюрьма Барселоны размещалась в бывшем монастыре в квартале Лес Корс. В камерах, где находились активисты ПОУМ и МКИ (Бонет, Андраде, Давид Рей, Горкин, Эскудер, Аркер, Хиронелья, Фарре Гассо, Индихета, Ольтро Пико, Родес, Солано, Ариньо, Траве, Агилар), еще можно было увидеть надписи: «Помни, что Господь смотрит на тебя». Примета времени: министр юстиции Гонсалес Пенья поручил руководство тюрьмой социалисту из Астурии Висенте де Висенте и лично «отобрал охранников. После исчезновения Андреса Нина, Курта Ландау и Альфредо Мартинеса не следовало пренебрегать мерами предосторожности.

Тюремный режим был достаточно мягким: камеры никогда не запирались, узники могли гулять на большой террасе, с которой открывался великолепный вид на сад, добрую часть Барселоны и замок Монжуик. В бывшем монастыре находились политические заключенные самых разных взглядов: фалангисты вроде Хавьера Фернандеса Голфина[23], бывший министр Луис Лусиа, несколько правых депутатов. Встречались и жертвы сталинистских интриг в военном командовании (генералы Асенсио, Мартинес Кабрера и Мартинес Монхе, соратники Ларго Кабальеро в его бытность премьер-министром), а также полковник Вильяльба, некогда командующий Арагонским фронтом.

Мы поддерживали отношения лишь с военньпми-республиканцами, которые, впрочем, вскоре оказались на свободе и возвратились в строй. Сложилось так (причем не последнюю роль сыграло стремление некоторых министров, в частности, Гонсалеса Пеньи, не допустить покушений на узников), что наиболее видные руководители ПОУМ и МКИ оказались в одной тюрьме. Мы проводили время в спорах, налаживали контакты с подпольем и готовились к защите на суде, который неумолимо близился. Помню очень интересные дискуссии о революционном опыте, политическом и военном положении, наших дальнейших перспективах, СССР и сталинизме. К несчастью, мы с чисто

испанской легкомысленностью не позаботились о том, чтобы вести протоколы или хотя бы более или менее подробные заметки. Эти жаркие идейные споры сохранились лишь в памяти их участников, но, насколько мне известно, немногие вспоминали о них впоследствии. Мы также выпускали бюллетени, где обличали сталинизм, самые возмутительные случаи репрессий и комментировали текущие политические события. Наши публикации без труда проникали за тюремные стены; Ольга Нин перепечатывала их на машинке, а товарищи распространяли.

В конце октября состоялся суд над ПОУМ. Его результаты хорошо известны, о них говорится во многих книгах[24]. Здесь необходимо уточнить две вещи: во-первых, группа, взявшая на себя руководство партией и ее молодежной организацией после полицейской операции 19 апреля (Ровира, Рок, Соле) сосредоточила все силы на подготовке к суду и сотрудничала с адвокатом Висенте Родригесом Ревильей, который не испугался угроз сталинистов (некоторые коммунистические газеты дошли до того, что писали: «Невозможно быть одновременно защитником народа и адвокатом его врагов»). Во-вторых, наши товарищи на воле приложили все усилия, чтобы на процессе в качестве свидетелей защиты выступили такие видные политики, как Франсиско Ларго Кабальеро, Федерика Монтсени, Жозеп Таррадельяс, Хулиан Сугасагой- тиа и Луис Аракистайн. От активистов ПОУМ потребовалось нечеловеческое напряжение сил для того, чтобы приговор был предан гласности, ибо правительство Негрина запретило публиковать его где-либо.

Накануне вступления войск Франко в Барселону Гонсалес Пенья реквизировал грузовик, чтобы под охраной гвардейцев эвакуировать заключенных поумистов. Путь, полный разного рода перипетий, казался нескончаемым. В Кадакесе узники потребовали у Негрина и Гонсалеса Пеньи освободить их, однако те не решались. Тогда в Фигерасе мы бежали, причем охрана не предприняла никаких попыток помешать нам.

Итак, мы оказались на воле у подножья Пиренеев — среди отступающих войск и населения, бежавшего от репрессий Франко. Свобода имела горький вкус изгнания.

Международная кампания в защиту арестованных активистов ПОУМ оказалась гораздо эффективнее, чем ожидалось. По другую сторону границы группа членов Рабоче-крестьянской социалистической партии (РКСП) под руководством писателя Даниэля Герена и Мориса Жакье (прежде занимавшегося переправкой оружия испанским республиканцам) дожидалась нас в горах, чтобы сопроводить в Париж. А в это время в Испании активисты ПОУМ и МКИ перешли из одного подполья в другое — из антисталинского в антифранкистское.

Фронт международной борьбы

МКИ, твердо стоявшие на позициях интернационализма, поддерживали регулярные связи со многими независимыми коммунистическими и социалистическими молодежными организациями разных стран Европы и Америки. Эти отношения получили значительный импульс в июле 1936 года, когда МКИ

обратились к рабочей молодежи всех стран с призывом проявить солидарность с испанской революцией. Немало членов революционных молодежных организаций и беспартийные молодые люди, хотевшие участвовать в борьбе с фашизмом, приехали тогда в нашу страну.

В середине октября 1936 года в Барселоне был образован секретариат Международного бюро революционной молодежи (со штаб-квартирой в Осло), которое возникло в 1934-м и объединяло в числе прочих молодежные организации британской Независимой лейбористской партии, немецкой Социалистической рабочей партии (СРП), «Молодых социалистов (максималистов)» Италии и «Молодых ленинцев» Нидерландов. Новый секретариат ставил целью придать дополнительный импульс работе Бюро, ускорить объединение независимых молодежных организаций двух Интернационалов и способствовать успеху массовой международной кампании в поддержку испанской революции.

Международное бюро революционного социалистического единства (известное также как Лондонское бюро) назначило на начало ноября 1936 года международный «конгресс против войны, фашизма и священного союза». С учетом этого Бюро революционной молодежи провело 1 и 2 ноября в Брюсселе чрезвычайное совещание своих членских организаций. Как и следовало ожидать, и конгресс, и совещание по сути стали форумами, где анализировался революционный процесс в Испании, обличалась политика невмешательства Великобритании и Франции в гражданскую войну в этой стране, принимались решения о солидарности с ПОУМ и МКИ, с борьбой испанских трудящихся против Франко.

Представители МКИ, «Молодых социалистов (максималистов)» Италии, «Молодых революционных социалистов» Швеции, молодежной организации немецкой СРП, «Молодых ленинцев» Голландии, наблюдатели от «Молодых социалистов» Сены (Франция) и оппозиционного течения в Молодой социалистической гвардии Бельгии участвовали в собрании, в ходе которого решено было перевести штаб-квартиру Бюро из Осло в Барселону и избрать исполком в составе автора этих строк (ставшего генеральным секретарем), Петера Блахштейна (Фрица Зандера), Г. Мартини (Г. Богоми) и Боба Смайли, лидера «Независимой лейбористской молодежи» Великобритании. Преобразования Бюро завершились созданием центрального комитета, в который каждая членская организация должна была делегировать двух своих представителей, и образованием трех секретариатов в Осло, Париже и Лондоне.

Конгресс и совещание Бюро молодежных организаций способствовали росту влияния МКИ и развитию международного движения солидарности с Испанией. Однако как только штаб-квартира Бюро была переведена в Барселону, оно столкнулось с кризисом, который вплоть до мая 1937 года фактически парализовал его работу. Причиной кризиса стало поведение Фрица Зандера. Без каких-либо политических обоснований он постоянно тормозил нашу деятельность (издание журнала на нескольких языках, подготовку массовых акций в Париже, Лондоне, Стокгольме, Мадриде и др., развитие отношений с идейно близкими нам молодежными организациями с перспективой их принятия в Бюро, а также с Интернационалом социалистической

молодежи и отдельными его секциями, которые оказывали поддержку ПОУМ и МКИ). Объяснял Зандер это тем, что к нему якобы относятся без должного уважения. На самом деле МКИ и их исполком всегда считали своим приоритетом солидарность с немецкими и итальянскими активистами — изгнанниками из стран победившего фашизма. Их активно вовлекали в работу МКИ и приглашали на все массовые мероприятия, о чем свидетельствуют материалы газет «Хувентуд комуниста» и «Баталья».

В подобной ситуации, желая выяснить подлинные причины столь странного кризиса, исполком МКИ взял на себя ряд функций Международного бюро — при поддержке итальянских и французских товарищей, которым тем более непонятно было поведение представителя молодежной организации СРП. Вскоре дело разъяснилось: СРП переживала глубокий кризис, руководство партии колебалось между позицией ПОУМ и «просталинистской» линией поддержки политики «народного фронта», который руководители немецкой компартии пытались создать начиная с февраля 1936 года. Причем те же деятели в ключевые моменты истории Германии безответственно противились формированию единого антигитлеровского фронта, обосновывая это бредовыми аргументами вроде объявления социал-демократии «социал-фашизмом».

Кризис немецкой СРП и его влияние на события в Испании и европейское рабочее движение того времени (1936-1937 гг.) хорошо изучены, ибо связаны со столь видной фигурой, как Вилли Брандт. Большинство исследований основывается на «архиве Вилли Брандта», переданном в Фонд Эберта. К сожалению, документы ПОУМ и МКИ чаще всего не играют сколько-нибудь существенной роли в Источниковой базе таких работ, так как большая часть архивов ПОУМ и МКИ оказалась захвачена полицейскими командами КПИ, ОСПК и ОСМ в помещениях организации и на частных квартирах ее активистов во время обысков 16-20 июня 1937 года. Следовательно, единственная возможность осветить влияние кризиса СРП на ПОУМ — это сравнительный анализ документов из архива Брандта и публикаций в изданиях ПОУМ и МКИ, а также воспоминаний участников тех событий.

При сопоставлении данных источников напрашивается вывод о том, что СРП и ее молодежная организация проводили двойственную политику. Они не участвовали в первом собрании в поддержку «народного фронта», проведенном немецкой компартией в Париже 2 февраля 1936 года, считая, что подобный поворот политики коммунистов обусловлен новой внешнеполитической ориентацией Сталина и наносит ущерб развитию классовой борьбы. Затем они пересмотрели свою оценку «новой ориентации» немецких сталинистов и начали сотрудничать с их лидерами, дистанцировавшись соответственно от ПОУМ. В СРП сразу же возникли два течения. Сторонники Вальхера и Брандта, невзирая на Московские процессы и политику Кремля в Испании и других странах, выступали за участие в «народном фронте». Те же, кто объединился вокруг Фабиана и Аккерхнехта, поддерживали политику ПОУМ и в итоге образовали собственную группу «Новый путь». В эту группу вошел и Фриц Зандер, представитель молодежной организации СРП в Бюро революционной молодежи.

В апреле 1937 года Вилли Брандт посетил Испанию. В то время он был генеральным секретарем молодежной организации СРП и намеревался при-

сутствовать на собрании Международного бюро революционной молодежи, намеченном на начало мая. Едва прибыв в Барселону, он отправился в штаб-квартиру МКИ, где у нас состоялась длительная дискуссия. Брандт проявил большой интерес к работе Бюро, но старался избегать разговоров о кризисе в СРП и разногласиях с МКИ. Захват Телефонной станции и Майские события вынудили нас перенести заседание Бюро на 9 мая. Уже начинались репрессии против революционных организаций и иностранных активистов. Обстановка в Барселоне была очень напряженная, все пребывали в тревоге за будущее.

В архиве Вилли Брандта хранится протокол этого собрания, составленный, несомненно, им самим. Хотя в этом документе политическая дискуссия — во время которой Брандт высказался гораздо яснее, чем в отчете, сделанном им позднее, — отражена очень кратко, в нем говорится о конфликте Брандта с большинством Бюро (Смайли, Солано, Мартини, Зандер). В протоколе отмечен и разрыв Брандта с Бюро, вызванный резкой критикой последним политики СРП по отношению к Народному фронту в Германии и вступлением в Бюро «Революционной социалистической молодежи Германии», отколовшейся от СРП.

Международное бюро революционной молодежи избрало новый исполком: я стал его председателем, Мартини генеральным секретарем, Зандер — ответственным за издательскую деятельность. Бюро, конечно, не могло не принимать во внимание тот факт, что СРП участвует в объединении, руководимом немецкими сталинистами, в то время как единомышленники последних ведут массированную кампанию против ПОУМ; однако оно не стало никого исключать и решило провести международную конференцию социалистической молодежи в Барселоне в середине июля.

В июне 1937 года, после поездки в Испанию и участия в собрании 9 мая, Вилли Брандт составил для СРП отчет, озаглавленный «Год войны и революции в Испании». В этом отчете — нередко используемом немецкой правой прессой — он давал следующую оценку испанской гражданской войне:

> «Революционная война. <...> Важнейшее событие в истории международного рабочего движения после русской революции. <...> Первый настоящий бой, данный мировому фашизму. <...> Предвестие великого всемирного конфликта, в ходе которого столкнутся в борьбе прогресс и реакция, фашизм и социализм».

Далее он почти дословно воспроизводил позиции ПОУМ и МКИ:

> «Трудящиеся не могут довольствоваться демократическими реформами. Они должны бороться за социалистическую революцию. Демократические и социалистические стороны революции становятся неотделимыми друг от друга. Поэтому мы утверждаем, что испанская революция носит демократически-социалистический характер».

Однако, анализируя то, что он называет «двойственным характером войны», Брандт поясняет:

> «Неправильно — и эта ошибка может повлечь за собою последствия, вредные для дела социализма, — принимать во внимание лишь войну за независимость и отказываться вести войну за социальные преобразования, по примеру Коммунистической партии. Ошибочно также принимать в расчет лишь классовую борьбу

и забывать о войне против гнета империалистического и фашистского блока, как делают многие анархисты и отчасти ПОУМ».

Использовав понятие «войны за независимость», придуманное русскими советниками КПИ, он тем самым вступил в дискуссию о войне и революции и сделал следующий вывод:

«Мы утверждаем также, что прежде необходимо выиграть войну. Но добавляем: необходимо сохранить революционные завоевания. Можно одержать победу, не завершив революции. Однако невозможно победить, если революция будет подавлена».

Разрыв молодежной организации СРП с Международным бюро революционной молодежи произошел в ноябре 1937-го, в период наиболее жестоких сталинских репрессий. Исполком МКИ откликнулся на это событие длинной и пылкой резолюцией, опубликованной 30 ноября в 18-м, подпольном, номере «Хувентуд обрера». В документе анализировались процессы, происходившие в период между конференцией в Брюсселе, собранием 9 мая в Барселоне и итоговым разрывом. Здесь, однако, необходимо отметить, что, активисты немецкой СРП, находившиеся в эмиграции в Париже, и в частности, Вилли Брандт, никогда не прекращали обличать сталинистские кампании против ПОУМ и МКИ и до самого конца гражданской войны сотрудничали с организациями взаимопомощи. Подобное поведение, в котором отразилось упорная приверженность СРП своей двойственной политике, продолжалось и далее, в то время как комитет немецкого «народного фронта» в Париже постепенно распадался, поскольку от него отдалялись интеллектуалы и политические группы, не желавшие, чтобы ими манипулировали лидеры немецких сталинистов. Процесс распада ускорило исключение Вилли Мюнценберга, главного пропагандиста Коминтерна, из Коммунистической партии Германии.

Начиная с июня 1937 года сталинистские репрессии со все большей силой обрушивались на иностранных активистов, которые сотрудничали с ПОУМ или сражались на фронте в воинских частях под командованием поумистов. В первых числах июня пропал без вести итальянский писатель Камилло Бернери. Курт Ландау, бывший лидер австрийской компартии, регулярно сотрудничавший в печати ПОУМ, был схвачен в сентябре и исчез навсегда. Его жена Катя, также арестованная, начала голодовку в камере Верховного управления полиции Барселоны; в результате сам министр юстиции явился в тюрьму, чтобы уговорить ее прекратить протест.

Фриц Зандер был взят под стражу, однако Вилли Брандту удалось покинуть Барселону, каким образом, нам неизвестно. В таких обстоятельствах исполком МКИ решил предложить Международному бюро перенести свою штаб-квартиру в Париж, где в принципе можно было действовать легально, и уже набирала обороты международная кампания протеста против убийства Андреса Нина и в защиту ПОУМ. Мартини и Зандер сумели перейти границу, примерно в то же время, что и Джордж Оруэлл, и обосновались в Париже. Для Международного бюро революционной молодежи начинался новый этап деятельности. 5 октября 1937 года оно опубликовало манифест, обращенный к молодым рабочим всех стран и призывающий к солидарности с теми, кто борется против Франко и одновременно вынужден противостоять репрессиям.

В случае иностранных активистов и бойцов республиканской армии, как, например, одного из командиров 29-й дивизии Копа, репрессии означали похищения и пытки в тюрьмах, организованных НКВД (Санта-Урсула, Корсега, Вальмайор и др.) при пособничестве полицейских команд ОСПК и ОСМ.

Манифест подписали следующие организации: «Молодые социалисты» (Италия), «Революционные молодые социалисты» (Германия), «Независимые молодые лейбористы» (Великобритания), Независимая федерация социалистической молодежи (Франция), «Молодые ленинцы» (Голландия), «Объединенные молодые социалисты» (Румыния), «Молодые археo-марксисты» (Греция), «Революционные молодые социалисты» (Швеция), «Молодые революционеры» (Дания), «Молодые коммунисты Иберии» (Испания). Столь внушительный список подписей свидетельствует об успехах, достигнутых в 1937 году благодаря работе по объединению независимых молодых коммунистов и социалистов. Он знаменовал собой апогей деятельности, которой МКИ отдавала все свои силы.

Возмущение во всем мире, вызванное убийством Нина и репрессиями против ПОУМ, побудило организации, входившие в Интернационал социалистической молодежи, принять участие в движении протеста, создав таким образом немало затруднений для Объединенной социалистической молодежи и правительства Негрина. Так, в октябре 1937 года «Молодые социалисты США» обратились в Интернационал социалистической молодежи (чья штаб- квартира находилась в Праге) со следующим посланием:

> «Мы не будем особо касаться мер, принятых правительством против ПОУМ. Политически мы не согласны с этой партией и не считаем, что она во всем права; нас беспокоят также преследования анархистов, левых социалистов Кабальеро и поумистов со стороны Коммунистической партии. У нас вызывает озабоченность, что КПИ, используя в качестве средства шантажа поставки оружия из СССР, не останавливается перед убийствами и другими преступлениями, использует участие в правительстве в собственных интересах, пытается поставить рабочий класс под свой контроль».

Поскольку подобную озабоченность разделяли и другие организации, в частности, «Молодые социалисты Австрии», Эрих Олленхауэр, секретарь Интернационала социалистической молодежи, разослал всем его секциям циркуляр с разъяснением, что ознакомил с заявлением «Молодых социалистов США» все членские организации и одновременно потребовал отчета у Объединенной социалистической молодежи Испании. Даже если Олленхауэр и его коллеги и не использовали все средства, которыми располагали — оппортунизм не позволял им взглянуть правде в лицо, — тем не менее, под давлением со стороны наиболее активных секций своего Интернационала они не раз выступали против сталинистских репрессий в Испании.

Международная кампания в защиту ПОУМ и демократических свобод в Испании при режиме Негрина во многом способствовала сдерживанию сталинистских репрессий. Она позволила спасти сотни революционных активистов и избежать повторения в Испании Московских процессов.

Глава 4

«Молодые коммунисты Иберии» и Майские события 1937 года[1]

Чтобы понять Майские события в Барселоне, необходимо иметь в виду, что они представляли собой кульминацию конфликта между силами, которые хотели двигать начавшуюся в июле 1936 года революцию дальше по социалистическому пути, и теми, кто намеревался положить ей конец во имя обеспечения своей политической гегемонии и восстановить буржуазно-демократические порядки, прибегнув к реакционному насилию.

Противостояние между этими силами продолжалось с самого начала революции, а в апреле резко усилилось. В заметке, опубликованной в «Баталье» 2 мая, Хуан Андраде писал:

> «В последние дни некоторые преторианские акции и более или менее откровенные реакционные поползновения вызвали сильное недовольство в кругах революционных рабочих. В некоторых местностях Каталонии и окраинных кварталах Барселоны паролем для патрулей вооруженных рабочих дружин стал „НКТ- ПОУМ“. <...> Фактически в Каталонии заключено молчаливое соглашение между товарищами из нашей партии и товарищами анархистами — с того самого момента, когда и те, и другие сочли, что положение Революции весьма серьезно, и необходимо преградить путь проискам контрреволюции, все более наглеющей с каждым днем»[2].

Эти строки, как и многие тексты, зачитанные по радио, предостерегали трудящихся о готовящихся посягательствах на их завоевания и интересы. 30 апреля правительство запретило проведение митинга Фронта революционной рабочей молодежи, который должен был состояться в Валенсии. На нем ожидались выступления лидеров «Молодых анархистов» (Луиса Буйтраго и Серафина Альяги) и МКИ (Франсиско Хелады и автора этих строк), что вызвало недовольство советского посла и руководства компартии.

Захват Телефонной станции произошел в крайне напряженной обстановке, что объясняет немедленную реакцию трудящихся: они объявили всеобщую стачку, парализовавшую город, и возвели баррикады для защиты своих помещений от нападений полиции, находившейся под контролем Правительства Каталонии и ОСПК.

Укрепленный район на севере Барселоны

Штаб-квартира МКИ была обустроена в здании, конфискованном у Итальянского института после разрыва отношений с правительством Муссолини. По соседству размещались «Немецкие анархо-синдикалисты» (НАС). Ниже,

на улице Корсега, почти на ее пересечении с бульваром Диагональ, находилось помещение организации ПОУМ квартала Грасиа. Благодаря этому мы немедленно поставили под контроль стратегический район между Диагональ и Пасео де Грасиа. На улицах выросли баррикады, охраняемые поумистами, ополченцами, приехавшими на побывку с Арагонского фронта, и выздоравливающими ранеными, которые лечились в госпиталях квартала.

Так почти вся северная часть Барселоны (Грасиа, Сарриа, Педральбес, Ла-Бонанова) оказалась под контролем объединенных сил ПОУМ и НКТ. Наши патрули навели революционный порядок во всем районе. Республиканская гвардия, расквартированная в казарме Травесера, объявила о нейтралитете и раздала оружие рабочим отрядам. А когда к движению присоединилось движение «Каталонская нация», ОСПК сочла за лучшее покинуть район.

Исполком МКИ (Энрике Ариньо, Луис Рок, Франсиско Хелада, Антонио Соле, Висента Эстела и я), организовав оборону района, решили установить непосредственную связь с исполкомом ПОУМ (который переехал с Рамбла де лос Эстудиос на Театральную площадь, в штаб-квартиру барселонской городской организации) и каталонским комитетом «Молодых анархистов» с тем, чтобы выработать общую тактику Фронта революционной рабочей молодежи. В 17 часов вечера я выехал, чтобы успеть на совещание исполкома ПОУМ, а также выполнить принятое решение. Со мной отправились вооруженные товарищи, сзади следовала машина сопровождения. Мы объехали Пасео де Грасиа, не желая проезжать мимо Ла-Педреры, где располагалась штаб-квартира Гере-Педро* и ОСПК, проехали через Диагональ, Пасео де Сан Хуан, Каско Вьехо и с удовлетворением констатировали, что все подходы контролируются силами НКТ и ПОУМ. Барселона была в руках трудящихся, а ОСПК оказалась в изоляции в своих помещениях, и, как мы узнали позднее, в ее рядах нашлось немного активистов, готовых противостоять тем, кто ответил на провокацию, организованную генеральным комиссаром общественного порядка Правительства Каталонии (Эусебио Родригесом Саласом) и стоявшими за ним Коморерой и Гере-Педро**.

Совещание ПОУМ и НКТ 3 мая

Театральная площадь также представляла собой «укрепленный район». Помещения ПОУМ и типография «Батальи» находились под надежной защитой. Совещание исполкома ПОУМ началось около половины девятого. Присутствовали Андрес Нин, Хуан Андраде, Пере Бонет, Хулиан Горкин, Нарсис Молинс и Фабрега и Хиронелья. Не было, насколько мне помнится, лишь Жорди Аркера, находившегося в Валенсии, и Жозепа Ровиры, командовавшего дивизией на Арагонском фронте. То есть оказалась в сборе почти вся «блестящая руководящая команда», по выражению Пьера Вилара из его книги «Испанская гражданская война»[3], — весьма неожиданное суждение, если

* Имеется в виду эмиссар Коминтерна Эрне Гере. — *Прим, перев.*

** Имеется в виду выступление сторонников НКТ и ПОУМ в ответ на провокационное нападение на Телефонную станцию 3 мая и последующие бои в Барселоне. — *Прим. ред.*

учитывать склонность этого автора к возвеличиванию Сталина и замалчиванию его преступлений.

На самом деле исполкомы ПОУМ и МКИ заседали непрерывно, однако официальное совещание предполагало определенную повестку дня, информационные сообщения и анализ текущего положения. Атмосфера была напряженной. В особенности из-за смешения известий ложных и правдивых, как нередко случается в подобных обстоятельствах. Во всяком случае, исполком располагал большей информацией, чем мы, о положении в Каталонии, Валенсии и Мадриде, а также в самом правительстве Ларго Кабальеро[4]. Тогда же я узнал, что этот последний отказался посылать вооруженную силу в Каталонию и потребовал, чтобы в Барселону отправилась совместная комиссия ВСТ-НКТ для переговоров с целью достичь компромисса между сторонами конфликта.

Итак, Барселона была в руках трудящихся. Правительство и штаб-квартиры «Каталонских левых» и ОСПК (отель «Колумб», Ла-Педрера, дворец Моха) оказались в изоляции. Вот почему Компаньс по наущению Комореры, Видиельи (советник по труду и общественным работам при правительстве и руководитель ОСПК) и Антонова-Овсеенко — которые, в свою очередь, поддерживали связь с Хесусом Эрнандесом, советским посольством и советниками из СССР, — запросил подкреплений у правительства в Валенсии. Действительно, своими силами Правительство Каталонии не могло поставить ситуацию под контроль. Как заявляла ПОУМ, «баррикады выросли по всему городу. Дух 19 июля снова царит в Барселоне»[5].

Глубоко встревоженный, но одновременно убежденный, что активисты партии должны быть на стороне трудящихся и стремиться к политическому разрешению ситуации, исполком ПОУМ обратился к каталонскому комитету НКТ с предложением о встрече. Она состоялась около десяти часов вечера в помещении на Виа Лайетана. В состав делегации ПОУМ вошли Нин, Андраде, Бонет, Горкин и я. Нам был оказан очень сердечный прием, особенно со стороны Валерио Маса (секретаря регионального комитета НКТ). Нин, руководитель ПОУМ, пользовавшийся наибольшими симпатиями в анархосиндикалистской среде, изложил нашу точку зрения. Сталинисты хотели свести на нет влияние НКТ и ПОУМ и ликвидировать автономию Каталонии. Трудящиеся отреагировали правильно, однако, как мы заявляли в своем манифесте 1 мая, «их действия не должны выродиться в спорадическое движение, в самоубийственный путч, который поставил бы под угрозу триумфальное шествие рабочего класса»[6]. Нин предложил заключить союз между анархосиндикалистскими организациями и ПОУМ по образцу Фронта революционной рабочей молодежи для руководства движением и разработки политической программы обновления, что позволило бы дать отпор наступлению реакции и начать новый этап войны и революции. Следовало также потребовать отставки Родригеса Саласа, роспуска совета Правительства Каталонии и прекращения всех посягательств на июльские завоевания и автономию края.

Валерио Мас и его товарищи выслушали нас с большим интересом и временами казалось, что они согласны с мнением Нина и замечаниями Горкина и Андраде, которые как будто соответствовали их ожиданиям. Дискуссия продолжалась два часа, мы обменялись информацией о том, что происходило в Валенсии и в правительстве Ларго Кабальеро. Но резюме анархистов оказалось таким:

> «Благодарим вас за визит и за прекрасно проведенный вечер. Наши товарищи находятся на баррикадах. Мы „показали зубы“. Теперь Компаньс и ОСПК должны пойти на переговоры. Мы можем добиться изменения состава Совета Правительства [Каталонии] и ограничить негативное влияние ОСПК. Мы подумаем над вашими предложениями».

Мы были ошеломлены легкомыслием и близорукостью руководителей НКТ, которых покинули в убеждении, что будет очень нелегко придать движению определенное направление и обеспечить серьезное и ответственное политическое руководство. Это обескуражило некоторых товарищей и побудило их с меньшим оптимизмом оценивать процессы, начавшиеся после штурма Телефонной станции и всеобщей стачки.

Я вновь проехал через всю Барселону, избегая патрулей, которые к вечеру усилились. К счастью, почти все они были организованы НКТ-ФАИ или НКТ-ПОУМ. Ночь прошла в жарких спорах. Мы также проинформировали о состоявшейся встрече всех присутствующих в нашей штаб-квартире активистов, в том числе нескольких немецких товарищей из НАС, молодого интеллектуала Чарльза Орра, экзальтированного американского троцкиста, который хотел, чтобы мы «вдохновлялись Лениным», и нескольких английских ополченцев, среди которых, вероятно, находился и Джордж Оруэлл, настолько скромный, что никак о себе не заявил. Исполком МКИ принял решение улучшить организацию наших сил, чтобы быть готовыми к любым событиям, и провести встречу с каталонским комитетом «Молодых анархистов».

Боевая колонна Грасиа

«Баталья» в номере от 4 мая 1937 года призывала трудящихся оставаться «в состоянии боеготовности» и «продолжать и развивать начатое наступление, ибо лучшее средство защиты — нападение». После требований об отмене декретов о восстановлении порядка и отставке Родригеса Саласа в призыве говорилось:

> «Рабочий класс должен добиться создания Революционного рабочего фронта и приступить к немеленой организации комитетов защиты революции».

Нам удалось создать такой комитет в квартале Грасиа. Анархисты были с нами и особо подчеркивали, что не следует обращать никакого внимания на выступления по радио министров Гарсиа Оливера и Федерики Монтсени, прибывших из Валенсии, чтобы заключить перемирие и достигнуть компромисса с Правительством Каталонии и ОСПК. Северная часть Барселоны не контролировалась Советом местного Правительства и подчинялась только нашим директивам.

Ближе к вечеру 4 мая несколько курсантов военного училища Барселоны (созданного незадолго до этого) присоединились к нам и предложили сформировать боевую колонну, которая, спустившись по Пасео де Грасиа, заняла бы Ла-Педреру и отель «Колумб» и соединилась с силами НКТ и ПОУМ, контролировавшими Рамблас.

Эта идея показалась нам превосходной. Мы долго обсуждали ее с курсантами. Среди них оказались активисты «Молодых анархистов» и МКИ,

в частности, Линус Моулинес, член нашей районной секции. Руководство операцией мы поручили товарищам Року и Ариньо, которые вместе с Линусом отправились в Военное училище, чтобы ускорить подготовку дела. Я поставил в известность исполком ПОУМ, и Нин перезвонил мне по телефону, посоветовав «быть осторожнее» и оставаться на связи с руководством партии.

В то время как политическое и военное руководство колонной решало задачи ее организации и вооружения, исполком попытался договориться с какой-нибудь типографией на севере Барселоны, чтобы выпускать листовки и газету, поскольку типография Баньос Нуэвос была расположена слишком далеко от нашей операционной базы.

Мы составили листовку, специально адресованную представителям сил безопасности, с призывом перейти на сторону трудящихся. Она начиналась словами «Да здравствует Революция, долой хаос!» Но возможности распространения ее (как, впрочем и других наших материалов, которые цитируются в исторических исследованиях, но остались практически незамеченными в Барселоне, разделенной баррикадами) оказались весьма ограниченными.

К концу дня нам стало известно о создании нового Совета Правительства — первого плода компромисса, достигнутого НКТ, ОСПК и «Каталонскими левыми республиканцами». Члены НКТ квартала Грасиа, входившие вместе с нами в комитет защиты революции, заявили нам, что не признают этого решения и не придают ни малейшего значения радиовыступлениям Хуана Гарсиа Оливера, Мариано Васкеса* и Федерики Монтсени[7]. Помню, как мы слушали передачи Радио Барселоны в зале заседаний исполкома МКИ, и во время речи Гарсиа Оливера один из присутствовавших анархистов сказал:

> «Не стоит обращать на них внимание. По существу они хотят, чтобы мы оставались на баррикадах для устрашения Компаньса и Комореры и тем самым обеспечили им лучшие позиции при переговорах. Поговорим лучше о серьезных вещах. Как обстоят дела с организацией колонны?»

6 мая «Баталья» опубликовала листовку «Друзей Дуррути»**, в которой выдвигалось требование создания «Революционной хунты» и приветствовались активисты ПОУМ, «которые братались с нами на улице»[8]. Мы на севере Барселоны не слишком хорошо знали «Друзей Дуррути» и сотрудничали со всеми активистами НКТ без различия.

На следующее утро решено было, что мы с Ариньо отправимся в центр Барселоны, чтобы выяснить, как обстоят дела в региональном комитете «Молодых анархистов», Барселонском комитете МКИ и исполкоме ПОУМ. Настал момент, когда вопросы требовалось решать непосредственно, а не по телефону или через посланцев, отважно пробиравшихся по городу на велосипеде (как, например, Рамон Фернандес Хурадо и Антонио Траве). Пройдя через всю Барселону, от баррикады к баррикаде, мы с Ариньо явились в штаб-квартиру городского комитета МКИ на Рамбла де лос Эстудиос, где убедились, что наши молодые активисты (многие из них были столь молоды, что не подлежали

* Генеральный секретарь НКТ, вместе с министрами-анархистами убеждал сторонников НКТ подчиниться соглашению о прекращении огня и покинуть

** Небольшая радикальная группа, состоявшая преимущественно из анархистов. — *Прим. ред.*

отправке на фронт) находятся на высоте положения и контролируют немалую часть бульваров.

Затем мы вдвоем продолжили путь на Театральную площадь, где у нас состоялся долгий разговор с Нином, Горкиным, Андраде и командирами баррикад. Мы встретились с Хосе Ребулем, который представил исполкому план вооруженного захвата власти. Но, разумеется, главной проблемой являлась не военная, а политическая.

В штаб-квартире ПОУМ кипела бурная деятельность, однако атмосфера царила отнюдь не оптимистическая. Андраде, ответственный за контакты с комитетом ФАИ, не без горечи объяснил нам, что анархисты «совершенно отстали от событий», а кроме того, «глядят свысока на политиков-марксистов», как они выражаются. Что же касается «Друзей Дуррути», с которыми состоялась длительная дискуссия, Андраде сообщил, что, во-первых, они не пользуются большим влиянием в НКТ, а во-вторых, не способны выработать ответственную политику. Резюмируя свои впечатления, он уточнил:

> «Вы еще увидите — как и комитеты обороны, они подчинятся, пусть с неохотой, указаниям Гарсиа Оливера и Федерики».

Нин, заметно измотанный и разочарованный, сказал, что компромисс, достигнутый НКТ, Правительством и ОСПК, — свершившийся факт, и ПОУМ не может игнорировать позицию, занятую НКТ; вот почему, несомненно, предстоит отступление, в лучших условиях, возможных для партии и рабочего класса. Отсюда вытекал вывод о том, что МКИ не следует форсировать движение, особенно в таких районах, как север Барселоны, где на нас ложится большая ответственность; необходимо принимать в расчет общую ситуацию, дабы не оказаться в изоляции.

После заседания исполкома мы с Ариньо, несколько озадаченные, возвратились в наш штаб на Пасео де Грасиа. Пришлось вновь пройти через всю Барселону, с ее баррикадами, постами и стрельбой. Мы хотели как можно скорее проинформировать исполком МКИ о результатах нашей миссии. Сведения и доводы, изложенные Нином, Андраде, Горкиным и другими товарищами — в частности, о кризисе правительства Ларго Кабальеро, о том, что сталинисты настраивают Мадрид и Валенсию против Каталонии, о компромиссе, достигнутом НКТ, Компаньсом и ОСПК с целью положить конец восстанию барселонских трудящихся, — заставили нас глубоко призадуматься. В довершение несчастий Рок и Солес сообщили нам, что местные активисты НКТ уже не смеются, как прежде, над речами Гарсиа Оливера, Васкеса и Федерики Монтсени. Везде, в том числе и в нашем укрепленном районе, произошли перемены.

От компромисса к отступлению

В четверг 6 мая ситуация казалось запутанной как никогда прежде. Накануне по радио периодически звучали призывы прекратить забастовку, в том числе от имени ВСТ и НКТ. В то же время руководители НКТ оказывали мощное давление на региональный комитет и районные комитеты обороны, дабы вынудить их прекратить борьбу. Некоторые активисты НКТ в разочаровании

покидали баррикады и помещения профсоюза. Однако ряд полицейских провокаций, а также известие о том, что полуторатысячный ударный отряд, отправленный валенсийским правительством, вступил в Тортосу, вызвали новый подъем движения. Многие активисты возвратились на баррикады. Мариано Васкес и Федерика Монтсени поспешили в Правительство Каталонии, чтобы обсудить ситуацию с Галарсой и Ларго Кабальеро.

Телефонные переговоры Гарсиа Оливера с Правительством Каталонии завершились компромиссом: Родригес Салас был отправлен в отставку, достигнуто перемирие, баррикады следовало разобрать — в обмен на обещание не проводить никаких репрессий. НКТ предписывалось также не препятствовать вступлению в Барселону частей штурмовой гвардии*, которые стояли в Тортосе, ожидая приказов.

Условия компромисса — нашедшие отражение в одном малоизвестном документе, составленном Льюисом Компаньсом, — были доведены до сведения комитетов обороны и Каталонского комитета НКТ и одобрены им; он приказал своим активистам покинуть баррикады до восьми часов утра пятницы 7 мая. Получив подобные указания и в отсутствие иной перспективы они сочли бесполезной дальнейшую борьбу вопреки воле своего руководства и постепенно разошлись.

Когда о достигнутом компромиссе стало известно исполкому ПОУМ, он решил, что членам партии не следует в одиночку продолжать борьбу, из которой НКТ и ФАИ вышли, не получив никаких гарантий. В заметке, опубликованной в «Баталье», говорилось, что «трудящиеся расстроили контрреволюционную провокацию»[9], а теперь необходимо прекратить стачку и возвратиться к работе. Критику политики лидеров НКТ сопровождал призыв к пролетариату быть бдительным: «Он должен оставаться начеку, с оружием наготове» [10].

В квартале Грасиа активисты НКТ, хотя и с неудовольствием, постепенно уходили с баррикад. На позициях остались лишь члены ПОУМ, МКИ и немцы из НАС.

Нин сообщил мне о решениях исполкома, принятых во второй половине дня 6 мая. В подобной ситуации исполком МКИ решил распустить начавшую было формироваться боевую колонну. Однако мы не покинули свои помещения и не сдали оружие. А также приняли меры предосторожности, дабы избежать нападений и погромов и продолжить политическую и профсоюзную работу.

Вместе с тем, никто не обманывался на счет произошедшего. Нападение 3 мая на Телефонную станцию соответствовало плану, который беспощадно проводился в жизнь: нанесение удара по революционной Каталонии, ее реальной автономии, ее революционному рабочему движению (НКТ, ПОУМ, МКИ, «Молодым анархистам») и июльских завоеваниям; вывод Ларго Кабальеро, левых социалистов и анархистов из центрального правительства; убийство Нина и репрессии против ПОУМ и МКИ; приход к власти Негрина и попытка установить в Испании первый в Европе режим сталинистской «народной демократии». Все это неизбежно открывало путь Франко.

* Силы поддержания порядка, присланные правительством. — *Прим. ред.*

Глава 5

Процесс ПОУМ. Барселона – не Москва [1]

После распада СССР российская пресса почти ежедневно печатала разоблачения того, что происходило в черные годы сталинизма.

Теперь всем известно, что события 1936-1938 гг. в СССР оказали серьезное влияние на другие страны, в частности, на ход революции и гражданской войны в Испании. В октябре 1938-го, когда на Эбро завершались кровопролитные бои, а в Мюнхене европейские державы капитулировали перед Гитлером, — в Барселоне попытались воспроизвести Московские процессы.

Суд над ПОУМ должен был стать своего рода апогеем операции, начатой 16 июня 1937 года с похищения и убийства Андреса Нина, ареста большинства руководителей партии и репрессий против ее организаций и вооруженных отрядов. При этом ставилась цель показать всему миру, что в Испании, как и в СССР, нашлись «предатели-троцкисты», но они оказались «разоблачены» и уничтожены. Показательное судилище в Барселоне должно было послужить оправданием политики репрессий, которую Сталин проводил в Москве.

Но Барселона — не Москва. В то время как СССР демонстрировал последствия окончательного перерождения октябрьской революции, в Испании рабочие и крестьяне с оружием в руках сражались против фашизма — единственные во всей Европе, и это навеки увенчало их славой, — за преобразование общественного устройства своей страны и строительство социализма. Какой разительный контраст с политикой Сталина!

Андрес Нин стал первой жертвой, потому что долгое время прожил в Москве (с 1921 по 1930 гг.), занимал руководящие посты в Интернационале красных профсоюзов и сотрудничал с Зиновьевым и Троцким. Он был похищен в Барселоне, переведен в Валенсию, а затем в Алькала де Энарес и подвергся жестоким допросам. Его мучители, ищейки НКВД, хотели добиться от него «признаний», подобных тем, что они вырвали в августе 1936-го у Зиновьева и Каменева, попытались вырвать в марте 1938-го у Бухарина и Рыкова. Но Нин ни в чем не «признался», он до конца защищал свою честь революционера, своих товарищей по ПОУМ и московских друзей.

Стойкость Нина — в тот самый момент, когда в Москве казнили по обвинению в «государственной измене» маршала Михаила Тухачевского и почти все командование Красной армии — расстроила планы организаторов репрессий против ПОУМ. Нин умер у них в плену. А без него процесс не мог пройти так, как им того хотелось. В подобных обстоятельствах польза от него выходила весьма сомнительная, возможно, поэтому решили перенести его сроки.

В итоге суд над ПОУМ начался в Барселоне 11 октября 1938 года в так называемом «Центральном трибунале по делам о шпионаже и государственной измене», созданном изначально для преследования фашистов. Обвиняемые, которым придавала сил мужественная смерть Нина, а также поддержка партии (ушедшей в подполье), международная кампания солидарности и убежденность в исторической значимости происходящего, на процессе, длившееся 11 дней, сами превратились в обвинителей. Они почтили память Нина, установив на скамье подсудимых его портрет, к которому возложили цветы. Никто не посмел убрать его. Быть может, потому, что в зале находилась Ольга Тареева, русская коммунистка, жена и соратница Нина.

Основные обвиняемые — Хуан Андраде, Пере Бонет, Хулиан Горкин, Жорди Аркер, Энрике Адроэр, Давид Рей и Хосе Эскудер оказались вынуждены распутать сеть гнусных и смехотворных обвинений, старательно сплетенную прокурором-сталинистом. Адвокат, которому была поручена защита обвиняемых, умный и смелый социалист из Мадрида Висенте Родригес Ревилья, знал судей трибунала. Он посоветовал подсудимым говорить ясно и четко, неизменно сохранять спокойствие. Он считал судейских чиновников честными людьми, не боящимися яростного давления сталинистской прессы (газет «Требаль», «Нотисиас», «Аора», «Френте Рохо», «Мундо обреро» и др.), которая требовала смертной казни для обвиняемых и угрожала адвокату Бенито Павону. Очевидно, что эта пресса играла ту же роль, что и в Москве, обеспечивая психологическую подготовку общественного мнения.

Руководителям КПИ и ОСПК не достало мужества предстать перед трибуналом, чтобы повторить под присягой клеветнические обвинения, которые они распространяли. Подобную грязную работу они доверили людям с сомнительной репутацией и морально неустойчивым, вроде префекта Мантекона, бывшего политкомиссара Восточного фронта Вирхилио Льяноса, полковника Кордона, которые сделали карьеру благодаря слепому повиновению приказам. Чтобы произвести впечатление на суд, эти люди явились при полном параде и орденах. Особенно тягостно было выслушивать их заявления, будто бойцы 29-й дивизии под командованием Жозепа Ровиры, укомплектованной активистами ПОУМ, «братались с франкистами» вместо того, чтобы воевать с ними. Помню, как в ту ночь все наши товарищи, заключенные в государственную тюрьму (бывший монастырь Деу и Мата) решили направить Мануэлю Асанье, Льюису Компаньсу, в национальные комитеты партий и профцентры письмо с осуждением этого отвратительного и лживого «военного вмешательства» и требованием защитить честь Республики и революции. Мы прочитали очень прочувствованное письмо Андраде, которое одобрили без слов, глубоко взволнованные.

На следующий день на суд явились люди иного закала: Франсиско Ларго Кабальеро, Луис Аракистайн, Хулиан Сугасагойтиа, Мануэль де Ирухо* Федерика Монтсени. Опровергнув обвинения прокурора, они заявили, что суд вообще не должен был состояться. Ларго Кабальеро, смещенный с поста *

* В бытность министром внутренних дел социалист Сугасагойтиа поддерживал репрессии против радикальных левых, но ко времени процесса ПОУМ ушел с этого поста и на процессе выступил объективно, также как и бывший министр, и баскский националист Ирухо. — *Прим. ред.*

главы правительства и остававшийся на свободе под надзором, выступил еще более категорично: он бросил вызов прокурору, утверждая, что «подсудимые не изменили своим идеям и боролись во имя их» [2]. Федерика Монтсени очень точно высказалась по поводу произошедшего в мае 1937 года:

> «Я убеждена, что ни ПОУМ, ни НКТ, ни ФАИ не причастны к началу событий»[3].

Участие ПОУМ в их подготовке, на котором настаивало обвинение, она отрицала.

Задача адвоката подсудимых была относительно несложной. Их последние слова произвели сильное впечатление на судей. 29 октября трибунал признал обвиняемых невиновными в шпионаже и объявил, что они являются давними борцами с фашизмом[4], против которого изначально выступала ПОУМ[5]; что они не поддерживали сношений с секретными службами, в том числе военной разведкой каких бы то ни было иностранных государств[6], и не выступали инициаторами Майских событий[7]. После подобных заявлений единственным логичным решением являлось оправдание, однако суд, в целом сопротивлявшийся давлению сталинистов, все же пошел на уступку властям. Жорди Аркер был приговорен к 11 годам заключения за участие в «мятеже»; другие — к 15 годам[8], в числе прочего, за то, что «намеревались заменить демократическую Республику общественным устройством, отвечающим их собственным представлениям»[9], — то есть властью рабочих и крестьян, — а также за участие в Майских событиях 1937 года в Барселоне. Рамон Гонсалес Пенья, министр юстиции, дал компромиссному решению трибунала следующее объяснение:

> «Если бы мы освободили их, их бы на улице перебили агенты НКВД».

Несколько дней спустя в государственную тюрьму пришел адвокат Родригес Ревилья, весьма удовлетворенный исходом дела, и сказал нам примерно следующее:

> «Я говорил с судьями трибунала, с председателем Верховного суда, министром юстиции: они все выступают за помилование. Но ПОУМ будет распущена... Даже Негрин как будто не хочет ничего усложнять».

Родригес Ревилья предложил подать прошение о помиловании. Но руководители ПОУМ ответили ему:

> «Мы никогда не попросим о помиловании правительство, которое заставило вынести нам приговор в угоду Сталину».

В то время как правительство действовало через посредничество Родригеса Ревильи, Льюис Компаньс, председатель Правительства Каталонии (лишенный Негрином и Коморерой немалой части своих полномочий), Карлес Пи и Суньер, мэр Барселоны (ЛРК) и шесть бывших министров Республики потребовали немедленного освобождения осужденных членов ПОУМ и пересмотра судебного решения.

Коммунистическая партия, со своей стороны, напечатала и распространяла оскорбительно лживый обвинительный акт, составленный прокурором-сталинистом, и одновременно прилагала все усилия к тому, чтобы цензура запретила публиковать приговор, который из-за этого стал казаться неким

подрывным документом. Говоря откровенно, лишь печать НКТ и некоторые газеты, близкие течению Ларго Кабальеро, посмели осудить проведение процесса ПОУМ и выступить в защиту жертв репрессий. Сталинисты продолжали свою кампанию клеветы и попытались провести еще один суд над членами второго исполкома ПОУМ, арестованными в апреле 1938 года, после нового наступления на наше подпольное движение. Но время ушло. Полчища Франко подступали к Барселоне.

Действительно, Барселона — не Москва. Об этом необходимо помнить сегодня и чтить память тех, кто сделал все, что было в их силах, ради того, чтобы в Испании сталинизму не удалось повторить совершенное в СССР.

Глава 6

Первый год изгнания во Франции[1]

Долгое, нескончаемое изгнание, которое началось для ПОУМ в феврале 1939 года, оказалось для нас труднее, чем для других рабочих и антифранкистских организаций. Когда войска Франко подходили к Барселоне, ПОУМ была запрещена во всей стране и действовала в подполье как на франкистской, так и на республиканской территории. Начиная с 16 июня 1937 года, дня похищения Андреса Нина, активисты ПОУМ и МКИ на фронте и в тылу подвергались беспощадным репрессиям. Но, тем не менее, они продолжали до конца бороться против Франко — и обличать политику Негрина и сталинистов как неизбежно ведущую к поражению.

За неделю до падения Барселоны (январь 1939 года) лидеры ПОУМ, находившиеся в заключении в тюрьме Лес Корс, в письме, адресованном президенту Республики, правительству Хуана Негрина и руководящим органам рабочих организаций, потребовали немедленного освобождения всех арестованных антифранкистов (поумистов, анархистов, бойцов интербригад), чтобы они тоже смогли принять участие в вооруженной защите Каталонии[2]. Эти просьба привела к единственному результату — за два дня до вступления франкистских войск в Барселону по приказу министра юстиции социалиста Рамона Гонсалеса Пеньи лидеры ПОУМ (Хуан Андраде, Жорди Аркер, Хулиан Горкин, Пере Бонет, Вилебальдо Солано, Хиронелья, Жозеп Родес, Жоан Фарре Гассо) были переведены в импровизированную тюрьму в Кадакес.

Они вновь потребовали у Негрина, находившегося в Фигерасе, освободить их. Глава правительства пообещал сделать это, о чем сообщил через генерального директора тюрем Республики Висенте Соля, и даже выразил готовность встретиться с Горкином, Андраде и Солано. По словам главы правительства, это «русские и коммунисты» «вынудили» его проводить репрессии.

Однако встреча не состоялась, приказ о нашем освобождении так и не поступил, и мы, с согласия нашей охраны, предприняли попытку перейти французскую границу. В Сьерра де Ребольес нас нашла группа активистов Рабоче- крестьянской социалистической партии Франции, отправившаяся на наши поиски. Эта волнующая встреча свидетельствовала о том, что представительство ПОУМ в Париже не сидело сложа руки.

Несколько дней спустя лидеры ПОУМ — которые осуществляли руководство партией из барселонской тюрьмы, выпуская бюллетени и манифесты, распространявшиеся на воле, и поддерживая отношения с политическими союзниками, — оказались в Париже. К счастью, представительство ПОУМ в Париже, организованное в сентябре 1937 года Нарсисом Молине и Фабрегой с целью координации усилий по защите преследуемых активистов ПОУМ

в странах Европы и Америки, активно продолжало работу. Представительство занимало большое помещение в доме 12 в тупике Компуэн (возле площади Клиши) и с конца 1937 года выпускало бюллетень «Индепендент Ньюс» (независимые известия). Директор издания, активист РКСП Люсьен Вейц, создал настоящее информационное агентство, специализировавшееся на положении ПОУМ и испанских революционеров вообще при режиме Негрина. Заметки из «Индепендет Ньюс» перепечатывались и комментировались в рабочей и левой прессе Европы и Америки, что создавало немало проблем агентам НКВД и сталинистской печати.

Через несколько месяцев к работе представительства присоединились два новых активиста, Жозеп Комабелья и Франсиско Пелегри из Лериды, а также жена журналиста Хосе Эскудера, заключенного в тюрьму Лес Корс. Когда стало очевидным ухудшение военного положения Каталонии, представительство при поддержке РКСП и британской НЛП выступило с важнейшей инициативой создания международной комиссии для помощи испанским беженцам и отправило в Перпиньян делегацию с целью поддержки тех, кто находился в концлагерях и центрах для беженцев, организованных французскими властями. Это важное дело практической солидарности призвано было обеспечить подготовку к возможному военному поражению Республики. Его инициаторы исходили из понимания того, что в наступающие трудные времена активистам ПОУМ не придется рассчитывать на помощь официальных республиканских институций.

Руководители ПОУМ добрались до Парижа без особых затруднений. Товарищи из РКСП приняли их у себя как друзей. Марсо Пивер и его соратники пытались помочь своим испанским гостям получить официальный статус во Франции. Но в итоге столкнулись лишь с чисто французской и весьма неопределенной «равнодушной терпимостью». Руководители ПОУМ оказались в весьма непростой ситуации. Мощная международная кампания, в которой приняли участие широкие слои социал-демократии, а также анархисты и такие видные деятели культуры, как Андре Жид, Франсуа Мориак, Андре Бретон, Роже Мартен дю Гар, Игнацио Силоне, вырвала их из рук франкистов и сталинистов. Их знали и привечали в революционных социалистических организациях, в кругах левых интеллектуалов и журналистов. Для них, проведших долгие месяцы в тюрьме, не имея возможности непосредственно участвовать в борьбе за революцию, начинался новый этап политической деятельности. Изгнание не так угнетало их, как других, им не терпелось вновь взяться за дело, поделиться своим опытом, влиться в ряды международного рабочего движения в тот час, когда ему грозила огромная опасность.

В высшей степени символичным был тот факт, что первое заседание исполкома ПОУМ состоялось на квартире русского писателя-революционера Виктора Сержа, друга Нина и Маурина. С тех пор, как ему удалось выехать из СССР и обосноваться в Брюсселе, Серж поддерживал постоянную связь с Нином и руководством ПОУМ. Он предупреждал нас о провокации, замышлявшейся в мае 1937 года. В Париже он активно выступал в защиту ПОУМ и тщетно пытался спасти Нина. Мы не могли не увидеться с Сержем. Нам всем очень не хватало Маурина (с 1936 года находившегося в тюрьме в Саламанке)

и Нина, которые так много значили для нашего движения. Но надо сказать, что мы представляли собой очень спаянную группу, имевшую то преимущество перед другими, что образовалась она в барселонской тюрьме после долгих размышлений и дискуссий о важнейших проблемах Испании и социализма, а также о реакционном характере сталинизма и угрозе грядущей войны.

Исполнительный комитет ПОУМ, в который вскоре вошли Нарсис Молинс и Фабрега и Жозеп Ровира, бывший командующий 29-й дивизии, поставил перед собой следующие задачи: реорганизовать в изгнании партию, пострадавшую от сталинистских репрессий; всеми возможными средствами поддержать группы товарищей, оставшиеся в Испании (особенно в Леванте, Андалусии и в центре страны); помогать 6-8 тысячам наших активистов и сторонников, оказавшихся в концлагерях; заручиться поддержкой Лондонского бюро и Международного рабочего антивоенного фронта, в который в то время входили многие достаточно влиятельные политические и профсоюзные организации Франции, Великобритании, Швеции, США, Нидерландов и других стран.

Мы немедленно приступили к работе по восстановлению партии, начав ее с весьма амбициозных организационных и издательских проектов. Прежде всего следовало объединить товарищей, интернированных в концлагерях, и тех, кто благодаря действиям РКСП и бельгийской группы Вереккена остался на свободе (в Париже, Дижоне, Брюсселе и некоторых городах юга Франции) и даже сумел получить необходимые для проживания в стране документы. Затем нужно было помочь эмигрировать в Латинскую Америку тем товарищам, которые могли получить визы или имели на то семейные и другие причины.

Что же касается издательской деятельности, необходимой для организации и информирования членов партии, исполком решил продолжить выпуск «Индепендент Ньюс», а также приступил к публикации «Информационного бюллетеня», «Бюллетеня международных документов», «Латиноамериканского бюллетеня» и «Бюллетеня МКИ». В конце февраля первый номер «Информационного бюллетеня» вышел в свет. В нем была напечатала политическая резолюция о военном поражении Каталонии, написанная Горкином, призыв ко всем партийным активистам сообщать о материальных проблемах в эмиграции, а также анонсировалось — бесспорно, с излишним оптимизмом — возобновление издания «Батальи» и «Нуэва Эра».

Как будто всего этого было недостаточно, исполком объявил о предстоящем заседании расширенного центрального комитета партии и перечислил направления своей международной деятельности, которая, надо признать, являлась весьма активной. Следует помнить, что в то время, когда в странах Европы одни за другими устанавливались диктатуры и военные режимы, Париж становился одним из важнейших центров международного значения. Эмиграция предоставила нам возможность встреч (порою нежданных) с идейно близкими нам активистами из разных стран. Так мы познакомились с Генрихом Брандлером и Августом Тальгеймером (лидерами Коммунистической партии Германии в 1922-1923 гг.), Марсо Пивером, Люсьеном Эраром и Мишелем Коллине (основателями РКСП), Джеем Лавстоуном и Бертрамом Вольфом (из Независимой социалистической лиги США), а также с участниками движений за национальное освобождение из британских колоний, с Феннером

Броквеем, одним из руководителей Лондонского бюро, и, конечно, с левыми интеллектуалами, которые нас защищали, с лидерами немецких, австрийских, итальянских, греческих, румынских, польских эмигрантов, не говоря уже об активистах международного троцкистского движения (Пьере Навиле, Жане Ру, Джеймсе П. Кенноне).

Сохранить политические кадры, помочь беженцам

Предстояло также организовать работу международной комиссии по помощи испанским беженцам, в которую вошли видные деятели политики и культуры: профессор Поль Риве, писатели Андре Бретон, Игнацио Силоне, Марк Бернар и Анри Пулай, адвокаты Жерар Розенталь, Поль Шмиерер и Андре Вейль-Кюрьель, несколько депутатов британского парламента от НЛП, Альфред Росмер и Ян Моленар, Люси Кольяр и Симона Канн, голландский политик Хенк Снивлит и американец Бертрам Д. Вольф. Следовало наладить сотрудничество в этой области с Международным бюро социалистического революционного единства (Лондонским) и Международным рабочим антивоенным фронтом.

Как изначально предрекали некоторые товарищи, разного рода организации помощи испанским беженцам постепенно обретали сектантский характер и стремились помогать только сторонникам своих политических течений. Наиболее возмутительным примером такого рода служила печально известная Служба эвакуации испанских беженцев (СЕРЕ), созданная Негрином и испанскими сталинистами. Как говорилось в заявлении ПОУМ от 6 мая 1939 года, эта организация

> «совершенно бесцеремонно завладела денежными средствами, вывезенными из страны во время революции и предназначенными на военные нужды, а также валютой, собранной в помощь Испании».

Этими средствами СЕРЕ распоряжалась, исходя из своих сектантских соображений. Кроме того, она установила официальные отношения с мексиканским правительством и получила право проводить отбор среди беженцев, желавших эмигрировать в эту страну. Правда, позднее Мексика изменила свою линию поведения и потребовала, чтобы в СЕРЕ вошли представители Народного фронта и два делегата от Каталонии и Страны басков; однако ПОУМ это не давало никаких преимуществ. Поэтому партия обратилась непосредственно к мексиканскому правительству и Фриде Кало, супруге Диего Риверы и члену международной комиссии, основанной нашими товарищами; она с большим энтузиазмом откликнулась на нашу просьбу и немало сделала для того, чтобы решить многие проблемы.

Международная комиссия ПОУМ в изгнании выступила с призывом помочь беженцам, который получил самый широкий отклик во Франции, Великобритании, Бельгии, США, Швеции, Мексике, Палестине, Южной Африке и Египте. 25 апреля 1939 года она опубликовала очень подробный бюллетень с точными данными о двух тысячах испанцев, находившихся в лагерях, центрах размещения и других местах, которым она оказывала помощь. Большинство из них было интернировано в концлагеря в Аржелесе, Баркаресе,

Сен-Сиприене, Сетфоне, Ле-Верне, Бране, Арле, Агде и Мазере. Часть находилась в тюрьмах и госпиталях. Другим удалось кое-как устроиться в разных регионах Франции. Несмотря на все трудности, комиссия продолжала свою деятельность вплоть до заключения пакта Молотова—Риббентропа и начала мировой войны. В ее бюллетенях нашла отражение огромная проведенная работа. Нам хотелось бы здесь поблагодарить всех, кто внес в нее

Политические проблемы и международная напряженность

Необходимо подчеркнуть, что все это было бы невозможно без престижа, которым пользовалась ПОУМ в мире, без ее участия в Лондонском бюро и Международном рабочем антивоенном фронте. Через свои бюллетени исполком широко информировал о происходящем членов и сторонников партии. В частности, был выпущен специальный номер «Бюллетеня документов», где анализировались события в СССР после Московских процессов: казни, аресты (с приложением списка наиболее известных жертв — все они были реабилитированы в годы перестройки), трудности с выполнением пятилетнего плана, убийства иностранных коммунистов. В одном из материалов номера — уже тогда! — говорилось о постепенном повороте Сталина к союзу с гитлеровской Германией, в то время как французские и испанские сталинисты поддерживали «великое объединение демократий против фашизма». Все эти документы давали обширный материал для происходивших в ПОУМ дискуссий о роли сталинизма в испанской революции и развитии ситуации в СССР.

Действительно, пережив столь богатый и нелегкий опыт, каждый подводил для себя некоторые итоги и намечал дальнейшие цели. На первом расширенном заседании центрального комитета ПОУМ, состоявшемся в Париже в начале марта 1939 года, разгорелась жаркая дискуссия о международном положении и объединениях, в которые входила партия. Незадолго до этого Лондонское бюро переместило свою штаб-квартиру в Париж, а Хулиан Горкин сменил Феннера Броквея на посту его генерального секретаря. Международное бюро революционной молодежи, сохранявшее определенную независимость, вновь избрало меня своим председателем. Оба эти решения оказывали ПОУМ особую честь. Однако многие активисты полагали, что Лондонское бюро больше не соответствует требованиям момента, и его способен успешно заменить Международный рабочий антивоенный фронт, организация более широкая и эффективная. Исполком решил сосредоточить основные усилия на работе во Фронте, который с момента своего основания в сентябре 1938 года показал себя самым достойным образом. Считая, что Лондонское бюро уже выполнило свои задачи, исполком предложил также провести международную конференцию, на которой был бы основан независимый революционный марксистский центр[3]. В качестве основных тем конференции назывались опыт испанской революции, борьба против империализма, фашизма и войны, природа фашизма, колониальный вопрос, СССР и сталинизм.

В «Информационном бюллетене» № 2 от 15 марта 1939 года был опубликован ряд важных документов: подробный отчет о международной дискуссии и политическая резолюция о событиях в центральной Испании после пораже-

ния Каталонии; проект проведения международной конференции в поддержку испанских беженцев, призванной послужить ответом на кампанию клеветы, развернутую против них в реакционной прессе, в частности, французской и бельгийской; а также принципы партийной организации, одобренные расширенным заседанием центрального комитета. Однако политические разногласия, впервые проявившиеся во время дискуссии, в бюллетене отражения не нашли. Исполком, который был образован еще в тюрьме Лес Корс (Андраде, Горкин, Хиронелья, Бонет, Аркер, Солано), прямо не подвергался критике, однако с вхождением в него Ровиры положение изменилось. Жозеп Ровира, Франсиско Пелегри и Комабелья при поддержке Жоана Фарре вынудили уйти Нарсиса Молинс и Фабрегу, чью деятельность в Парижском представительстве они резко критиковали. Пошли разговоры о том, что «из-за особенностей своего характера» Андраде сыграл или мог сыграть «вредную» роль во время революции. Его немалое влияние в исполкоме начинало кое-кого стеснять. Одновременно делались попытки распустить исполком МКИ, объявленный слишком независимым и «левацким», причем в качестве предлога выдвигался тезис о том, что в эмиграции молодежная организация не нужна. Подобные трения тормозили нашу работу и нанесли определенный ущерб ПОУМ, за положением в которой внимательно следили наши иностранные союзники.

Существование различных тенденций внутри ПОУМ представляло собой явление совершенно нормальное. Так было в 1936-1939 гг.; опыт показывал, что политическая деятельность в эмиграции всегда создавала условия для идейных и личных конфликтов. Однако многие активисты полагали, что в беспрецедентно драматичном изгнании необходимо всячески поощрять спаянность и дух товарищества. Особенно это касалось такой партии, как ПОУМ, которая, как писал Джордж Оруэлл, подвергалась преследованиям всех полицейских служб Европы, и ни Сталин, ни его международный бюрократический аппарат не давали ей ни малейшей передышки.

В начале апреля 1939 года, вскоре после победы франкистов, состоялось новое расширенное заседание центрального комитета. За несколько недель до этого исполком подвел печальный итог: больше половины из сорока одного члена ЦК, избранных на объединительном конгрессе РКБ и ЛКИ, было убито Франко, сидело в испанских тюрьмах или продолжало борьбу в Мадриде, Леванте и Андалусии. В сложившейся ситуации мы решили пригласить на заседание два десятка товарищей, которые занимали важные посты во время войны и революции, а теперь находились во Франции. Не все смогли откликнуться на приглашение. Однако в апреле участников заседания было больше, чем в марте. После долгого обсуждения они по предложению Горкина приняли резолюцию об общем политическом положении в Испании, в которой, в числе прочего, говорилось:

> «ПОУМ в принципе не выступает против ситуационных соглашений между СССР и капиталистическими странами, как это уже происходило при Ленине; но она решительно отказывается признавать сталинские пакты, которые жертвуют принципами социализма и интересами пролетариата, а СССР вовлекают в соперничество между крупнейшими державами, ведущее к империалистической

Была принята и предложенная мной резолюция о расколе испанского антифранкистского движения. В тексте осуждались политика Негрина, путч Касадо* и «сопротивленчество» Коммунистической партии, которая тоже выступала за мир, но под своим контролем. Кроме того, участники заседания одобрили резолюцию с критикой созданного 10 апреля Постоянного представительства кортесов — парламента, который уже никого не представлял. Как и над другими республиканскими учреждениями, над ним тяготел груз ошибок, и ему не следовало препятствовать конструктивным стремлениям представительных рабочих и демократических сил, которые стремились преодолеть проблемы, обусловившие поражение испанского народа.

Центральный комитет ПОУМ понимал, что проводить партийный съезд в сложившихся обстоятельствах, когда наши активисты оказались рассеяны по разным городам и даже странам, было бы крайне затруднительно. Тогда решили организовать референдум по утверждению нового, более представительного состава ЦК. В то же время активисты ПОУМ, продолжавшие активно работать в концлагерях и других местах, сознавали, что международное положение ухудшается, а это могло повлечь за собой серьезные последствия для различных групп политических эмигрантов в Париже.

Брандлер и Тальгеймер, лидеры немецкой коммунистической оппозиции, считавшиеся «бухаринцами» и встревоженные перспективой сближения между Сталиным и Гитлером, начали дискуссию о «революционной войне» против последнего, напомнив, что в XIX веке Маркс одобрительно относился к революционным войнам. Это вызвало трения в Международном рабочем антивоенном фронте, и ПОУМ потребовался весь ее политический авторитет, чтобы свести их к минимуму. Позднее, когда в РКСП вступили французские троцкисты, ПОУМ оказалась вынуждена взять на себя функции арбитра (причем далеко не всегда в благоприятных условиях) в конфликтах между теми, кого называли «пацифистами», и сторонниками IV Интернационала.

Решение избрать новый центральный комитет референдумом и отложить съезд *sine die*** вызвало определенное недовольство, возникли «комитеты в поддержку съезда», которыми руководил Жозеп Ребуль. Превратности эмиграции и угроза новой войны обострили все проблемы. В итоге в ПОУМ возникло три течения: левое, политические позиции которого были сформулированы Андраде, Молинсом и Фабрегой и автором этих строк; правое под руководством Ровиры, Пелегри и Фарре; и центр вокруг Горкина, Бонета и Родеса, которые главным образом призывали «не драматизировать» разногласия. Все это представляло собой отнюдь не мелочи, как могло бы показаться. Чтобы оценить значение предложенных тогда политических стратегий, надо было пережить эти тревожные месяцы, когда над испанскими изгнанниками постоянно сгущались тучи, и будущее виделось в самом мрачном свете.

Однако ПОУМ не прекращал работать над выполнением основных задач: сохранить кадры, вызволить своих активистов из лагерей, помочь им эми-

* Выступление командующего Центральным фронтом полковника Касадо и его сторонников против правительства Негрина в марте 1939 года. Касадо стремился к заключению с Франко соглашения о капитуляции Республики. — *Прим. ред.*

** Sine die — на неопределенный срок (лат.).

грировать в Америку или обустроиться в двух-трех европейских странах, где сохранялись еще возможности для политической деятельности. В помещении близ площади Клиши кипела работа. В ней участвовали и многие члены НКТ и левые социалисты — сторонники Ларго Кабальеро, в частности, Луис Аракистайн. Он передал нам для публикации в «Индепендент нюьс» свое знаменитое письмо к Диего Мартинесу Баррио (последнему председателю республиканских кортесов), где жестко критиковал бывшее правительство Негрина и его представителей за рубежом, а также требовал отчета о ряде событий. «Индепендент нюьс», живо откликаясь на все важные события, предоставлял свои страницы тем, кому было что сказать по существу дела.

В мае комиссия по помощи ПОУМ разослала всем активистам подробный отчет, в котором подводились итоги работы по возрождению партии и описывались формы партийной деятельности. В документе приводились координаты всех организаций, проявлявших солидарность с беженцами, а также рассказывалось о возможности найти работу, в частности, о проекте создания четырех агроферм. Поднимался и вопрос эмиграции в Латинскую Америку, при этом давался совет, как избежать отбора, проводимого СЕРЕ и сталинистами. Наконец, в отчете подводился итог акций международной солидарности с ПОУМ и МКИ.

Летняя школа Независимой Лейбористской партии в Фор-Маоне на севере Франции (август 1939 года) стала последним событием в нашей международной деятельности до войны. Видные представители организаций, входивших в Независимый революционный марксистский центр и Международный антивоенный рабочий фронт, получили возможность обменяться мнениями и обсудить планы совместных действий. Несколько дней спустя, 23 августа, разорвалась бомба: был заключен германо-советский пакт. Захват Польши и объявление Францией и Англией войны Германии ошеломили революционные организации, как французские, так и эмигрантские. Правительство Франции воспользовалось этим, чтобы распустить объединения испанских эмигрантов. Полиция конфисковала весь тираж брошюры Хуана Андраде об убийстве Нина, вышедшей в издательстве «Спартак». Пришлось закрыть штаб- квартиру в тупике Компуэн. Терпимости властей пришел конец. Наиболее известным членам ПОУМ было предписано жить в Шартре и Мелене. В итоге мы получили *sui generis** официальный статус: выданные нам документы содержали массу ограничений, даже для поездки в Париж требовалось специальное разрешение. В таких условиях начался новый этап нашей эмиграции, один из самых трудных, особенно после 1940 года. Концлагеря начали пустеть лишь тогда, когда стала ощущаться потребность в рабочей силе для военной промышленности. Лишь очень немногие активисты ПОУМ смогли уехать в Америку. Оставшиеся во Франции с самого начала оккупации страны приняли участие в сопротивлении фашизму. В 1941 году в Монтобане военный трибунал приговорил к длительным срокам тюремного заключения группу активистов ПОУМ; среди них были и те, кто в роковом январе 1939-го покинул стены тюрьмы Лес Корс.

* Sui generis — своеобразный (лат.).

Часть II

Андрес Нин и его время

Глава 1

Жизнь, дело и смерть Андреса Нина[1]

Андрес Нин, один из виднейших представителей революционного марксизма в Испании, родился в городе Эль Вендрель под Таррагоной 4 февраля 1892 года. Его отец был скромным сапожником, а мать — крестьянкой из «места, одаренного природой», «в свежем цвету рожковых деревьев», как писал каталонский поэт Жозеп Карне. Эль Вендрель — городок очень своеобразный и гордится тем, что в нем родилось немало людей, получивших всемирную известность. Среди них особо выделяются великий музыкант Пабло Казальс и писатель и революционный активист Андрес Нин.

Родители Андреса Нина многим пожертвовали ради того, чтобы их сын получил образование и поступил в педагогическое училище Таррагоны. После его окончания, накануне Первой мировой войны, молодой учитель переехал в Барселону.

То было время бурной политической, общественной и культурной жизни. Возрождалось каталонское самосознание и крепли силы революционного синдикализма. Нейтралитет в мировой войне оказался выгоден каталонской буржуазии. Деловая активность росла благодаря ввозимым с Кубы и Филиппин капиталам, бизнес процветал. Развитие капитализма усилило миграционные процессы внутри страны. Пролетариат Барселоны и других промышленных центров ощутил прилив новых сил в лице хлынувших в города тысяч крестьян из Андалусии, Леванта и Арагона. Развитие промышленности способствовало концентрации и росту организованности трудящихся классов.

В этой ситуации классовая борьба также ширилась, становясь определяющим аспектом политической и общественной жизни Каталонии. Подобно многим своим ровесникам, Андрес Нин присоединился к рабочему движению, идейно сблизившись с левым крылом сторонников независимости Каталонии. Убеждения молодого педагога уже вполне сложились, он не хотел быть рядовым «учителем государственной школы» и поступил на работу в Горациеву школу, светское и использовавшее элементы либертарной педагогики учебное

заведение, которое было основано несколькими годами ранее бывшим рабочим-текстильщиком Пау Вилой. Но, хотя Андрес Нин явно чувствовал в себе педагогическое призвание, вскоре он решил посвятить себя журналистике. Некоторое время он работал в руководимой Пере Коминасом газете «Побле катала», левореспубликанского органа, выступавшего за независимость Каталонии. Вскоре Нин также проявил себя как незаурядный оратор.

В революционно-синдикалистском движении

Постепенно журналистика и устная пропаганда все больше увлекали Нина. Из «Побле катала» он перешел в газету «Публиситат», издаваемую адвокатом-республиканцем и каталонским националистом Амадео Уртадо, затем в агентство «Фабра», которым руководил видный каталонский республиканец Клаудио Амеллья. Журналистская деятельность Нина пришлась на пору бурной общественной и политической активности, главную роль в которой играл революционный синдикализм. Всеобщая революционная стачка в августе 1917 года, яростная борьба между каталонскими промышленниками и трудящимися, объединенными в НКТ и, наконец, русская революция оказали огромное воздействие на молодого журналиста. Через несколько месяцев после вступления в Социалистическую партию (вместе с Антонио Фабра Ривасом он был введен в редакцию «Интернасьонала»), Нин перешел на позиции революционного синдикализма.

Хотя Барселона считается родиной испанского социализма, он не обрел там серьезной опоры, и почти все рабочее движение контролировалось НКТ. В то время лишь революционный синдикализм способен был мобилизовать широкие массы пролетариата и решительно отстаивать интересы трудящихся.

В 1918 году Нин уходит из агентства «Фабра» и создает профсоюз работников свободных профессий в составе НКТ. Его талант, самоотверженность и замечательные человеческие качества обеспечили ему место в штабе революционного синдикализма. Он стал близким другом Сальвадора Сеги, которого всегда считал самым видным деятелем испанского рабочего движения; тесно сотрудничал с Анхелем Пестаньей, Эвелио Боалем, Давидом Реем, Мануэлем Буэнакасой, Хоакином Маурином и другими профсоюзными руководителями.

В декабре 1919 года в мадридском Театре комедии состоялся второй национальный конгресс НКТ. Его делегаты, представлявшие 700 тысяч организованных рабочих, сосредоточили внимание на двух проблемах: единство действий с ВСТ и вступление в Коммунистический Интернационал, образованный в Москве несколькими месяцами ранее. Победоносная Октябрьская революция 1917 года в России оказала большое влияние на Испанию, особенно на рабочее движение страны. В 1917-1921 гг. основными вопросами, которые обсуждались в рабочих организациях, были солидарность с русской революцией и III Интернационал. Вспоминая то время, Мануэль Буэнакаса в своей книге «Испанское рабочее движение» писал: «Какой испанский анархист погнушался бы назвать себя большевиком?»[2].

Роль Нина на конгрессе сложно переоценить. Энергично поддерживая предложение о вступлении в III Интернационал, он говорил:

> «Я фанатик действия, революции; я больше верю делам, чем отвлеченным идеологиям и абстрактным рассуждениям. Я восхищаюсь русской революцией, потому что она реальна. Я за III Интернационал, ибо он тоже реален, ибо он выше идеологий и является почином действия, почином сотрудничества всех подлинно революционных сил, которые стремятся к немедленному торжеству коммунизма. Вот почему я, бывший членом Социалистической партии до того самого дня, когда она на своем конгрессе решила остаться во II Интернационале, объявляю всем всем, мои испанские товарищи, что всегда останусь революционером; как только Испанская Социалистическая партия решила держаться за устаревшие нормы, я вышел из нее, чтобы участвовать вместе с вами в классовых боях».

Конгресс поддержал точку зрения Нина и его товарищей и принял решение «временно присоединиться к III Интернационалу, ибо он является революционной организацией»[3].

Некоторое время спустя национальный комитет НКТ избрал делегацию из трех человек, которым предстояло отправиться в Москву. Однако лишь Анхело Пестанье удалось добраться до СССР в конце июня 1920 года. Он поддержал создание Интернационала красных профсоюзов и вместе с Лениным, Троцким и Бухариным поставил свою подпись под манифестом II конгресса Коммунистического Интернационала.

В 1919-1921 гг. Нин активно работал в НКТ. То были, бесспорно, самые суровые годы для рабочего и синдикалистского движения, по крайней мере, в Каталонии. Окончание мировой войны изменило экономическую ситуацию. Буржуазия больше не могла извлекать сверхприбыли, как в 1914-1918 гг. Каталонские промышленники, которым не давало покоя мощное и боевое рабочее движение, создали в 1919 году подконтрольные им «Свободные профсоюзы»; нанятые ими наемные убийцы при попустительстве гражданских и военных властей расстреливали наиболее видных рабочих активистов. Их жертвами пали Сальвадор Сеги, Эвелио Боаль и многие их товарищи. В марте 1921 года, после убийства Боаля Нин сменил его на посту генерального секретаря НКТ На него и Канелу, еще одного лидера НКТ, также было устроено покушение. Канела погиб, а Нин, почувствовав опасность, упал на землю — это спасло его от пули террориста. Подобно другим руководителями НКТ, он не раз арестовывался, нередко уходил в подполье. В этот драматический период Нин сумел оказать решающее влияние на позиции и деятельность профсоюза.

В апреле 1921 года НКТ нелегально провела свою национальную пленарную ассамблею. Российские руководители предложили профцентру прислать делегацию для участия в III конгрессе Коминтерна и учредительном конгрессе Интернационала красных профсоюзов, призванного объединить революционные профсоюзы всего мира. Приглашение было принято, и ассамблея избрала делегацию в составе Андреса Нина, Хоакина Маурина, Иларио Арландиса и Хесуса Ибаньеса. Хотя после возвращения из России Анхеля Пестаньи число противников III Интернационала в НКТ существенно возросло.

Маурин рассказывал, что они с Нином вместе ехали до самой Москвы без документов[4]. В Париже их встретил Пьер Монат, издатель еженедельной профсоюзно-коммунистической газеты «Ви увриер» и один из наиболее уважаемых деятелей французского рабочего движения. Он помог им перейти франко-германскую границу.

В Берлине Маурин и Нин встретились с руководителями немецкой анархо-синдикалистской организации Рудольфом Роккером и Фрицем Каррером, а также с молодым писателем Теодором Пливье.

> «Немецкая полиция была настороже, искала подозрительных испанцев, рассчитывая на вознаграждение в миллион песет, обещанных испанским правительством за содействие в поимке террористов, которые в марте того года убили в Мадриде председателя совета министров Эдуардо Дато»[5].

Пришлось удвоить бдительность. Советское посольство подготовило необходимые бумаги. Делегаты с документами «русских репатриантов» продолжили свой нелегкий путь: они отправились в Штеттин, откуда немецкий пароход довез их до Ревеля, а далее специальный поезд через Петроград доставил их в Москву.

Стояло лето 1921 года. Красная армия, созданная Троцким на основе добровольческих рабочих отрядов, победила белогвардейцев и иностранных интервентов. Но экономическое положение страны оставалось очень тяжелым. Поражение спартаковского восстания и с ним — немецкой революции отдалило перспективы революции европейской. Ленин и Троцкий сознавали это точно так же как те, кто поднял в знамя большевизма в Европе.

Нин, Маурин, Арландис и Ибаньес прибыли в Москву как представители массовой рабочей организации, что выделяло их среди других делегатов, не игравших большой роли в своих странах. Российские революционные руководители оказали им теплый и радушный прием. Виктор Серж так вспоминал о прибытии испанской делегации в опубликованной в 1937 году статье «Прощальное слово Андресу Нину»[6]:

> «Нин приехал из Барселоны. Он молод, худощав, у него густые волнистые волосы, глаза весело поблескивают из-за очков, в звучном голосе чувствуется твердость. Нин объясняет мне, что он не анархист, а только синдикалист. Никаких утопических идей, только стремление овладеть производством и организовать его. Мы вновь встречаемся на конгрессе, в Кремле, в Колонном зале Дома союзов. Нин в белой рубашке с распахнутым воротом, чеканный профиль, сердечность. Вечером мы вновь видимся в комнате Маурина в гостинице „Люкс", говорим об искусстве, Красной армии, красном терроре, организации, всех важнейших проблемах. Это не просто слова, речь идет о жизнях; в первую очередь, о наших собственных, которые мы неразрывно связали с судьбой революции».

На вечере памяти Андреса Нина в 1954 году в Париже Альфред Росмер, один из наиболее последовательных деятелей французского рабочего движения и Коммунистического Интернационала, также вспомнил о прибытии испанской профсоюзной делегации в Москву:

> «Одним из эпизодов конгресса, оставившим по себе приятное воспоминание, был приезд испанской делегации в составе Нина, Маурина, Арландиса и Ибаньеса. В 1920 году НКТ представлял Пестанья, прибывший в Москву с мандатом НКТ, которая на своем последнем конгрессе решила вступить в Коминтерн и высказалась в поддержку диктатуры пролетариата. Но Пестанья принадлежал к категории профсоюзных руководителей, парализованных анархистской критикой. В Москве он подпал под влияние российских анархистов, откровенно враждебных советскому режиму, и покинул Россию противником Профинтерна, того самого

Интернационала, созданию которого он способствовал. Новые делегаты, приехавшие в Москву, были иного закала: они олицетворяли новое поколение синдикалистов, менее расположенных к нескончаемым дискуссиям и лучше подготовленных к пониманию смысла Октябрьской революции. Четверо делегатов были молоды, серьезны и скромны; они сразу же расположили к себе других участников конгресса. Выступления Нина обратили на себя внимание. В нем чувствовались задатки вождя, если понимать под таковым человека, способного принимать решения. Секретарь Профинтерна Лозовский сразу же оценил выдающиеся личные качества Нина. Когда НКТ в конечном итоге решила не вступать в Профинтерн, Лозовский предложил ввести Нина в секретариат Интернационала. Фактически Нин стал правой рукой генерального секретаря Профинтерна и вскоре сделался одной из самых влиятельных фигур в руководстве организации. Неутомимый труженик, он не упускал возможности пополнить свои знания о международном рабочем движении. Делегаты III конгресса пришли в радостное изумление, когда Нин выступил с сообщением на всех языках стран-участниц, в том числе на русском»[7].

В своем эссе «О коммунизме в Испании» Хоакин Маурин соглашается с Виктором Сержем и Альфредом Росмером:

«Делегация НКТ сыграла первостепенную роль на конгрессе, одной из главных фигур на котором стал Нин. <...> Нин, Арландис, Ибаньес и Маурин — ни один из них не был в то время коммунистом, однако все они действовали в полном согласии, как единая *команда»* [8].

Испанские делегаты просили главу ЧК Дзержинского и самого Ленина освободить заключенных в тюрьмы русских анархистов. У них состоялись встречи с Лениным, Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Радеком, Рыковым и другими руководителями большевиков. Затем Маурин, Арландис и Ибаньес возвратились в Испанию.

Маурин выступил с отчетом о работе испанской делегации в Москве на пленарной ассамблее НКТ в Лериде в октябре 1921 года. Отчет был одобрен единодушно. Однако в июне 1922 года конференция НКТ в Сарагосе под давлением анархистов приняла решение выйти из Интернационала красных профсоюзов.

В сентябре 1921 года Нин, возвращавшийся в Испанию, был арестован в Берлине по просьбе мадридского правительства в связи с убийством Дато, к которому он не имел ни малейшего отношения. Немецкое правительство в про:ьбе об экстрадиции отказало, и в январе 1922 года Нин вышел на свободу. После этого он возвратился в Москву, чтобы продолжить работу в секретариате Интернационала красных профсоюзов.

В СССР и Исполкоме Коминтерна

Андрес Нин прожил в Москве около 9 лет, с 1921 по 1930 гг. Согласно Росмеру, чье свидетельство не вызывает сомнений, эти годы «оказали огромное влияние на его образ мыслей». Вся жизнь его в то время была неразрывно связан с Красным Интернационалом профсоюзов. Предоставим вновь слово Росмеру, который утверждал, что Профинтерн отнюдь не служил

«боевым орудием Москвы, используемым с целью расколоть профсоюзные организации по всему миру, как то нередко повторяют. Он отвечал важнейшей по-

требности, искреннему желанию трудящихся всех стран. Как и Социалистический Интернационал, Международный секретариат профсоюзов в 1914 году раскололся. Руководители его секций оказались настолько тесно связаны с политикой войны, проводимой правительствами их стран, что их взаимная враждебность затронула и сами профсоюзы. Некоторые активисты считали, что прежняя форма организации устарела, и требуется новая.

Как известно, Ленин не разделял подобной точки зрения. Мы, революционные синдикалисты, тем более. На наш взгляд, не следовало ни отказываться от профсоюзов вообще, ни отдавать их на откуп реформистским лидерам; нужно было вырвать руководство из рук последних в повседневной борьбе, действуя в рамках профсоюзной демократии. В 1920 году мы были преисполнены уверенности в себе и с надеждой смотрели в будущее. Революционные синдикалисты Испании и Италии, не колеблясь, проголосовали за вступление в III Интернационал, и даже там, где вожди-реформисты сохранили за собой руководящие позиции, решительные и все более влиятельные группы меньшинства позволяли надеяться на создание в ближайшем будущем мощного и подлинного Интернационала благодаря объединению всех новых сил вокруг временного совета, образованного в Москве в июне 1920 года»[9].

Полученный за годы работы в НКТ опыт побуждал Нина разделить эту точку зрения. Все свидетельства, которые нам удалось собрать, подтверждают, что он с энтузиазмом взялся за работу в Интернационале красных профсоюзов. Задачу ему облегчили хорошие отношения, сложившиеся у него с Соломоном Лозовским и лидером советских профсоюзов Михаилом Томским, а также с Лениным, Троцким, Бухариным и Зиновьевым.

Подборки журналов «Красный Интернационал профсоюзов», «Коммунистический Интернационал» и «Корреспонданс энтернасьональ» за эти годы дают представление об огромной работе, проделанной Нином. Там можно найти его превосходные, тщательно документированные статьи на самые различные темы: «I Интернационал в Испании», «Борьба за единство в романоязычных странах», «Экономический кризис и профсоюзное движение», «Вопросы организации во французском профсоюзном движении», «Стачка английских горняков (1926)». Кроме того, Нин опубликовал ряд брошюр по профсоюзной тематике на французском, немецком и русском языках.

То было счастливое время свободного созидания. Пора чиновников и бюрократов еще не настала. Существовала свобода дискуссий, борьба течений происходила в атмосфере товарищества и взаимоуважения. По словам Росмера, до 1924 года Нин не сталкивался с препятствиями в своей работе, однако затем ситуация переменилась:

«„Большевизация", навязанная Зиновьевым, затронула и Профинтерн, где ее проведение удалось на некоторое время затормозить. Но вскоре положение существенно ухудшилось. Люди, которых Зиновьев расставил на ответственные посты, были невеждами, отличавшимися друг от друга лишь степенью раболепия. Тогда Нин развил бурную деятельность, ездил в Италию и Германию, где был арестован. Со складыванием диктатуры Сталина работать Нину становилось все труднее, и наш светлой памяти товарищ перешел в оппозицию. Его постепенно отстранили от активной работы. Но Лозовский всегда продолжал советоваться с ним по текущим вопросам»[10].

Как в благоприятные моменты, так и в трудные часы Нин не ограничивался работой в Интернационале красных профсоюзов. Он с живым интересом следил за событиями в Испании. Регулярно писал статьи для газет «Луча сосиал» (Лерида) и «Баталья» (Барселона), основанных Хоакином Маурином и Пере Бонетом органах Революционных синдикалистских комитетов, которые сохраняли верность знамени русской революции и III Интернационала. На протяжении многих лет дом Нина в Москве был открыт для коммунистов и вообще для тех, кто приезжал из Испании, от такого образчика политического непостоянства, как Жозеп Пла, до Франсеска Масиа и Хосе Бульехоса, многолетнего генсека КПИ*. Он помогал им с переводом и выступал в качестве посредника в отношениях с советским правительством и Коминтерном.

В 1925 году группа каталонских националистов, эмигрировавших во Францию, решила обратиться к Коммунистическому Интернационалу и советскому правительству за поддержкой в организации революционного выступления, которое положило бы конец диктатуре Примо де Риверы и монархии Альфонса XIII**. Поездку представителя этой группы Ф. Масиа в СССР организовало представительство КПИ в Париже. Масиа пробыл в Москве с 24 октября по 28 ноября 1925 года. Нин помогал каталонскому лидеру как переводчик и устроил ему встречу с Зиновьевым, в то время председателем Исполкома Коминтерна ***. Задуманная беседа с Троцким не состоялась, так как его в то время не было в столице. Масиа просил срочно оказать помощь в подготовке вооруженного выступления, подобного тому, что вскоре произошло в Пратс-де-Мольо [11]. Руководители Коммунистического Интернационала выразили солидарность с борьбой каталонцев за самоопределение, однако посоветовали начать с политического выступления, которому бы предшествовала массированная пропагандистская кампания. Масиа покинул Москву разочарованный, но очень довольный Нином, который приложил все усилия, чтобы помочь его хлопотам.

В начале 1925 года Коммунистическая партия Испания была практически полностью разгромлена. Ее руководители находились за решеткой, репрессии режима Примо де Риверы обрекали ее на бездействие. В этой ситуации заключенные в Барселонской тюрьме коммунисты выступили с инициативой формирования в Париже нового руководства, способного реорганизовать партию. Коминтерн возложил эту задачу на Нина, который отправился в Париж, был там арестован, приговорен к месяцу заключения и затем выслан из Франции.

Нин выполнял и другие поручения подобного рода. В январе 1924 года, в день смерти Ленина, он находился в Риме и участвовал в совещании ЦК Итальянской коммунистической партии в качестве спецпредставителя Исполкома Коминтерна. На него же была возложена организация первой латиноамериканской профсоюзной конференции.

Все, кто знал Нина, признавали, что он превосходно адаптировался к жизни в России. Он женился на русской девушке Ольге Тареевой, у них родилось

*Х. Бульехос был генеральным секретарем ЦК КПИ в 1925-1932 гг. — *Прим. ред.*

** Диктатура М. Примо де Ривера существовала в 1923-1930 гг. Король Альфонс XIII правил в 1902-1931 гг. — *Прим. ред.*

*** Г. Е. Зиновьев возглавлял Коминтерн в 1919-1926 гг. — *Прим. ред.*

две дочери, Ира и Нора. Он бегло говорил и писал по-русски, восхищался классиками русской литературы и старательно изучал их творчество в редкие часы досуга, мечтал перевести их книги на каталонский и испанский языки. Кроме того, он был буквально без ума от русского народа, неизменно восхищался его прямотой, человечностью, простотой и революционным энтузиазмом. Его глубоко волновали народные танцы, музыка, поэзия. В особенностях русского характера он находил немало сходства с чертами народов Каталонии и Испании.

Будучи пылким и бескомпромиссным интернационалистом, Нин, тем не менее, выступал против космополитизма, проповедуемого снобами от революции. Свою работу в СССР и международном коммунистическом движении он мыслил как вклад в дело мировой революции, освобождения рабочего класса, но никогда не забывал о том, что корни его — в Каталонии, в Испании. По существу, он готовился сыграть ту роль, что была уготована ему в испанской революции.

Когда в ВКП(б) началась борьба разных течений, Нин без колебаний стал на сторону оппозиции. Как писал Виктор Серж, он был в числе тех, кто отстаивал в большевистской партии право мыслить и говорить, ратовал за реформирование режима, установление рабочей демократии[12].

Как не раз случалось в его жизни, Нин избрал нелегкий и неблагодарный путь сопротивления бюрократизации и угнетению. Человек, гордившийся тем, что одним из первых поднял в Испании знамя Октября, связал свою судьбу с людьми, выступавшими против антимарксистского тезиса о «построении социализма в одной стране», за сохранение подлинного духа большевизма.

Член ВКП(б), депутат Моссовета, лидер Профинтерна — Нин поддержал платформу левой коммунистической Оппозиции и активно участвовал в ее деятельности, в частности, вышел на массовую демонстрацию в Москве 7 ноября 1927 года.

В 1926 году, когда Оппозиция создала международную комиссию для пропаганды своих идей по всему миру, Нин стал одним из ее руководителей наряду с Радеком, Харитоновым, Сержем и Степановым (будущим агентом Сталина в Испании). Когда начались исключения из партии, чистки и ссылки, Нина вывели из секретариата Профинтерна и поселили под надзором ГПУ в московской гостинице «Люкс». По словам Виктора Сержа и Альфреда Росмера, от ссылки его уберегло то, что он был испанцем и пользовался большим уважением в международном коммунистическом движении — Сталин пока еще не осмеливался подвергать преследованиям иностранных активистов.

В своих воспоминаниях Виктор Серж пишет, что в самые тяжелые минуты Нин не терял надежды и бодрости духа. В разгар репрессий он «отправлял преследуемым посылки, собирал заметки о Марксе, переводил Пильняка на каталанский»[13].

Росмер сообщает, что Нин использовал «вынужденный отпуск» для продолжения работы и учебы. Он написал ответ на работу о «диктатурах» лидера каталонской буржуазии Франсеска Камбо. В то время в Испании правил диктатор Прима де Ривера. Диктатуру его нельзя было назвать стабильной. Когда и как предстояло ей пасть? Этим вопросом и задавался Камбо, опасавшийся,

что массовое движение сметет ее и возьмет курс на социалистическую революцию. В ответ Камбо Нин написал книгу «Современные диктатуры». Предисловие к каталонскому изданию датировано: «Москва, март 1930 года»[14]. Однако перевод на испанский вышел в Барселоне с предисловием, датированным 16 октября 1930 года [15]. В промежуток между этими двумя изданиями Нин оказался вынужден покинуть Россию.

193) явился годом «великого перелома», когда Сталин начал избавляться от «правых», которые до того времени поддерживали его. Нин полагал, что его задачи в СССР завершены, и отныне место его — в Испании, где начинался новый революционный процесс. Он попросил разрешения возвратиться на родину, однако бюрократы стали всячески затягивать дело. Нин, не желая более ждать, обратился за советом к Виктору Сержу. Автор «Рождения нашей силы» [16] в годы Первой мировой войны жил в Барселоне, работал с Сальвадором Сеги, разделял надежды и разочарования Нина.

Во время поездки к Сержу в Ленинград Нин принял решение обратиться в ЦК с письмом, тон которого не оставил бы выбора: либо бросить его в тюрьму, либо разрешить уехать[17]. ЦК позволил ему покинуть СССР, но запретил брать с собой жену и дочерей. Тогда Ольга Нин написала Лозовскому, угрожая покончить с собой, если ей не позволят последовать за мужем.

В итоге бюрократы уступили. Нин с семьей выехал из СССР и прибыл в Париж. Находясь в стесненном материальном положении и спеша возвратиться в пролетарскую Барселону, он не задержался во французской столице. Несколькими неделями ранее в Ленинграде он сказал Виктору Сержу:

> «Испанская революция будет сопряжена с неимоверными трудностями» [18].

Возвращение в Испанию. Республика

Андрес Нин приехал в Барселону в октябре 1930 года, через месяц после первой всеобщей забастовки, организованной НКТ (которая полностью восстановила свои ослабленные репрессиями силы), и за два месяца до восстания в Хаке* и декабрьской всеобщей стачки. Диктатура Примо де Риверы пала 28 января. Правительство генерала Беренгуэра пыталось предотвратить крушение монархии. Испанская революция началась**. Рабочее движение заявило о себе как о мощной силе и действовало энергично.

Нину исполнилось тридцать восемь лет. Он приехал с огромным багажом знаний и опыта работы в международном рабочем движении. Однако перед ним встали две серьезные проблемы: необходимость зарабатывать на жизнь и найти свое место в испанском рабочем движении. Первую из них Нин разрешил как мог, погрузившись в утомительный труд по переводу русских классиков на каталонский и испанский языки. Переведенные ранее работы Л. Троцкого и известность, которую обеспечила ему книга «Современные диктатуры», окрыли перед ним двери крупнейших издательств. Вторая же

* Неудачное восстание республиканцев в 1930 году. — *Прим. ред.*

** Начало революции в Испании датируют 12 апреля 1931 года, когда была свергнута монархия. — *Прим. ред.*

проблема оказалась крайне затруднительной. Нин поддерживал тесные связи с Троцким и входил в руководство Левой оппозиции. Однако в Испании все складывалось отнюдь не просто. Нин писал Троцкому, который в то время жил в Турции, на острове Принкипо:

«1. Официальная [коммунистическая] партия не располагает никакими реальными силами, [ее] авторитет в массах равняется нулю.
2. Коммунистические федерации Каталонии и Валенсии <... > были исключены из партии и <...> фактически, вместе с наиболее влиятельными группами в Астурии и других местах, представляют собою отдельную партию.
3. Каталонская коммунистическая партия <... > обладает неплохой руководящей командой, <...> пользуется определенным влиянием среди портовых рабочих Барселоны и преобладает в рабочем движении Лериды.
4. Левая оппозиция <...> в Каталонии совершенно бессильна»[19].

В первые месяцы пребывания в Испании Нин восстановил прекрасные отношения с Хоакином Маурином, своим товарищем и другом с 1919 года, а также с Каталонско-Балеарской коммунистической федерацией.

В письмах Троцкому он берет под защиту Маурина, которого называет «очень умным и, главное, очень цельным товарищем»[20], чьи взгляды близки к идеям Левой оппозиции. В январе 1931 года Нин, ставя вопрос о вступлении в Каталонскую федерацию, пишет Троцкому:

«Андраде и Лакрош, наши лучшие люди в Испании, разделяют мою точку зрения»[21].

На совещании, состоявшемся в Энциклопедическом обществе Барселоны в мае 1931 года, после провозглашения Республики, Каталонская федерация пригласила Нина вступить в ее ряды. Он готов был уже согласиться, однако по возвращении из поездки в Мадрид и Астурию получил от Троцкого сообщение, немало его удивившее. Нин отреагировал на него следующим образом:

«Ваш уклончивый ответ показывает, что мое искреннее желание способствовать необходимому объединению коммунистических сил не нашло у вас должного понимания».

Затем, после публикации платформы Рабоче-крестьянского блока, массовой организации, где ведущую роль играла Каталонская федерация, и выступления Маурина в мадридском Атенее, за которым последовала полемика Нина с лидером РКБ, отношения между ними прекратились. Мероприятия в Атенее, в то время служившем главным политическим форумом Испании, показали всей стране, что Нин, автор «Современных диктатур», и Маурин, автор «Людей диктатуры»[22], являются двумя наиболее выдающимися деятелями коммунистического движения Испании. Но, к несчастью, вплоть до образования Рабочего альянса им суждено было идти разными путями.

Не оставляя литературную работу, Нин занялся организацией «Левых коммунистов Испании», испанской секции троцкистской Международной левой оппозиции. Это была небольшая кадровая организация, которая с июня 1931 года стала издавать теоретический журнал «Комунисмо», пользовавшийся определенным влиянием. Позднее Нин начал выпускать еженедельник

«Совет». Именно в этих изданиях он опубликовал большинство своих эссе, написанных в 1931-1934 гг. ЛКИ, следовавшие общей стратегии Международной оппозиции, поставили себе целью реформировать Коминтерн и коммунистические партии. Это ограничивало деятельность организации, мешало ей развиваться. Кроме того, будучи активистами маленькой организации, Нин и его товарищи на протяжении ряда лет не имели возможности играть ту роль, которой были достойны.

Помимо собственно политической деятельности, Нин выступал с лекциями в рабочих обществах Астурии и Каталонии. Его курсы политической экономии и истории рабочего движения внесли немалый вклад в марксистское просвещение молодежи. Ни одна из его лекций не была застенографирована, и их помнят лишь те, кто их слышал. Кроме того, Нин написал ряд книг и брошюр: «Пролетариат и испанская революция»[23], «Международные рабочие организации»[24], «Советы: происхождение, развитие и деятельность»[25], «Манчжурия и империализм»[26], «Реакция и революция в Испании»[27], «Движения за национальное освобождение»[28].

Многие интересные политические эссе Нина были напечатаны в «Левиафане», социалистическом журнале, который издавал Луис Аракистайн. Лидер ЛКИ написал также предисловия к нескольким книгам, выпущенным Международной левой оппозицией, среди которых — «Реальное положение в России» Л. Троцкого[29] и «Критика синдикализма» Плеханова[30]. Кроме того, он перевел ряд статей и книг Троцкого, в том числе монументальную «Историю русской революции»[31].

Двумя главными работами Нина бесспорно являются «Современные диктатуры» и «Движения за национальное освобождение».

Обе они написаны на каталанском, и это не лишне подчеркнуть, учитывая крайнюю малочисленность марксистской литературы на этом языке. Первая книга содержит анализ фашизма и характерных для современного капитализма форм господства; она представляет собой ответ с позиций марксизма на книгу Франсеска Камбо. Даниэль Герен признавал, что при написании своей работы «Фашизм и крупный капитал»[32] он многое почерпнул в книге Нина (ее перевод на французский, выполненный Пьером Навилем, остался неизданным).

«Движения за национальное освобождение» представляет собой труд в своем роде уникальный. В нем Нин исследует и подвергает критике различные позиции классиков марксизма и основных течений в рабочем движении в отношении острой национальной проблемы. Он работал над книгой в Барселоне в августе-октябре 1934 года. Впервые она вышла в 1935 году в издательстве «Проа»[33]. Автор намеревался подготовить второй том, посвященный детальному анализу национального вопроса в Испании. Гражданская война помешала осуществлению его планов. Не успел Нин и написать биографию Сальвадора Сеги, в которой собирался подчеркнуть значение этого деятеля для профсоюзного движения 20-х гг.

Нин занимался и чисто литературной работой — переводом на каталанский и испанский языки произведений великих русских классиков. Но и здесь ему не хватило времени для завершения своих широкомасштабных проектов.

И все же он успел перевести несколько книг Льва Толстого, Достоевского, Тургенева и Чехова. Когда разразился военно-фашистский мятеж, у Нина был подписан контракт с издательством «Агилар» на перевод основных произведений русской литературы. Его переводы на каталанский язык (некоторые из них были в последние годы переизданы в Барселоне) представляют собой бесспорные образцы художественного творчества и навсегда вписаны в каталанскую литературу.

Однако Нин не ограничивался только переводами, он собирался написать литературно-критические эссе о Чехове, Тургеневе, Толстом и других великих русских писателях. Политическая деятельность не позволила ему завершить эту работу.

Создание Рабочего альянса в январе 1934 года обозначило новый этап в жизни Нина. Еще до победы фашизма в Германии ЛКИ и РКБ энергично критиковали сталинскую политику объявления социал-демократии и фашизма «близнецами-братьями», которая исключала формирование единого рабочего фронта против Гитлера и его эпигонов. После капитуляции немецкого рабочего движения без боя, в разгар «черного двухлетия»*, несмотря на все угрозы правительства Лерруса-Хиля Роблеса, в Каталонии по инициативе РКБ возникло массовое объединительное движение среди левых. Оно вылилось в создание Рабочего альянса, который образовали Всеобщий союз трудящихся (Вила Куэнка), Социалистический союз Каталонии (Мартинес Куэнка), ЛКИ (Андрес Нин), РКБ (Хоакин Маурин), ОСПК** (Рафаэль Видьелья), оппозиционные профсоюзы в НКТ (Анхель Пестанья)***, Федерация профсоюзов, исключенных из НКТ (Пере Бонет) и Союз земельных арендаторов (Жозеп Кальвет).

Отныне Нин обрел поле деятельности, соответствовавшее его дарованиям и энергии. Рабочий альянс, в который не вошли ни НКТ, ни малозначительная компартия, развернул мощную агитационно-пропагандистскую кампанию. Нин получил возможность донести свои позиции и идеи до миллионов трудящихся. Стремление к созданию единого рабочего фронта охватило всю страну. Примеру Каталонии последовали Астурия, Валенсия, где удалось даже привлечь НКТ, и, наконец, Мадрид. Совместная деятельность в Рабочем альянсе позволила сгладить разногласия между РКБ и ЛКИ и разрешить вопрос об объединении независимых коммунистов.

Когда нависла фашистская угроза, рабочее движение отреагировало решительно — в октябре 1934 года произошла революция****. 4 октября на историческом совещании входивших в Рабочий альянс каталонских организаций, которое состоялось в Центре работников торговли и промышленности Барселоны, Маурин и Нин, несмотря на все разногласия между ними по поводу лозунгов момента, — предстали бесспорными лидерами рабочего движения.

* Период правления правой коалиции в 1933-1935 гг. — *Прим. ред.*

** В это время ОСПК еще не существовала, коммунисты и социалисты Испании объединились только в 1936 году Здесь имеется в виду каталонская организация

*** А. Пестанья и его товарищи (триентисты) в 1933 году вышли из НКТ. — *Прим. ред.*

**** Имеются в виду стачка и восстание в Каталонии, Астурии и некоторых других регионах. — *Прим. ред.*

Рабочий альянс организовал несколько массовых демонстраций и объявил в Каталонии всеобщую стачку. Однако движение не добилось успеха, поскольку Правительство Каталонии капитулировало без боя, а НКТ не захотела мобилизовать свои силы.

Нин шел во главе демонстраций, активисты РКБ и ЛКИ до самого конца боролись с оружием в руках в окрестностях Барселоны. После поражения выступления Нин ушел в подполье, где стал издавать газету «Эстрелья Роха».

Основные уроки поражения 1934 года не вызывали сомнений. Вот как резюмировал их Нин в своей газете:

> «Революционной армии не доставало штаба, компетентных, внимательных и опытных командующих. Без революционной партии победа революции невозможна»[34].

С тех пор Нин посвятил все свои силы созданию подобной партии. Во время дискуссий в Рабочем альянсе возникли две точки зрения. Первая состояла в том, чтобы создать исключительно каталонскую организацию на основе компромиссной платформы (ее поддерживала, в первую очередь, небольшая коммунистическая партия). Вторая — которую отстаивал Нин — требовала объединения революционных марксистов в общеиспанскую партию. После долгих обсуждений РКБ и ЛКИ решили вместе образовать ПОУМ. Нин и Маурин написали программные тезисы для новой партии, которые были предложены на рассмотрение объединительному съезду (Барселона, 1935 год), и выпустили брошюру «Что такое ПОУМ и чего она хочет»[35], где разъяснялись основные позиции новой политической силы.

ПОУМ представляла собой не что-то неизменное и окончательное, а, скорее, — первое последовательное усилие на пути создания массовой революционной партии. В ее ряды совершенно логично влились поборники марксизма в Каталонии и основоположники коммунизма в Испании: Хоакин Маурин и Андрес Нин, Хуан Андраде и Луис Портела, Хулиан Горкин и Луис Гарсиа Паласиос, Пере Бонет и Давид Рей. Понятно, что это придало авторитет новой партии на национальном и международном уровнях. В то время как в Европе и Америке революционные марксисты были расколоты на множество партий и течений, ПОУМ являла собой пример единения.

В этой связи необходимо отметить, что последнему немало способствовал разрыв ЛКИ с Лигой коммунистов-интернационалистов под руководством Л. Троцкого. Международное троцкистское движение переживало кризис. Поскольку его влияние в подлинно рабочем движении было минимальным, Троцкий предложил вступать в социалистические партии с целью радикализации их левых течений и обретения большего влияния в массах трудящихся. В сентябрьском номере журнала «Комунисмо» за 1934 год Нин и его товарищи заявляли:

> «Гарантия будущего — в едином фронте, но и в органической независимости пролетарского авангарда. Никоим образом не допустимо во имя сиюминутной пользы сливаться в аморфный конгломерат, который распался бы при первом же столкновении с действительностью. Как бы ни было это для нас печально и мучительно, мы склонны придерживаться этих принципов, которым учил нас наш лидер, даже в том случае, если наши с ним пути временно разойдутся».

По сути, Нин и ЛКИ вступили в политический и организационный конфликт с Троцким и Международной левой оппозицией. В 1934 году троцкистский поворот в сторону социал-демократии усугубил разногласия. Для Нина и его товарищей не могло и речи идти о вхождении в ИСРП в качестве фракции. Единственным возможным и реальным путем было объединиться с РКБ, еще одной революционной марксистской организацией, чтобы стать достойной силой, тесно связанной с рабочим движением. События подтвердили правоту этой точки зрения. ПОУМ стала ведущей рабочей партией в Каталонии и получила быстрое развитие в Леванте, Эстремадуре, Астурии, Галисии, Бискайе и Мадриде. И хотя ей не хватило времени, чтобы упрочить свои позиции по всей Испании, она заняла определенное место в рабочем движении страны.

ПОУМ изначально отличалась от других пролетарских сил ясностью своих политических и теоретических позиций. По ее мнению, 1936 году предстояло стать «ключевым»[36]. Испанская революция должна пойти по «демократическому и социалистическому» пути. Альтернатива ясна: социализм или фашизм. Рабочий класс должен взять власть; поскольку это невозможно мирным путем, ему следует поднять вооруженное восстание. Революция требует единства трудящихся, то есть «рабочего альянса», который уже показал себя в Астурии в 1934 году. Испания должна быть преобразована в Иберийский союз социалистических республик. Поскольку существующие Интернационалы потерпели поражение, необходимо стремиться к мировому единству социалистических революционных сил на новых основах. Андрес Нин, внесший немалый вклад в разработку политики партии, возглавил теоретический журнал ПОУМ «Нуэва Эра» и занял ведущее место в ее исполкоме.

Когда профсоюзы Лериды, Таррагоны и Жероны, исключенные из НКТ из-за того, что их возглавляли поумисты, объединились с другими независимыми профсоюзами в Рабочую федерацию профсоюзного единства (РФПЕ), Нин стал генеральным секретарем новой организации. Бывший генеральный секретарь НКТ и лидер Интернационала красных профсоюзов занял должность, которая была ему по плечу как никому другому. Вопреки утверждениям многих современников, создание РФПЕ вовсе не являлось маневром, направленным на раскол профсоюзного движения. Она включала в себя сотни профсоюзов, не нашедших себе места в НКТ и ВСТ. У нее была лишь одна цель: объединить рабочие организации в единый профцентр[37]. На протяжении всего 1935-го и первых месяцев 1936 года Нин отдавал все силы партийной и профсоюзной работе и был вынужден почти совершенно оставить литературную деятельность.

В начале 1936 года подъем Народного фронта, пропагандируемого Москвой и сталинистами, существенно ограничил поле деятельности Рабочих альянсов. Социалисты постепенно становились на его сторону и на выборах 16 февраля образовали блок с республиканскими партиями. ПОУМ по-прежнему отстаивала позиции рабочего фронта. Однако накануне выборов перед ней стала альтернатива: присоединиться к избирательному блоку, который призывал освободить 30 тысяч заключенных (арестованных в ходе подавления октябрьской революции 1934 года) либо порвать с массовым движением и другими рабочими организациями. Партия выбрала первое.

Выступая против и парламентского, и антипарламентского кретинизма, ПОУМ рассматривала свое участие в избирательной кампании как мощное средство ведения пропаганды среди трудящихся масс:

> «Эта позиция правильна, — писал Нин в брошюре „Что такое ПОУМ и чего она хочет", — Ленин допускал ситуационные альянсы с радикальной буржуазией. Но между подобной позицией и той, что проводится с недавних пор Коммунистическим Интернационалом, то есть Народным фронтом, который приковывает рабочее движение к буржуазии, — пропасть»[38].

Комиссия по выборам в Мадриде определила Нина кандидатом в депутаты от города Теруэль, где ПОУМ не пользовалась влиянием, и отвергла просьбы включить его в избирательные списки в Кастильоне или Астурии, где он был известен и популярен, а партия представляла собой реальную и авторитетную силу. Аналогичная комиссия в Каталонии прибегала к всевозможным маневрам, лишь бы от региона прошел в парламент только один представитель ПОУМ — им оказался Маурин, избранный от Барселоны[39]. Лерида, оплот партии, не имела ни одного депутата от нее. Все эти бюрократические ухищрения помешали Нину стать представителем трудящихся в парламенте, избранном в 1936 году. Однако он участвовал в массовых митингах, где отстаивал революционные позиции и программу своей партии. В журнале «Нуэва Эра» он разъяснял смысл выборов[40]. После выборов ПОУМ продолжила проводить собственную, независимую политику.

Тактика ПОУМ была очень удачной и почти не встретила критики — против нее выступил лишь Троцкий, который на основе непроверенной информации заявил, что партия Нина вошла в Народный фронт. В то самое время, когда он опубликовал свою статью — где как будто позабыл об опыте большевиков, осмысленном Лениным в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», — сталинисты начали кампанию против ПОУМ, обвиняя ее во «враждебности к Народному фронту». Нин не стал отвечать на злополучную статью, за него это сделали события.

Роль Нина в испанской революции

Когда разразился военно-фашистский мятеж, Хоакин Маурин находился в Галисии, в Сантьяго-де-Компостела, где проходила конференция ПОУМ.

В ночь с 18 на 19 июля 1936 года, когда ПОУМ мобилизовала все свои силы на борьбу против мятежников, Нин взял политическое руководство партией на себя. Собравшись в скромной квартире 5-го района Барселоны, руководство ПОУМ приняло решительные меры по координации борьбы, установило связь с военным комитетом, расположенным на площади дель Арко дель Театро поблизости от бульвара Рамблас, а также с активистами, сражавшимися на улицах города под командованием Жозепа Ровиры, Мануэля Гросси и Жерминаля Видаля. Приезжали делегации со всей Каталонии, чтобы обменяться информацией, потребовать оружия и политических директив. Когда военно- фашистский мятеж был усмирен, в отсутствие Маурина, для которого начался долгий крестный путь на территории, занятой франкистами, Нин был назначен политическим секретарем ПОУМ. С этого момента и до своего ареста

сталинской полицией 16 июня 1937 года он осуществлял общее руководство деятельностью партии.

В рабочем движении Каталонии и в политических кругах региона почти не было фигур, сопоставимых с Нином. А потому к нему обращались за помощью в решении самых разных задач. Тем не менее, он не вошел в Комитет милиций Каталонии*, который стал фактически второй властью наряду с Правительством Каталонии, отставшим от революционного процесса, а поначалу вообще являлся основной властью; ПОУМ хотела, чтобы Нин сосредоточился на политическом руководстве партией. Однако он стал членом Экономического совета Каталонии, призванного реорганизовать коллективизированную промышленность и ввести начатки планирования; в этом органе он оказался на первых ролях.

В начале августа 1936 года на митинге в Валенсии Нин оценил происходящие процессы следующим образом:

> «Мы в Испании переживаем глубокие социальные изменения. Я видел русскую революцию и могу вам сказать: наша революция глубже той, что потрясла Россию в 1917 году»[41].

Во время митингов в Барселоне и Лериде Нин неоднократно подчеркивал, что действительность подтвердила теорию «демократической и социалистической» революции: трудящиеся массы «мигом» разрешили проблемы революции демократической (военную, религиозную, национальную, аграрную и др.) и стихийно положили начало ее социалистическому этапу. Теория перманентной революции, намеченная Марксом в 1848 году и разработанная Троцким в 1905-м, в очередной раз оправдала себя. Проблема власти стала центральной, особенно в Каталонии, где решающее влияние НКТ и ПОУМ, а также остро стоявший национальный вопрос, позволили революционному процессу подняться на самый высокий уровень.

Когда Льюис Компаньс, председатель Правительства Каталонии, признал, что власть принадлежит рабочему классу, и дал понять двум анархистским лидерам**, что готов уйти в отставку, ПОУМ, которая установила подлинную рабочую власть в Лериде, где обладала наибольшим влиянием, ясно выразила свою позицию:

> «Формирование рабочего правительства необходимо как никогда; оно должно включать в себя представителей всех пролетарских партий, а также профсоюзных организаций. <...> Очевидно, что подобное правительство может быть лишь временным, призванным подготовить переход к новой системе. Правительство должно выражать интересы широких масс рабочих, крестьян и ополченцев, творцов победы; его миссией станет закладка основ новой пролетарской демократии»[42].

Однако другие организации не разделяли подобную точку зрения. Лидеры НКТ, поддержанные другими общественно-политическими силами, довольствовались созданием в противовес Правительству Каталонии Комитета

* Имеется в виду Центральный комитет антифашистских милиций. — *Прим. ред.*

** В этих переговорах со стороны НКТ участвовали Дуррути, Гарсиа Оливер, Абад де Сантильян, Фернандес и Асенс. — *Прим. ред.*

милиций и Экономического комитета. Позиция Нина и ПОУМ оказалась мнением меньшинства. Это первое отступление должно было повлечь за собою другие и создать условия, благоприятствующие восстановлению буржуазных органов власти. Двоевластие продолжалось несколько месяцев и даже нашло отражение в первом Совете Правительства Каталонии с участием рабочих, который был создан 26 сентября 1936 года.

После бурного обсуждения ПОУМ решила принять участие в этом Совете. И поставила свои условия: рабочее большинство и социалистическая программа. В понимании Нина, развитом впоследствии Куртом Ландау и Нарсисом Молинс и Фабрегой, это означало следующее:

> «Совет Правительства представляет собой смешение органов двоевластия. Однако подобное объединение не может быть долговечным. Либо революционные силы возьмут в свои руки всю власть, либо те, чьим глашатаем выступает каталонский сталинизм, избавят Правительство от неудобных элементов двоевластия»[43].

Нин, ставший советником юстиции*, в своем первом же заявлении подтвердил, что борьба «ведется не между буржуазной демократией и фашизмом, а между фашизмом и социализмом»[44].

Помимо политических выступлений и усилий, направленных на разъяснение трудящимся-анархистам проблемы политической власти, то есть необходимости от «переходного этапа» сделать шаг к правительству рабочих организаций, Нин учредил по всей Каталонии народные суды по образцу тех, что ПОУМ ранее создал в Лериде.

Суды эти включали по одному представителю от каждой организации и являлись более демократическими структурами, чем Совет Правительства, ибо давали рабочим решающий перевес. В заявлении, сделанном сразу после их создания, Нин сказал:

> «Основная особенность их деятельности состоит в том, что они являются классовыми судами, судят с позиций рабочего класса и представляют собой подлинно революционные учреждения»[45].

Это положило конец абсурдным эксцессам и произволу в сфере правосудия, имевшим место сразу после революции. Суды, хотя и предоставляли все гарантии обвиняемым, судили сурово и нередко выносили смертные приговоры. Надо сказать, что многие приговоры были смягчены благодаря вмешательству Нина и с согласия Льюиса Компаньса.

Наконец, Нин добился принятия декрета, который впервые в испанской истории предоставлял гражданские и политические права всем гражданам с восемнадцатилетнего возраста.

Выступления Нина вызвали многочисленные протесты со стороны правительства республиканцев, социалистов и коммунистов в Валенсии и некоторых иностранных посольств. Когда Совет Правительства принимал консула СССР в Испании, Нин произнес речь на русском и каталанском, где подчеркнул глубокую солидарность борцов июля 1936 года с идеями Октябрьской революции 1917-го. Консулом являлся в то время Антонов-Овсеенко, который в октябре

* То есть министром юстиции Каталонии. — *Прим. ред.*

1917 года под руководством Троцкого возглавлял штурм Зимнего дворца, впоследствии вместе с Нином участвовал в Левой оппозиции, а затем, позорно капитулировав, прибыл в Барселону в качестве представителя Сталина! То была его последняя политическая миссия. Как и предсказывал Виктор Серж, тотчас по возвращении в Москву Антонова-Овсеенко расстреляли, как и многих других русских эмиссаров в Испании.

В августе 1936 года, в разгар революционного подъема, стали поступать первые сведения о новой волне репрессий в СССР, в частности, известие о процессе и казни Г. Зиновьева, Л. Каменева и И. Смирнова. Это особенно глубоко потрясло Нина, который на протяжении многих лет работал вместе с расстрелянными. По его инициативе исполком ПОУМ заменил редакционную статью в «Баталье» от 26 августа официальным заявлением:

> «Мы — революционные социалисты, марксисты; от имени социализма и рабочего класса решительно протестуем против чудовищного преступления, только что совершенного в Москве. <...> Для нас Троцкий является наряду с Лениным одним из вождей Октябрьской революции, выдающимся мыслителем революционного социализма. Сейчас, когда его оскорбляют и преследуют, мы выражаем искреннюю революционную солидарность с ним, несмотря на наши разногласия по ряду вопросов».

Энергичное и мужественное проявление солидарности со «старой гвардией» большевиков — никто больше не отважился на подобное, даже анархисты — навлекло на ПОУМ бешеную ненависть сталинистов. Газеты КПИ и ОСПК оправдывали преступления Сталина и клеветали на тех, кто солидаризировался со сподвижниками Ленина.

Сразу по прибытии Антонова-Овсеенко в Барселону сталинисты потребовали исключить Нина из Совета Правительства. Им мешали революционные элементы в основном органе двоевластия. Совершенно логично мелкобуржуазные силы поддержали линию Сталина, а лидеры НКТ не противились их маневру.

12 декабря Нин был исключен из Совета Правительства, а несколько дней спустя центральный комитет ПОУМ принял составленную им политическую резолюцию:

> «Основные требования момента следующие:
> 1) роспуск буржуазного парламента;
> 2) созыв учредительного собрания делегатов заводских комитетов, представителей крестьян и ополченцев на фронте;
> 3) рабоче-крестьянское правительство; рабочая демократия»[46].

В последующие месяцы именно эти требования служили ориентирами в работе ПОУМ. В своих статьях и речах Нин специально обращался к трудящимся-анархистам, разъясняя им, что силы контрреволюции крепнут повсюду, и необходимо формировать революционный фронт НКТ, ФАИ и ПОУМ, чтобы переломить ход событий и противостоять как политике Сталина, так и маневрам английского и французского капитализма с их «невмешательством», которое, как всем известно, развязывает руки Гитлеру и Муссолини.

Идею подобного фронта удалось осуществить на практике лишь отчасти, среди молодежи. В феврале 1937 года в Барселоне был создан Фронт революционной молодежи, в который вошли «Молодые анархисты» и МКИ. Нин внимательно следил за происходящим, всячески поддерживая молодых товарищей своими советами.

Этот Фронт серьезно беспокоил сталинистов, ибо мог послужить примером для всего рабочего движения. Клеветническая кампания усилилась. На митинге МКИ на Присе в Барселоне Нин, затронув проблему революционной солидарности различных поколений, заявил:

> «Товарищ Солано зачитал вам несколько отрывков из газет, которые показывают, до чего они дошли. Жаль, у меня нет с собой экземпляра „Дивизион Маркс" [органа ОСПК], где опубликована карикатура, изображающая, как я подаю руку генералу Франко. А рядом статья в том же духе, где говорится, что мне никогда не приходилось работать, так как я получал деньги от Гитлера. Я не участвую в такого рода политических склоках, а потому клеветники не могут вывести меня из себя. Когда доходят до таких крайностей, это весьма прискорбно. Тем более, что несчастный, который написал подобные веши, сам же в них не верит. За долгие годы своей деятельности я наверняка совершал ошибки, но пусть эти гнусные клеветники укажут мне хоть на одно отступничество, одно предательство за двадцать пять лет на службе делу пролетарской революции!»[47].

События развивались все более стремительно. 25 апреля в зале Моцарта Нин произнес речь «Проблема власти в Революции»[48], которая, наряду с политическими тезисами для съезда ПОУМ, представляет собой один из важнейших документов партии. Несколько дней спустя, 3 мая, сталинисты устроили провокацию — штурм Телефонной станции с целью сместить рабочий комитет, который контролировал средства телефонной связи. В ответ трудящиеся взялись за оружие, и город покрылся баррикадами. В ту ночь делегация исполкома ПОУМ провела встречу с региональным комитетом НКТ. На ней Нин подчеркнул важность происходящих событий и призвал к немедленным совместным действиям. Настал час революционного рабочего фронта.

Но руководители НКТ, довольные тем, что трудящиеся «показали зубы», рассчитывали в результате добиться от Компаньса значительных изменений в составе Совета Правительства. Нин вместе с делегацией ПОУМ покинул совещание, возмущенный близорукостью и оппортунизмом синдикалистских лидеров. На следующее утро газеты «Баталья» напечатала следующее заявление:

> «Баррикады свободы вновь воздвигнуты по всему городу. Барселона снова охвачена духом 19 июля. В большинстве населенных пунктов Каталонии нашло отклик столичное движение... Нужно оставаться на страже, с винтовками в руках. Необходимо поддерживать замечательный дух сопротивления и борьбы, залог нашей победы. А для того: отправить в отставку Родригеса Саласа, комиссара по поддержанию общественного порядка, несущего прямую ответственность за провокации. Отменить постановления властей о поддержании порядка. Поддерживать его — дело трудящихся!
>
> Да здравствует революционный рабочий фронт организаций, которые готовы бить фашизм по всем фронтам и хотят победы революции в тылу!
>
> Создадим комитеты защиты революции во всех кварталах и деревнях, на рабочих местах!»[49]

Комитеты защиты революции возникали повсюду. Борьба длилась несколько дней. Но все усилия ПОУМ по упорядочиванию работы комитетов и разрешению проблемы власти оказались напрасны. Приехавшие из Валенсии лидеры НКТ по радио призвали людей без боя сложить оружие. «Друзья Дуррути», занимавшие позиции, близкие ПОУМ, не смогли скоординировать действия профсоюзов и предложить политическую альтернативу. В этих условиях, учитывая также враждебность к революционной Каталонии, которая все более ощущалась в пропаганде Народного фронта и сталинистов на остальной территории Испании, поумисты были вынуждены дать сигнал к отступлению:

> «Чтобы избежать перерождения безнадежного выступления в путч, последствием которого стал бы полный разгром наиболее передовой части пролетариата»[50].

Репрессии против ПОУМ и убийство Нина

Большинство тех, кто следил за революционной политикой в Каталонии, понимало, что ПОУМ оказался примерно в таком же положении, как большевики в июльские дни 1917 года. В подобной ситуации невозможно было действовать иначе. 12 мая ЦК одобрил предложенный Нином документ[51], в котором подробно анализировались Майские события и говорилось, что власть находилась на расстоянии вытянутой руки, однако ПОУМ не располагала достаточной силой, чтобы осуществлять ее в одиночку, без поддержки других рабочих организаций, в частности, НКТ. Перспективы оставались прежними: укрепление партии, расширение сети комитетов защиты революции, строительство революционного рабочего фронта, создание рабоче-крестьянского правительства.

Учитывая, что подобные цели провозглашала одна только ПОУМ, она вполне закономерно сделалась основной мишенью нападок. Операцию против партии возглавили агенты Сталина в Испании. Однако у них не было возможности ни уничтожить ПОУМ, ни проводить репрессии так, как они того желали. Прошел месяц — в то время в счет шел каждый день, — за который мы смогли подготовиться к возможному уходу в подполье. 16 июня 1937 года НКВД «раскрыл заговор» и, действуя без ведома республиканского правительства, арестовал Нина и других лидеров и активистов ПОУМ.

17 июня в печати не появилось никакой информации об этом, и лишь на следующий день газеты опубликовали сообщение Префектуры полиции, подконтрольной сталинистам:

> «В нашем городе была раскрыта опасная шпионская сеть: прибывшие из Мадрида специальные эмиссары при действенной помощи местных агентов сумели в кратчайший срок полностью разоблачить все сложные ответвления подпольной организации. В ходе этой чрезвычайно важной операции было произведено немало арестов; в числе арестованных необходимо отметить группу весьма опасных иностранцев и деятелей одной политической партии. Показания задержанных, а также обнаруженные документы, убедительно доказывают виновность арестованных лиц, чьи имена пока преждевременно предавать гласности»[52].

Подобные полицейские сводки способствовали нагнетанию атмосферы, позволяющей оправдывать любые фальсификации; разумеется, не обошлось

без упоминания «иностранцев» и «шпионов». Первая мысль, которая напрашивалась в подобной ситуации, заключалась в том, что речь шла о фашистах. Каково же было удивление, когда 22 июня (шесть дней спустя!) сталинистские газеты напечатали следующее:

> «О недавно раскрытой шпионской сети. Ее главные участники принадлежали к руководству ПОУМ. Арестованы Андрес Нин и другие хорошо известные фигуры»[53].

Все стало ясно. Сталинисты не посмели устроить политическое судилище над ПОУМ, даже использовав в качестве предлога Майские события. И выдумали «шпионский заговор». Точно такими же методами они уничтожали бывших деятелей оппозиции в Москве. И те же приемы использовали в 1945-1952 гг. в восточноевропейских странах «народной демократии».

Председатель Правительства Каталонии обратился с протестом к руководству страны в Валенсии и принял несколько делегаций ПОУМ. Сугасагойтиа и Ирухо, министры внутренних дел и юстиции соответственно, также провели встречи с представителями ПОУМ и Ольгой Нин. По их мнению, все было подстроено советскими спецслужбами и их испанскими сообщниками. Национальный комитет НКТ и лидеры социалистов требовали объяснений. Однако в условиях, когда сам воздух, казалось, был пропитан страхом, никто не посмел открыто выступить против подлинных заговорщиков, которые орудовали безбоязненно, точно в оккупированной стране. В книге «Великая измена»[54] Хесус Эрнандес рассказывает, что даже Хосе Диас, генеральный секретарь КПИ, возмущался происходящим. По его мнению, агенты Сталина в Испании Тольятти, Кодовила и Степанов (бывший троцкист, друживший с Нином в его бытность в Москве) были в курсе операции и знали, что ей руководят генерал Орлов, высокопоставленный сотрудник ГПУ, и его испанский подручный полковник Ортега, генеральный директор службы безопасности и ставленник коммунистов.

В основу массированной кампании клеветы, развернутой после ареста Нина, лег доклад главного комиссара полиции Мадрида генеральному директору службы безопасности. В документе говорилось, что в столице раскрыта шпионская сеть под руководством фалангиста Фернандеса Голфина, связанного с ПОУМ[55]. Основной уликой являлся подробный план Мадрида, призванный облегчить задачу франкистской артиллерии, на котором было написано зашифрованное послание Голфина генералу Франко:

> «Согласно Вашим распоряжениям, я отправился в Барселону, чтобы встретиться с Н., руководителем ПОУМ»[56].

Было состряпано и много других грубых фальшивок, приписанных некому фалангисту из Жероны, который действительно шпионил в пользу франкистов.

Все эти документы являлись столь откровенно подложными, что суд, перед которым в 1938 году предстали лидеры ПОУМ, без малейших колебаний исключил эти бумаги из числа доказательств. Однако на протяжении долгих месяцев они служили оправданием гнусной кампании, проводимой сталинистами. Их опубликовали на нескольких языках с комментариями в сборнике

под названием «Шпионаж в Испании»[57], который вышел большим тиражом и бесплатно распространялся внутри страны и за рубежом. Эта книга, как и другая подобная ей сталинистская продукция, сегодня прочно забыта, похороненная решениями XX съезда КПСС. Авторы ее, не посмев действовать в открытую, скрывались под псевдонимом «Макс Ригер». Однако им достало «ловкости» заполучить предисловие католического писателя Хосе Бергамина.

Арест лидеров ПОУМ вызвал волну протестов в Испании и за ее пределами. На стенах испанских городов появились надписи: «Правительство Негрина, отвечай, *где Нин*?» Так вопрошали десятки тысяч рабочих и солдат на фронте. Вожди сталинистов ответили по-своему, дав подконтрольной им полиции указание приписывать рядом с такими словами: «В Саламанке или в Берлине»[58]. А Нин в это время находился в частном доме в Алькала де Энарес, в руках НКВД. Несколько недель спустя на массовом собрании в цирке «Олимпия» в Барселоне Федерика Монтсени потребовала указать местонахождение Нина и других руководителей ПОУМ. С аналогичным требованием обращались к правительству и лидерам коммунистов анархо-синдикалистские газеты, в особенности, мадридские.

В Париже по инициативе Виктора Сержа и Марсо Пивера был создан Комитет защиты Нина и заключенных членов ПОУМ, его поддержал ряд левых интеллектуалов и рабочих организаций. Делегация Комитета обратилась в испанское посольство. Беседовавший с ними дипломат пообещал «гарантировать справедливое судебное разбирательство» для всех арестованных, но, когда его спросили о Нине, прибавил, «слегка скривившись от досады» (по свидетельству Виктора Сержа): «Что касается Нина...» Его собеседники в нетерпении переспросили: «Что касается Нина — что?» Секретарь посольства ответил: «Ничего, ничего, я ничего не знаю, ничего не могу сказать». Директор «Эр Франс» социалист Эдуард Сер, оказавший немало услуг Испанской Республике и русским, поспешил в посольство СССР с просьбой спасти Нина. По возвращении он рассказал членам Комитета защиты:

> «Посол Суриц принял меня очень хорошо и прекрасно понял. Он посоветовал мне обратиться к Сталину конфиденциально и пообещал лично передать ему мое письмо»*.

Узнав о похищении Нина, Виктор Серж написал в своей записной книжке:

> «Я сразу понял, что Андрес арестован и погиб (психоз русских)».

Речь, конечно, шла не о психозе, а о характерных методах сталинистов. Нин являлся не только политическим секретарем ПОУМ. Прежде он был заместителем генерального секретаря Интернационала красных профсоюзов, другом и соратником Ленина, Троцкого, Зиновьева, одним из лидеров Левой оппозиции, а в это время в СССР шли аресты и казни видных большевиков. Не случайно Нина арестовали почти одновременно с Тухачевским и другими командующими Красной армией, расстрелянными впоследствии как «агенты Гитлера». Ужасное предчувствие Виктора Сержа оправдалось, и весьма скоро,

* *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. Автор не цитирует текст, а пересказывает его своими словами. — *Прим, перев.*

несмотря на ширившуюся международную кампанию в защиту Нина и приезд в Испанию многочисленных рабочих делегаций, озабоченных его судьбой. Как писал Хесус Эрнандес:

> «Орлов и его банда похитили Нина с целью добиться от него *добровольных* признаний. От него требовалось признаться в шпионаже в пользу Франко. Палачи прекрасно знали, как *сломить* политических заключенных и заставить их говорить; они полагали, что слабое здоровье Андреса Нина позволит им очень скоро доложить Сталину о достигнутом успехе [5]».

Однако их план провалился, ибо Нин проявил *невероятную* стойкость. Мучителям не удалось сломить его морально и физически, как некоторых видных соратников Ленина. Он мужественно принял смерть и не отрекся от идей и убеждений, которые отстаивал всю свою жизнь.

Хесус Эрнандес утверждает, что «команданте Карлос» (Витторио Видали, бывший сенатор-коммунист из Триеста) принял тогда решение ввести в действие план, разработанный НКВД:

> «Изобразить похищение агентами гестапо, внедрившимися в интербригады, которые возьмут штурмом тюрьму Алькала. Нин вновь исчезнет, и можно будет утверждать, будто его „освободили“ нацисты, что послужит доказательством его связей с испанским и международным фашизмом»[60].

Действительно, сталинистская пресса распустила подобный слух, но в него никто не поверил. Эрнандес присовокупляет, что через несколько дней после преступления агенты Сталина в Испании сообщили в Москву: «Дело А. Н. улажено способом А»[61].

Как бы то ни было, стойкость Нина расстроила планы ГПУ и его испанских пособников. Его «признание» поставило бы ПОУМ и ее арестованных руководителей в очень тяжелое положение. Тогда можно было бы поступить как в СССР и поведать всему миру, что в Испании тоже есть «предатели-троцкисты», которые сознались в своих «преступлениях». По существу, операция против нашей партии явилась попыткой оправдать a posteriori судилища в Москве. Но благодаря героизму Нина перед лицом смерти «московский процесс» в Испании устроить не удалось. Лидеры ПОУМ предстали перед судом, не склонив головы, и на скамью подсудимых в память о Нине положили букет цветов. Они отвергли клеветнические обвинения и защитили свою честь революционеров.

Таким образом, суду ничего не оставалось, как признать их невиновными в шпионаже.

Убийство Нина и репрессии против ПОУМ вызвали глубокое потрясение в Испании и во всем мире. Революционные организации различных стран и наиболее уважаемые писатели левых взглядов выразили солидарность с жертвами и узниками. На разных языках вышли брошюры и книги, посвященные этой трагедии, среди которых следует назвать «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла. Троцкий, который ранее подвергал Нина необоснованной критике и которого три года спустя тоже ждала гибель по приказу Сталина, 8 августа 1937 года заявил:

> «Нин — старый и неподкупный революционер. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии. <...> Это

было его единственным преступлением. И за это преступление он заплатил своей жизнью» [62].

Марсо Пивер назвал Нина «олицетворением испанской Революции, жертвой эгоистических расчетов Востока и Запада»[63]. Альбер Камю в 1954 году писал:

> «Смерть Андреса Нина знаменует собой поворот в трагедии XX столетия — века преданной революции»[64].

Пьер Монат поделился с нами своим убеждением в том, что однажды Нин станет «подлинным символом возрождения социализма в Испании». У нас нет сомнений в том, что день этот близок.

За несколько месяцев до гибели, на митинге, организованном МКИ на Присе в Барселоне Нин с удивительной прозорливостью сказал:

> «Поскольку мы храним память о революционной традиции ленинизма, нас хотят уничтожить, как уничтожают в Москве „старую гвардию" большевиков. Между кампаниями клеветы здесь и в Москве существует тесная связь. Большевиков истребляют физически. Думают истребить и нас, ибо мы верны Революции. Но эти планы не осуществятся»[65].

Глава 2

Воспоминания об Андресе Нине[1]

Я познакомился с Андресом Нином в период тесного сотрудничества между РКБ и ЛКИ, которые, объединившись, образовали ПОУМ. Прежде я слышал его выступления и читал его книги. Игнасио Иглесиас, молодой активист из Астурии, бежавший в Барселону после октябрьских событий 1934 года, один из верных соратников Нина, привел меня к нему домой, на улицу Вильярроэль. Нин принял меня с той сердечностью, с которой неизменно относился к молодежи. Мы говорили в основном о дискуссии с лидерами «Молодых социалистов». Один из них, Леонсио Перес, который, как и Эрнандес Санкахо, выступал против взятого Каррильо курса на сталинизацию, опубликовал в мадридской газете «Реновасьон» статью, озаглавленную «Ответ Нину и Солано». Поскольку на нее следовало возразить, я, немного робея, спросил у Нина, намерен ли он за это взяться. По общему согласию решено было, что ответ напишу я. Очень быстро мы перешли к обсуждению проблем перевода. Он пожаловался, что ему не хватает времени на чтение испанских классиков. Годы спустя я узнал, что у него был подписан контракт с издательством «Агилар» на перевод произведений Толстого и Достоевского. Нин подходил к своей работе с большим тщанием и особенно стремился довести до совершенства свои тексты на испанском и каталанском языках.

Когда Нину поручили руководить редакцией журнала «Нуэва эра», которую прежде возглавлял Маурин, он взывал меня, чтобы обговорить все детали нашего сотрудничества. Поскольку Игнасио Иглесиас возвратился в Астурию, Нин полагал, что я смогу помочь ему с корректурой статей и переводом с французского на испанский. Когда я сказал, что у меня нет опыта перевода и совсем мало свободного времени, он рассмеялся и ответил: «У студента всегда найдется время». Нин не знал, что учеба в Автономном университете Барселоны (под руководством Боска Жимперы и Серры Унте), особенно на медицинском факультете (у профессоров Августа Пи Суньера, Корачана и Труэты) была трудной, настолько трудной, что мне пришлось жестко ограничивать время, отводимое на политическую работу. Я не сумел объяснить это Нину, но он не обиделся на меня, и я стал сотрудничать в журнале, давая для него материалы. Труэта же едва не вышел из себя, когда я сообщил ему, что моя политическая деятельность не позволяет мне войти в группу студентов, которых он хотел отправить на практику в больницу Св. Павла.

Новая возможность сотрудничать с Нином представилась мне во время избирательной кампании Левого фронта в январе-феврале 1936 года. Мы оба вошли в группу пропагандистов, отправленных в провинцию Таррагона.

Во время первой совместной поездки в автомобиле (если не ошибаюсь, в Реус) у нас состоялся разговор о политических перспективах ПОУМ; Нин как бы невзначай дал мне несколько советов относительно предстоящего выступления и неожиданно воскликнул:

> «Ты знаешь, что тебе очень повезло? По возрасту ты не имеешь права голосовать, зато можешь влиять на ход событий и обращаться к сотням людей, поскольку входишь в штаб левых сил Каталонии».

Во время другой поездки, когда между нами установилось большее доверие, я стал расспрашивать о вождях русской революции, и тогда Нин впервые — не вполне еще удовлетворив мое любопытство — заговорил со мной о «таланте и простоте Ленина», «металлическом голосе Троцкого» и «реакционной политике Сталина».

Революция и гражданская война круто изменили нашу жизнь и возложили на нас важные и требующие огромного внимания политические задачи. Поскольку Хоакин Маурин был арестован в Галисии франкистскими мятежниками, Нину пришлось сменить его на посту политического секретаря исполнительного комитета ПОУМ, то есть лидера партии. В начале сентября 1936 года меня избрали генеральным секретарем МКИ. По уставу один из членов руководства ПОУМ должен был присутствовать на заседаниях исполкома МКИ и наоборот. Но руководство партии относилось с таким доверием к ее молодежной организации, что подобный взаимообмен выразился только в моем участии во всех заседаниях исполкома ПОУМ. Я регулярно общался с Нином, поскольку партийное руководство проводило заседания почти ежедневно, в десять часов утра.

Помимо официальных, у нас сложились и хорошие личные отношения, особенно после ключевых событий: образования Фронта революционной рабочей молодежи, Майского выступления 1937 года в Барселоне, а также в связи с деятельностью МКИ в Валенсии и Мадриде. Кроме того, Нин часто заходил — предупредив по телефону или просто так — в нашу просторную и уютную штаб-квартиру, выходившую окнами в сад и расположенную в верхней части Пасео де Грасиа, в здании, конфискованном у Итальянского института.

Нин нередко шутил по этому поводу: «Именно здесь мне бы хорошо работалось!» Мы говорили обо всем: об общей ситуации, о партии и ее проблемах. В разговорах чаще всего участвовали Ариньо, Рок, Желала, Соле, Эстела и я. Порой у нас возникала мысль, что Нин приходил к нам, чтобы немного отдохнуть и спокойно поговорить. МКИ были более однородной организацией, чем ПОУМ, поскольку в нее вступали молодые люди без политического прошлого. Никто не называл себя «бывшим блокистом» или «бывшим троцкистом». Все решительно поддерживали ПОУМ и ратовали за его всемерное развитие. Поэтому такое большое внимание уделялось поддержке мадридского и валенсийского отделений организации. Нин следил за нашей работой с большим интересом. С нами ему было легко.

Некоторые историки (в частности, Хью Томас, Стенли Дж. Пейн и Пьер Бруэ) представляли МКИ неким «экстремистским крылом» ПОУМ. Возможно, это объяснялось более радикальным языком организации, ее сдержанным

отношением к участию партии в Совете Правительства Каталонии или неприятием «приспособленчества», когда Негрин и сталинисты повернули назад, к реакции. А возможно, и тем, что МКИ показали пример создания Рабочего фронта, объединившись с «Молодыми анархистами» во Фронт революционной рабочей молодежи. Однако подобное поведение являлось весьма последовательным и отвечало задачам политической организации, обладавшей достаточной самостоятельностью, чтобы выражать стремления борющейся рабочей молодежи. Нин и многие другие товарищи относились к этому с большим одобрением.

Ежедневные заседания исполкома дали мне возможность видеть Нина в минуты как радости, как и гнева. Я не раз упоминал уже об удивлении, испытанном им в первые дни июля 1936 года. Нас поразили его слова:

> «Все работает — трамваи, поезда, снабжение продовольствием... Невероятно!»

Поскольку мы не считали это чем-то из ряда вон выходящим, он уточнял:

> «Знаете, сколько времени понадобилось в России, чтобы наладить работу основных служб? Месяцы!»

Новая революционная ситуация только подтвердила его высокую оценку рабочего класса Каталонии, который коллективизировал предприятия и вносил улучшения в их работу. Не раз вспоминал он Сальвадора Сеги, которым искренне восхищался: «Ах, если бы Сальвадор мог это увидеть!» Так же думал он и о Маурине, о котором у нас не было никаких известий.

Помню, в частности, его горечь и возмущение, когда 27 августа 1936 года стало известно о первом московском процессе и казни Зиновьева, Каменева, Смирнова и других. Нин, активист Левой оппозиции в СССР, свидетель высылки Троцкого и многих других, не мог поверить в услышанное. В то время, хотя Сталин и заявил о политике «невмешательства», все рассчитывали на помощь СССР. Даже мы! Нин вспомнил о своем знакомстве с Зиновьевым и Смирновым и сказал, что ПОУМ должна осудить их казнь. Были колебания по поводу того, как это сделать, поскольку анархисты и социалисты хранили молчание, а ОСПК поддерживала Сталина. В итоге мы приняли заявление, написанное Горкиным, которое опубликовали 28 августа в качестве редакционной статьи в «Баталье». Многие упрекали нас в «неосторожности», иные — в «отсутствии политического чутья».

В период августа 1936-го - июня 1937 гг. я участвовал вместе с Нином во многих пропагандистских акциях. Мы объехали всю Каталонию, ряд городов и сел Кастельона и Валенсии. Ночевать мы почти всегда возвращались в Барселону. Многие часы, проведенные вместе в автомобиле, способствовали установлению между нами хороших личных взаимоотношений. Во время этих поездок я засыпал Нина вопросами о жизни в СССР и деятелях Октября. Что же касается роли его самого в российских событиях, я много узнал о ней от таких людей, как Альфред Росмер, Пьер Монат и Виктор Серж.

Нин был человеком удивительно скромным, и многие его друзья и товарищи не знали о том, в чем состояла его работа в Москве. При этом он охотно рассказывал о русском народе, революционных событиях, Ленине, Троцком,

российских писателях, которых он знал, многонациональном СССР... И всегда заканчивал свой рассказ словами о том, что не нужно «подражать русским», что социализм в Каталонии и Испании должен стать более передовым и демократическим опытом.

Последнее заседание исполкома под председательством Нина состоялось утром 16 июня в барселонском дворце Виррейна, который мы как раз переоборудовали под большой культурный центр — Институт Маурина. Иногда мы заседали там. Это было более спокойное место, чем официальные помещения партии. После Майских событий мы, опасаясь вмешательства полиции, приняли ряд предосторожностей. В какой-то мере мы надеялись обезопасить себя. Но никто не думал, что НКВД сможет провести незаконную операцию через голову каталонских и республиканских властей (много лет спустя Виктор Серж сказал, что нам следовало это предвидеть). Никогда не забуду то июньское утро, когда мы расстались с Нином, не ведая, что никогда больше его не увидим, что на всех нас обрушится поток лжи и клеветы, организованный сталинскими приспешниками в Испании по приказу из Москвы.

Глава 3

Последний день с Андресом Нином[1]

Я никогда не забуду тот день — 16 июня 1937 года. Для многих, несомненно, он был рядовым днем в Барселоне, израненной войной и страдавшей от последствий Майских событий. Но для Андреса Нина и его соратников по борьбе, для истории Испании и международного социализма он стал днем поистине трагическим.

После Майских дней ПОУМ приняла меры для защиты от возможных репрессий. Исполком перестал заседать в штаб-квартире партии и собирался в других местах, чаще всего в менее известном зале дворца Виррейна.

Заседание 16 июня началось около 10 часов утра под председательством Андреса Нина. Присутствовали Пере Бонет, Хуан Андраде, Жорди Аркер, Хулиан Горкин, Хиронелья, Нарсис Молинс и Фабрега и автор этих строк. Жозеп Ровира, командущий 29-й дивизией, находился на Арагонском фронте. Нин подробно проанализировал политическое положение и ход боевых действий, а затем все выразили обеспокоенность поворотом в политике, который знаменовало собою падение правительства Ларго Кабальеро.

Вот вопросы, более всего волновавшие нас в то время: защита нашей прессы, подготовка к конгрессу ПОУМ, который должен был открыться 19 июня, через три дня, в театре «Полиорама», а также к международному совещанию независимых коммунистических и социалистических партий.

Наша ежедневная газета «Баталья» оказалась под запретом, ее директору Хулиану Горкину предстояло предстать 18 июня перед народным судом. Мы решили, что он явится в суд, чтобы защитить ПОУМ от сталинистской клеветы и из обвиняемого обратиться в обвинителя. В Барселоне «московские процессы» были немыслимы.

Следует также отметить, что за три недели до того молодежная газета «Хувентуд Комуниста» увеличила число полос и стала печатать статьи партийных руководителей. Накануне для номера, который должен был выйти 16 июня, Нин передал мне свой материал — оказавшийся последним!

Заседание исполкома ПОУМ — на котором Нин также председательствовал в последний раз — закончилось около часу дня. Нин, Бонет и другие товарищи направились в помещение партии напротив театра «Полиорама», где они считали нужным время от времени показываться в те тревожные дни: люди уже стали «исчезать». Никто не хотел, чтобы о нем подумали, будто он прячется. Нина предупредили, что ему грозит арест. Но он гордо ответил: «Они не посмеют». Разумеется, он имел в виду законные власти. Он и вообразить не мог, что агенты сталинистской полиции будут действовать через

голову республиканского правительства и Совета Правительства Каталонии при пособничестве некоторых лидеров КПИ и ОСПК.

О том, что Нина схватили, я узнал спустя несколько минут, находясь в помещении МКИ, где вместе с другими товарищами готовил специальный выпуск «Хувентуд Комуниста». Мы немедленно переделали первую страницу номера и на семи колонках разместили статью с осуждением его ареста. Затем отправились в типографию «Баньос Нуэвос», где попытались внести изменения в макет газеты с тем, чтобы она вышла как можно раньше. Мы просмотрели оттиски, не отходя от ротационной машины, и в тот момент, когда все уже было готово для широкого распространения выпуска на улицах Барселоны, ворвалась полиция. Только благодаря предупреждению типографских рабочих некоторым из нас удалось избежать ареста.

Мы покинули типографию около шести часов вечера, вне себя от ярости, но готовые бороться за освобождение Нина и других арестованных товарищей. Чтобы мобилизовать наши силы, спешно собрался исполком МКИ. Мы немедленно связались с барселонским партийным комитетом и оставшимися на свободе руководителями ПОУМ, в частности, с Молинсом и Фабрегой и Хиронельей.

Таким был день 16 июня 1937 года. Над Барселоной в ясном голубом небе сияло солнце. Далеко отсюда, на фронтах Арагона, Леванта, Андалузии, в окопах Монклоа сражались и умирали активисты ПОУМ и МКИ, а тем временем вожди их были оклеветаны и арестованы, многих ждала гибель.

На следующий день удивленные жители Барселоны увидели на стенах надписи: «Где Нин?» Пресса, скованная цензурой, до 22 июня не обмолвилась об этом ни словом.

Глава 4

Долгий путь к правде об Андресе Нине[1]

Такое происходит нечасто. Достаточно было одного документального фильма «Операция „Николай"» — снятого журналистами каталонского телевидения Марией Долос Женовес и Льибертом Ферри, премьера которого состоялась в Каталонии 5 ноября 1992 года, — чтобы раскрыть тайну исчезновения Андреса Нина и окончательно прояснить сущность и цели репрессий против ПОУМ. И, таким образом, дать новое историческое видение революции и гражданской войны 1936-1939 гг. в Испании.

«Операция „Николай"» — замечательный фильм, очень красивый, драматический и волнующий. Но главное — он является результатом серьезного и глубокого исследования. Пришлось проникнуть в архивы Коммунистического Интернационала и бывшего КГБ, чтобы, наконец, явить всему миру неопровержимые документальные доказательства заговора против ПОУМ, похищения и убийства Андреса Нина (июнь 1937 года) бандой генерала Орлова, орудия НКВД и Сталина в революционной Испании конца 30-х гг.

«Операция „Николай"» — журналистское расследование, которое многое подтверждает. В первую очередь, то, что мы, активисты ПОУМ, говорили долгие годы, на фронте и в подполье во время гражданской войны, в тюрьмах и концлагерях во время Второй мировой войны и франкистской диктатуры. Главное сказано в нашей нелегальной прессе — в 1937-1939 гг., при режиме «народной демократии» Негрина, а затем в изгнании, — в книгах, опубликованных бывшими и действующими активистами ПОУМ, в трудах таких историков, как Бернетт Боллотен и Пьер Бруэ, в массе публикаций, в том числе в свидетельствах более или менее раскаявшихся сталинистских лидеров.

Брошюра 1939 года

Здесь мне хотелось бы особо упомянуть две книги: скромную брошюру «Убийство Андреса Нина», написанную Хуаном Андраде в 1939 году, и «Великую измену» Хесуса Эрнандеса[2]. Брошюра Андраде, в которой кратко излагалась собранная на тот момент исполкомом ПОУМ информация, должна была выйти в Париже в издательстве Рене Лефевра «Спартак», но гестапо рассыпало набор. К счастью, пробные оттиски сохранились и находятся в парижской Национальной библиотеке. Несколько лет спустя я получил их копию и передал Рене Лефевру, который в 1975 году издал ее вместе с другими работами под заголовком «Испания: Могильщики социальной революции»[3].

Андраде рассказывает о том, что произошло с лидером ПОУМ после его заключения в барселонскую тюрьму и до его убийства в Алькала де Энарес. В книге приведен полный поименный список членов испанской спецбригады, подчиненной Орлову (в нее входил и полицейский Хименес, появляющийся в фильме «Операция „Николай"»). Конкретные обвинения выдвинуты в адрес полковников-сталинистов Бурильо и Ортеги, Давида Васкеса и Габриэля Морона:

> «Один факт не вызывает ни малейших сомнений. Именно Орлов принял решение об убийстве Нина. <...> Министр юстиции Мануэль де Ирухо, искренне стремившийся предотвратить покушение на Нина, отправил в Мадрид двух доверенных полицейских агентов с целью выяснить, где тот находится. Агенты оказались столь расторопны, что сразу по прибытии не только узнали местонахождение Нина, но и сумели с ним повидаться. Это было уже после того, как его выкрали из тюрьмы Алькала де Энарес. <...> Агенты отправились к генералу Миахе и сообщили ему, что Нин находится в „ЧК“ генерала Орлова. Генерал Миаха вызвал генерала Орлова и сказал, что ему следует передать заключенного законным властям. Орлов ответил, что готов это сделать, но передаст арестованного только лично министру внутренних дел. <...> Хулиан Сугасагойтиа, министр внутренних дел, отправился в Мадрид, однако Орлов сообщил ему, что Андрес Нин исчез. Сугасагоитиа ничего не предпринял и спокойно возвратился в Валенсию».

Генерал Орлов, высокопоставленный сотрудник НКВД, имел больше власти и силы, чем министры юстиции и внутренних дел Республики.

ПОУМ не сдается

Следует отметить, что демарши Ирухо и Сугасагойтиа, как и некоторые оговорки и колебания Негрина и президента Республики Мануэля Асаньи, стали результатом решительных выступлений ПОУМ и ее молодежной организации в защиту Нина и других активистов, арестованных после сталинистской операции 16 июня, проведенной через голову правительств Каталонии и Республики. Так как после Майских событий партия подготовилась к уходу в подполье, реакция последовала незамедлительно. Не теряя времени, уже 17 июня был сформирован новый состав исполкома из товарищей, оставшихся на свободе (Хиронелья, Молинс и Фабрега, Солано), затем к ним присоединились Аркер, Хосе Родес и Жоан Фарре Гассо, руководители Леридской партийной организации, а также секретарь Барселонской городской организации Жозеп Марти. В то время как в Барселоне и других городах на стенах появлялись надписи: «Где Нин?», новое руководство установило связь с Жозепом Ровирой и командованием 29-й дивизии, сражавшейся на Арагонском фронте, и дало им указания по ведению подпольной работы. Оно также готовило издание «Батальи» и «Хувентуд Обрера» и начало кампанию по спасению Нина и его арестованных товарищей (в частности, Андраде, Горкина, Бонета, Давида Рея и Эскудера, которых, как и Нина, отправили в мадридские «ЧК»). Ольга Нин, Мария Тереса Андраде и Наталия Бонет потребовали от республиканских министров освобождения своих мужей. Кроме того, исполком ПОУМ организовал приезд в Испанию трех международных делегаций под руководством

депутатов британского парламента от Независимой лейбористской партии (Джеймса Макстона и Феннера Броквея). Солидарность с ПОУМ проявили видные представители НКТ (Федерика Монтсени, Хуан Пейро, Хуан Лопес) и левых социалистов (Ларго Кабальеро, Луис Аракистайн, Карлос Барайбар, Эрнандес Санкахо). В июне, июле и августе мы развили очень активную деятельность, показав, что наша партия сильнее, чем некоторые могли подумать. Доказательство этому было обнаружено в архивах КГБ и Коммунистического Интернационала в 1992 году. В письме в Москву Эрне Гере, он же «Педро», который из Ла-Педреры заправлял ОСПК, жаловался на трудности, с которыми столкнулась направленная против нас кампания:

> «Активисты ОСПК считают членов ПОУМ и анархистов своими товарищами, так как они решительно боролись против военно-фашистского мятежа».

В другом письме Тольятти, валенсийский* куратор КПИ, признавал, что репрессии и кампания против ПОУМ не привели к достижению задуманных результатов. Он обвинял министра юстиции Гонсалеса Пенью в том, что тот «попал под влияние троцкизма во время поездки в Мексику», сожалел о «провале» процесса руководителей ПОУМ и критиковал Негрина за уступки «давлению со стороны Социалистической партии, II Интернационала и всякой прочей сволочи». Эти письма дают представление о настроениях главных агентов Сталина в Испании.

Остается надеяться, что подобные документы когда-нибудь будут опубликованы полностью, без купюр (к которым уже давно прибегают итальянские коммунисты) и однозначно докажут, что ПОУМ в июне 1937 года не прекратила существование. Напротив, перед лицом репрессий она проявила мужество и энергию. Мы не смогли спасти Нина. Мы не смогли спасти Марсиано Мену, политического комиссара цитадели Лериды, расстрелянного людьми из ОСПК. Мы не смогли спасти Хуана Эрваса, секретаря Новой объединенной школы Каталонии, комиссара по связи Правительства Каталонии, Хайме Трепата и Пау Шуригуэру, убитых на Арагонском фронте. Но мы смогли спасти Андраде, Горкина, Бонета, Давида Рея, Эскудера и других товарищей, для которых пресса Каррильо требовала «создать расстрельную команду». Подобные писания получали комментарий в подпольной газете «Хувентуд обрера», которой я имел честь руководить с июля 1937-го по апрель 1938 гг.; с ней можно ознакомиться в архивах. Андраде, Горкин, Бонет, Давид Рей и Эскудер из мадридских сталинистских «ЧК» были переведены в валенсийскую тюрьму, а затем в Государственную тюрьму Барселоны.

Все это стало возможным благодаря активной деятельности нашей партии, ее подпольным изданиям (среди которых необходимо отметить «Процесс ПОУМ» Андреса Суареса (Игнасио Иглесиаса), написанный в 1938-м и переизданный в 1974 гг. парижским издательством «Руэдо Иберико»). И, конечно, благодаря широкой международной кампании, проводимой в Париже Моликсом и Фабрегой и Виктором Сержем, в которую внесли неоценимый вклад французские левые социалисты Марсо Пивер, Даниэль Герен и Люсьен

* То есть находившийся во временной столице Республики Валенсии. — *Прим. ред.*

Вейц. Ум и талант Виктора Сержа, пылкость Молинса и Фабреги и трудолюбие Люсьена Вейца (который основал агентство печати «Индепендент Ньюс» и Франко-британское информбюро) способствовали развитию кампании, получившей поддержку Лондонского бюро, Международного бюро революционной молодежи и практически всех независимых революционных марксистских и социалистических сил в Европе и Америке.

Эта деятельность — в том числе десятки акций в Париже, Лондоне, Брюсселе, Амстердаме и Нью-Йорке, сотни статей в печати — оказала влияние на Негрина и его министров и во многом способствовала провалу суда над членами ПОУМ. Барселона не была и не могла быть Москвой, хотя огромные портреты Сталина, гротескно смотревшиеся на барселонской площади Каталонии, производили тягостное впечатление заискивания перед Кремлем. В то время как большинство испанских интеллектуалов хранило гробовое молчание в отношении репрессий против ПОУМ и убийства Нина, наиболее видные представители французской интеллигенции — Андре Жид, Андре Бретон, Роже Мартен дю Гар, Франсуа Мориак, Жорж Дюамель и многие другие — осуждали то, что перед всем миром дискредитировало борьбу испанского народа против франкизма.

После победы Франко, в самые тяжкие годы подпольной борьбы в Испании и Второй мировой войны лидеры сталинистов с невероятным ожесточением продолжали свою кампанию против ПОУМ, в том числе в испанских и французских тюрьмах, в партизанских отрядах на юге Франции (где они убили Жоана Фарре Гассо, секретаря Леридской организации ПОУМ, и едва не подвергли той же участи Хуана Андраде), в немецких концлагерях. Так продолжалось вплоть до публикации секретного доклада Н. С. Хрущева о преступлениях Сталина на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года[4].

Разоблачения Хесуса Эрнандеса

Тремя годами ранее один из лидеров коммунистов Хесус Эрнандес выпустил книгу, которая вызвала немало шума. Сталинисты поспешили объявить ее «антикоммунистическим памфлетом, написанным ренегатом». Из-за того, что Хесус Эрнандес во время гражданской войны покорно выполнял поступавшие из Москвы указания, многие не придали большого значения его разоблачениям и критике политики Кремля. Тем не менее, сопоставив известные нам сведения с откровениями Эрнандеса, мы решили перепечатать наиболее интересные отрывки из его книги в двух номерах «Батальи», органа ПОУМ в изгнании. 20 марта 1953 года я писал:

> «Такое сопоставление позволяет нам утверждать, что Хесус Эрнандес в целом говорит правду, и ряд его заявлений позволяет реконструировать внутреннюю механику одного из самых постыдных скандалов в истории социальной борьбы в Испании... Эрнандес окончательно подтверждает тот факт, что приказ начать гонения против ПОУМ исходил из Москвы — от самого Сталина — и был исполнен агентами НКВД в Испании; что Слуцкий и Орлов, а также их подручные Витторио Видали, Антонов-Овсеенко, Гайкинс[5], Тольятти, Кодовила, Степанов, Венцеслав Росес и многие другие устроили кровавый фарс, сфабриковали доказательства нашего „сотрудничества с Франко“, организовали кампанию против

нашей партии, обеспечили проведение полицейской операции 16 июня, арестовали и похитили наших товарищей, замучили Нина, похитив его из Алькала де Энарес и подготовили процесс над руководителями ПОУМ»[6].

Льиберт Ферри, один из создателей фильма «Операция „Николай"», во время его показа сказал мне, что книга Хесуса Эрнандеса — которую он цитирует в статье, опубликованной в каталонском журнале «Авене», — произвела на него глубокое впечатление, особенно в совокупности с обнаружением относящихся к делу документов в московском архиве КГБ. Имея на руках архивные материалы, он, как и мы, не усомнился в рассказе Эрнандеса. Таким образом, мы можем сделать важный вывод: факты и выводы, изложенные Хуаном Андраде и Хесусом Эрнандесом, в основном нашли подтверждение в ходе расследования, проведенного в Москве, Мадриде, Риме и Барселоне создателями фильма «Операция „Николай"». В этом — его основное значение. Вот почему каталонская общественность и барселонская пресса оценили его заслуженно высоко.

Конец долгого пути

Раскрытие тайны исчезновения Нина стало окончанием долгого пути, по которому мы шли после 16 июня 1937 года, без колебаний и без устали, даже в подполье, даже в нескончаемые годы изгнания. Конец франкизма и всемирный кризис сталинизма, начавшийся после смерти Сталина и XX съезда КПСС и еще более углубленный перестройкой, открыли перед нами новые возможности выяснить правду о смерти Нина. В 1987 году мы решили создать организацию, которая соответствовала бы изменившейся ситуации — Фонд Андреса Нина; в его работе приняли участие ведущие активисты ПОУМ и сторонники наших идей из Барселоны и Мадрида.

Фонд провел ряд дискуссий, а затем приступил к изданию книг: «Майские события 1937 года, революция в Республике», «Памяти Энрике Родригеса Арройо (Кике)»; «Процесс ПОУМ в 1938 году»; стали выходить информационные бюллетени, посвященные различным проблемам революции и гражданской войны, например «ПОУМ и женский вопрос», перепечатывались работы Андреса Нина, Хоакина Маурина, Джорджа Оруэлла. Фонд также организовывал торжественные празднования столетних юбилеев Андреса Нина и Виктора Сержа и в феврале 1989 года провел в Мадриде вечер, посвященный Троцкому. Следует отметить, кроме того, многочисленные мероприятия в память об Андресе Нине, проходившие в Эль Вендреле, его родном городе, которые неизменно преисполняли их участников волнением и энтузиазмом. Массовое памятное мероприятие состоялось в феврале 1997 года в городе Сабаделе; оно имело особое значение, поскольку было проведено при содействии мэрии этого крупного промышленного центра, где сильны позиции ОСПК, и лично мэра Антонии Фарре.

Вся наша деятельность разворачивалась в рамках международной кампании, ставившей целью установить правду о смерти Нина, и мы воспользовались новой ситуацией, сложившейся в Европе в результате перестройки и краха сталинизма. В 1989 году Фонд Андреса Нина решил обратиться ко всем

левым партиям и организациям, а также к прогрессивным интеллектуалам за содействием с целью добиться от правительства М. Горбачева проведения расследования исчезновения Нина и доступа к советским архивам. В СССР начался процесс реабилитации соратников Ленина, уничтоженных Сталиным, в печати появились первые материалы, посвященные сталинистским репрессиям в Испании в годы гражданской войны. Более благоприятного времени могло не оказаться. Реакция на наше обращение последовала незамедлительно. СПК-ИСРП и ОСПК однозначно высказались о деле Нина и ПОУМ. Национальный совет СПК призвал федеральный комитет ИСРП поддержать обращение Фонда Андреса Нина к советскому правительству «с целью разыскания сведений, имеющих отношение к похищению и убийству Андреса Нина». Со своей стороны, ОСПК, некогда одна из основных противниц ПОУМ, опубликовала следующее заявление:

> «ОСПК и ее орган „Требаль“ еще раз официально и окончательно осуждают всякую клевету в отношении Андреса Нина, поддерживают инициативы Фонда Андреса Нина и выделят в своих изданиях место для публикации любых материалов, направленных на восстановление доброго имени этого исторического лидера ПОУМ, которые нам предоставят»[7].

Поддержка, получаемая со всех сторон, позволила позднее, в июне 1990 года, состояться встрече, о которой следует сказать особо. Делегация Фонда Андреса Нина была принята в посольстве СССР в Мадриде. Она передала письмо, адресованное Михаилу Горбачеву, советскому правительству и комиссии по реабилитации при ЦК КПСС и подписанное более чем тремя сотнями представителей испанской интеллигенции и активистов различных политических и профсоюзных организаций; в письме содержалось требование «провести расследование исчезновения Андреса Нина». У делегации в составе Эухенио Фернандеса Гранеля, Висенте Молины Фоша, Франсеска де Кабо, Энрике Родригеса, Альберта Аранды и автора этих строк состоялась долгая беседа с советскими дипломатами, которые проявили большой интерес к судьбе дочерей Нина и передали нам только что изданную в Москве книгу «Возвращенные имена (Бухарин, Рыков, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Рютин)». Они пообещали нам, что наше письмо будет передано лично М. С. Горбачеву.

Мы получили ответ не так быстро, как рассчитывали. Однако от людей, приезжавших из Москвы, нам стало известно, что Горбачев склонен внести ясность в это дело. Что нашло подтверждение в октябре 1990 года во время его визита в Барселону, когда один из его помощников, Валерий Загладин, благожелательно принял депутатов-социалистов Жоана Ревентоса и Раймона Обиолса, обратившихся к нему с новым запросом. Более того, открытие ряда советских архивов, в частности, коминтерновских, также способствовало развитию нашей кампании. СПК, «Левые и Инициатива за Каталонию» (под руководством Рибо) публично потребовали от Правительства Каталонии разобраться с «делом Нина». Все это облегчило журналистское расследование, которое предприняли в Москве Мария Долос Женовес и Льиберт Ферри; они не только получили доступ в архив Коминтерна, но даже смогли проникнуть в архив КГБ и ознакомиться с документами, касавшимися генерала Орлова.

Преступление в Алькала де Энарес

Поскольку фильм «Операция „Николай"» демонстрировался в прокате не так широко, как лента Кена Лоача «Земля и свобода», небесполезно напомнить, о чем в нем шла речь.

После похищения в Барселоне 16 июня 1937 года команда генерала Орлова перевезла Нина в Валенсию, Мадрид, а затем в тюрьму Алькала де Энарес без какой-либо отметки в тюремных реестрах. Из тюрьмы его доставили в несуществующую ныне усадьбу, где подолгу жил генерал Идальго де Сиснерос со своей супругой Констанцией де ла Мора Маура, тесно связанной с советскими секретными службами. Там Нина подвергли ужасным пыткам; он вел себя с исключительным мужеством, и у него не удалось вырвать «признания», подобного тем, что делались в Москве. От него ждали чего-нибудь, что могло бы оправдать репрессии против ПОУМ и смягчить впечатление, произведенное московскими процессами, показав, что и в борющейся Испании тоже есть свои «троцкистские изменники», которых необходимо уничтожить.

Мучители не добились своего, и тогда из Москвы поступил приказ об убийстве. В газете «Паис» журналист Энрик Компань кратко резюмировал то, о чем подробно рассказано в фильме «Операция „Николай"»:

> «В казни участвовало пять человек: сотрудники НКВД Александр Орлов и Юзик, а также трое испанцев, известных лишь по инициалам, Л., А.Ф. и И. М. В качестве зрителей, а по сути соучастников, присутствовали еще один агент НКВД, венгр Эрне Гере (Педро) и его шофер по имени Виктор. Сам Орлов в донесении своему начальству от 24 июля 1937 года признал, что это их рук дело. Документ — с замазанными чернилами именами трех испанцев — могли вчера увидеть телезрители по каналу TV3».

Что касается места преступления, авторы фильма установили его благодаря отправленной Юзиком в Москву телеграмме, где говорится:

> «Н. из Алькала де Энарес в направлении Перане де Тахунья, на полпути, в 100 м от дороги, в поле. „Бом", „Швед", „Юзик“, два испанца. Водитель „Пьера" „ Виктор"»[8].

В статье об убийстве Нина для «Каталонской энциклопедии» Мария Долос Женовес писала:

> «Если попытаться расшифровать текст Юзика, получается следующее: Н — это Николай-Нин; дорога, связывающая Алькала де Энарес и Пералес де Тахунья, недалеко от Мадрида, и есть место убийства лидера ПОУМ. Архив КГБ отказывается предоставить сведения, которые позволили бы установить личность преступников. Нам известны их псевдонимы: Бом, Швед и Юзик были агентами советских секретных служб. Под именем Шведа скрывался Александр Орлов, под именем Юзика — Хосе Эской, переводчик Орлова и автор фальшивки, в которой говорится о связях ПОУМ с Фалангой. В телеграмме названы в качестве соучастников двое испанцев, членов спецбригады, Л. и А.Ф., Пьер, он же Педро, и его шофер Виктор».

После показа в Барселоне фильма «Операция „Николай"», который вызвал многочисленные отклики в прессе, правительство автономной области

Мадрид, руководимое социалистом Хоакином Легиной, распорядилось начать расследование. В окрестностях Пералес де Тахунья были проведены раскопки в надежде обнаружить место захоронения Нина. Задача, представлявшаяся нелегкой, на деле оказалась невыполнимой. До сего дня неизвестно, где находится могила вождя ПОУМ. Генерал Орлов продолжал спокойно оставаться в Испании, пока 8 июля 1938 года не получил телеграмму из Москвы с приказом немедленно выехать в Париж. Орлов, хорошо знавший приемы своих работодателей, предпочел порвать отношения с Кремлем и бежать с женой и дочерью в США. А поскольку такого рода убийцы сами очень боятся смерти, он написал письмо Ежову, главе НКВД, перечислив свои «услуги», оказанные Москве, и присовокупив список имеющихся у него документов. В своем послании Орлов писал:

> «Эта бездарная в оперативном отношении телеграмма просто являлась плохой дымовой завесой для заготовленной для меня, человека ни в чем не повинного, коварной ловушки. Для меня стало ясно, что руководитель отдела переусердствовал в „чистке“ аппарата... Я знал, что моя судьба предрешена, и что меня ждет смерть. ...Товарищи, работавшие со мной, хорошо знают, что я неоднократно рисковал жизнью, когда это требовалось для дела, для партии»[9].

В списке принадлежавших ему документов фигурирует в числе прочего «вся история дела Николая и Николаевского. У меня есть копия документа, составленного Юзиком». В заключение отметим, что Орлов предоставил себя в распоряжение секретных служб США; некоторые исследователи убеждены, что он в то же время сохранил связи с Ежовым и НКВД. Во всяком случае, в московском архиве КГБ есть отдел, где хранятся отчеты обо всех делах, к которым имел отношение Орлов.

Успех фильма «Операция „Николай"» и мировой триумф «Земли и свободы» способствовали пересмотру оценки исторической роли ПОУМ, чьи заслуги отныне бесспорны и очевидны. Мы, активисты партии, счастливы, что внесли в это свой вклад. Нам довелось участвовать в ряде мероприятий, приуроченных к показу обоих фильмов в Испании и других странах Европы. К сожалению, «Операция „Николай"» пока не переведена на испанский язык, однако французский перевод фильма, сделанный франко-германской компанией АРТЕ, был показан в нескольких европейских странах. Что же касается «Земли и свободы», она имела большой успех, в том числе в таких государствах, как Япония, ЮАР и Боливия.

Отныне встают другие задачи. Во-первых, необходимо продолжить исследования в московских и других архивах, дабы окончательно установить степень влияния Сталина на события революции и войны 1936-1939 гг., роль сталинизма в Испании и его воздействие на последующую эволюцию рабочего и социалистического движения нашей страны.

В своей статье в газете «Авене» Льиберт Ферри рассказывает, на каких условиях он и Мария Долос Женовес получили доступ к архивам Коминтерна и КГБ. Он подчеркивает необходимость продолжить поиски, чтобы разрешить вопросы, до сих пор остающиеся без ответа: как и когда было принято решение начать кампанию против ПОУМ и Нина? Какую роль сыграл в этом лично Сталин? Правда ли, что, как утверждает Хесус Эрнандес, Тольятти отправил

в Москву телеграмму со словами «Дело Н. решено способом А»? Мы, так же как Виктор Серж и сын Антонова-Овсеенко, полагаем, что приказ об убийстве Нина отдал лично Сталин — и верим, что найдем документальные тому доказательства.

Поиски должны заполнить пробелы, которые еще остаются, несмотря на усилия активистов и историков ПОУМ, книги Хесуса Эрнандеса и Фернандо Клаудина[10], фильм «Операция „Николай"». Лидер ОСПК Лопес Раймундо недавно заявил, что ответственность его партии «не доказана». Удивительно, как можно делать подобные заявления, когда доподлинно известно, что Эрне Гере (Педро), руководивший ОСПК, находился в Алькала де Энарес вместе с мучителями и убийцами, а его правая рука, активист ОСПК Витторио Сала, непосредственно участвовал в гонениях на ПОУМ и состряпал «Шпионаж в Испании»[11], гнусную книгу, призванную оправдать то, что не подлежит оправданию. Достаточно ознакомиться с прессой ОСПК того времени, чтобы убедиться: предшественники Лопеса Раймундо, в частности, Коморера и Вальдес, внесли немалый вклад в подготовку, информационное обеспечение и осуществление кампании против ПОУМ.

Попытка насаждения «народной демократии»

В фильме «Операция „ Николай"» убедительно раскрыта роль сталинистов из КПИ и ОСПК в организации убийства Андреса Нина, и ныне почти никто не подвергает ее сомнению. Даже Французская коммунистическая партия возлагает ответственность за это преступление на советских и испанских коммунистов, о чем говорится в книге Карлоса Серрано[12]. Конечно, полицейский Хавьер Хименес, основной свидетель, показанный в фильме, мог бы подробнее рассказать о роли мадридской спецбригады и ее отношениях с Сантьяго Каррильо, в то время комиссаром по охране порядка Хунты обороны Мадрида. Создается впечатление, что наиболее интересное Хименес приберег для своих воспоминаний, которые будут опубликованы после его смерти. Правда, не исключено, что Орлов не нуждался в услугах Каррильо. Однако последний, хотя и многократно заявлял позднее о «чудовищном преступлении» в отношении Нина, в 30-е гг. активно распространял сталинистские измышления, требовал запрета газеты «Хувентуд Обрера» и расправы над нами.

Наряду с восстановлением исторической правды, необходимо решение другой, не менее важной задачи: нового теоретического осмысления на основе рассекреченных ныне документов того, что происходило в период от Майских событий 1937 года до разгрома антифранкиских сил включительно. После отставки Ларго Кабальеро и репрессий против ПОУМ в республиканской Испании взяло верх сталинистское направление. Была предпринята первая в истории попытка насаждения в стране «народной демократии». Революционный процесс был приостановлен и искажен, Каталония практически утратила свою автономию. Состоялось политическое уничтожение ПОУМ, НКТ и левых социалистов; были опробованы все приемы и методы, использованные в дальнейшем, после 1946 года в Польше, Румынии, Чехословакии, Восточной Германии, Венгрии, Албании и т.д.: проникновение сталинистов

в государственный аппарат, захват ими ключевых позиций в правительстве, армии, полиции, секретных службах, подчинение им СМИ, введение цензуры, подавление всех инициатив, расходящихся с диктуемой из Кремля политикой, и полное пренебрежение развитием революционного процесса.

Подобная политика проводилась командами политических, военных, дипломатических и полицейских «советников» под контролем НКВД. Теперь их имена известны. Некоторые из них, например, консул Антонов-Овсеенко, посол Розенберг, генералы Горев и Берзин были расстреляны по возвращении в СССР; другие, вроде Гере (Педро) или Тольятти (Альфредо) оказались удачливее и получили возможность применять в собственных странах то, что усвоили в Испании, — результаты известны. Но главными жертвами стали трудящиеся и народ Испании, ибо «народная демократия»[13] привела их к поражению и утверждению франкистской диктатуры.

Часть III

Скрещение судеб

Глава 1

Андрес Нин и Хоакин Маурин[1]

В декабре 1919 года в Мадриде состоялся II конгресс НКТ, участники которого представляли 600 тысяч организованных рабочих. Значение этого события трудно переоценить: революционный синдикализм являлся в то время одной из наиболее влиятельных сил в стране. В числе делегатов были Андрес Нин и Хоакин Маурин. Нин входил в состав каталонской делегации и активно участвовал в дискуссиях. Маурин же присутствовал в несколько неожиданном качестве — простого наблюдателя, да еще в военной форме ибо проходил в то время службу в полку Эль-Пардо... Тогдашнее рабочее движение с глубокой симпатией и интересом следило за событиями русской революции; этим объясняется тот факт, что под влиянием, в частности, Андреса Нина и Давида Рея НКТ на своем конгрессе приняла решение присоединиться к III Интернационалу, «во имя революционных принципов, которыми он вдохновляется».

Нину, родившемуся в Эль Вендреле (Каталония) в 1892 году, в описываемое время было двадцать семь лет. Маурину, появившемуся на свет в Бонансе (провинция Уэска) в 1897-м, — всего двадцать два. Несколько месяцев спустя, в 1920 году, Маурин, отслужив в армии, стал секретарем НКТ провинции Лерида и директором еженедельной газеты «Луча сосиал». Оба активиста работали учителями и уже имели за плечами некоторый опыт журналистской и общественной деятельности. Прежде Нин был националистом-республиканцем, членом ИСРП и печатался в изданиях «Побле Катала», «Публиситат» и в агентстве Фабра. Маурин в возрасте семнадцати лет основал в Уэске газету «Талион», что стоило ему некоторых неприятностей с властями, и входил в Леридский комитет «Молодых республиканцев».

Активисты НКТ, симпатизировавшие русской революции, группировались вокруг газеты «Луча сосиал». вскоре ее влияние уже не ограничивалось пределами Лериды и распространилось на Каталонию, Астурию и Валенсию. По словам Маурина, «для НКТ имело большое значение развитие леридской организации», поскольку в этой провинции находились «крупные ГЭС,

снабжавшие электроэнергией Барселону»[2]. Летом и осенью 1920 года велась напряженная пропагандистская и организационная работа, в которой приняли участие Андрес Нин и Жозе Виадиу, делегированные каталонским комитетом НКТ. То было время террора, развязанного предпринимателями. Буржуазия Барселоны поручила Мартинесу Анидо и Арлегуи руководить репрессиями против находившегося на подъеме рабочего движения. Наиболее известные профсоюзные лидеры гибли один за другим. Многие оказались за решеткой, в барселонской Образцовой тюрьме и в крепости Ла-Мола на Минорке. Pistoleros (наемные убийцы) из так называемого «свободного профсоюза» сеяли ужас повсюду. Поскольку в других регионах репрессии были менее жестоки, чем в Барселоне, профсоюзные комитеты удалось восстановить при участии активистов из Лериды, Жероны и Таррагоны. Андрес Нин сменил Эвелио Боаля на посту национального секретаря НКТ, одновременно был создан каталонский комитет, в который вошли Хоакин Маурин (Лерида), Франсиско Исглеас (Жерона) и Фелипе Алайс (Таррагона). Таким образом, Нину и Маурину предстояло работать вместе в весьма непростой ситуации.

Поездка в Москву

28 апреля 1921 года по инициативе Нина, генерального секретаря НКТ, в Барселоне состоялся нелегальный профсоюзный пленум. Главной темой обсуждения стали репрессии против профсоюза. Арагонская делегация предложила ответить террором на террор. Однако большинство согласилось с точкой зрения национального руководства и каталонского комитета, осудившего террористические методы в принципе. Верх одержала позиция Нина и Маурина.

Пленум избрал делегацию на III конгресс Коминтерна в составе Андреса Нина, Хоакина Маурина, Хесуса Ибаньеса, Иларио Арландиса и Гастона Леваля. Маурин и Нин выехали в Россию вместе, без документов... Путь оказался нелегок, через Париж, Берлин, Штеттин и Ревель. Маурин подробно рассказал о нем в своем эссе «О коммунизме в Испании»[3].

Приезд испанских делегатов в Москву стал важным событием, поскольку они представляли НКТ, мощную и уважаемую организацию. Виктор Серж писал:

> «На меня сразу же произвели впечатление два человека: Маурин, высокий, чуть угловатый, с удлиненным лицом, улыбчивый и сдержанный, и Нин с его золотистыми глазами. Между нами быстро установилось доверие. Я рассказал им о бессонных ночах, когда мы вместе с Сальвадором Сеги в его скромной квартире на улице Египтянок готовили выступление 1917 года. Они слушали с огромным интересом и засыпали меня вопросами»[4].

Делегаты участвовали в III конгрессе Коминтерна (Серж вспоминал, как в большом раззолоченном зале Кремля, они, сидя рядом с Альфредом Росмером, Джачинто Серрати, Паулем Леви и Львом Троцким, внимательно и сосредоточенно следили за дискуссией между председателем ИККИ Григорием Зиновьевым и Лениным, который присел на ступени ведущей на трибуну лесенки). Позже они приняли участие в конгрессе Интернационала красных

профсоюзов, и Нин, по словам Маурина, быстро выдвинулся в число его лидеров, войдя в состав наиболее важных его комиссий.

Подписи Маурина и Нина стоят на итоговых документах конгресса Профинтерна. После его окончания Маурин, Арландис и Ибаньес возвратились в Испанию, а Нина Лозовский попросил задержаться в Москве по профсоюзным делам, и он отправился на родину в сентябре, однако в Берлине был арестован. В январе 1922 года, выйдя на свободу, он возвратился в Москву и посвятил себя работе в Профинтерне.

Ему предстояло прожить в России около десяти лет. И когда он занимал ведущие посты в Профинтерне, Коминтерне, советских государственных органах, и когда затем был отстранен от дел за солидарность с Троцким и Левой оппозицией, он не терял связи с Маурином, своим товарищем и другом.

На состоявшемся в октябре 1921 года в Лериде пленуме НКТ Нин отчитался о работе профсоюзной делегации в Москве и рассказал о конгрессе Профинтерна. Его отчет был единодушно одобрен. Однако вскоре ситуация изменилась. В НКТ появились противники членства в Профинтерне, хотя национальный комитет, временным секретарем которого являлся Маурин, отстаивал решения леридского пленума. В феврале 1922 года Маурин был арестован, и состоявшаяся в июне того же года профсоюзная конференция приняла решение порвать с Коминтерном. Сторонники Профинтерна, группировавшиеся вокруг газеты «Луча сосиал», в конце 1922 года провели свой форум в Бильбао, где решили образовать Революционные синдикалистские комитеты (РСК). вскоре в Барселоне начала выходить еженедельная газета «Баталья», ставшая органом этих Комитетов. Нин из Москвы внимательно следил за событиями. Он стал представителем РСК в Профинтерне. Кроме того, он писал для «Луча сосиал» и «Батальи» статьи о международном профсоюзном движении, а также пересылал для публикации работы Троцкого, Зиновьева, Радека, Лозовского, Бухарина, Сержа и других. В тот момент сотрудничество Нина с Маурином имело неоценимое значение[5].

Борьба против диктатуры Примо де Риверы

Ситуация коренным образом изменилась в сентябре 1923 года после переворота генерала Примо де Риверы. Деятельность РСК, которые достигли немалых успехов в Барселоне, Валенсии и Астурии, оказалась под угрозой. В декабре 1923 года Маурин совершил смелый поступок, начав издание ежедневной газеты «Луча обрера» синдикалистско-коммунистического направления. В ней сотрудничали редакторы «Солидаридад обрера» (Фелипе Алаис, Жозе Виадиу), выход которой, по словам Маурина, был «временно прекращен по решению анархистских групп». «Луча обрера» просуществовала всего лишь месяц. «Баталья», несмотря на предварительную цензуру, продолжала выходить до начала 1925 года, когда Бонет, Маурин и почти все руководство РСК было арестовано. Газету запретил своим личным распоряжением генерал Мартинес Анидо.

Но прежде, летом 1924 года, Маурину довелось еще раз побывать в Москве, на конгрессе Профинтерна, и увидеться с Нином. Как он писал много лет

спустя, «политическая обстановка и умонастроения сильно отличались от тех, что преобладали в 1921 году»[6]. И уточнял:

> «Группа вокруг „Батальи“ и представлявший ее в Профинтерне Андрес Нин были идейно близки Ленину и Троцкому, но никогда — Сталину»[7].

В ноябре 1924 года Исполком Коммунистической партии Испании ушел в отставку, и «таким образом руководство перешло к Каталонской федерации» (Маурин), которая издавала подпольную газету «Вангардиа». Вместо запрещенной «Батальи» вновь стала выходить «Луча сосиал», но очень недолго. Диктатура, весьма терпимая к социалистам, была беспощадна к анархо-синдикалистам и коммунистам. На группу «Батальи» обрушились репрессии. Из барселонской тюрьмы Маурин и Бонет писали Нину и руководству Коминтерна о тяжелом положении, в котором оказалось синдикалистско-коммунистическое движение. Ему было посвящено специальное международное совещание в Москве, в котором приняли участие Андре Марти, Антонио Грамши, Андрес Нин, Жюль Эмбер-Дро и Дридзо-Лозовский; они решили поручить реорганизацию коммунистической партии Хосе Бульехосу.

12 января 1925 года в Барселоне на выходе из Атенея Маурин был арестован. Три года он провел в Образцовой тюрьме и казематах Монжуика. Находясь в неволе, он старался поддерживать связь с Нином и Виктором Сержем. Вот как писал об этом в 1937 году русский писатель-революционер:

> «Три года он провел в той же камере, что ранее Феррер и Гвардиа*. Я неоднократно получал от него письма. Он был один, оторван от жизни, дела, любимой женщины, в опасности. Даже тюремные стены никого не могли защитить. Секретарь НКТ Эвелио Боаль и три его товарища ночью были освобождены и сразу же убиты pistoleros — в нескольких шагах от полицейского комиссариата. Маурин попытался бежать, но сломал ногу и несколько месяцев провел в карцере. Его письма свидетельствуют о серьезности и жажде знаний. Он просил передать ему книги учил иностранные языки, английский и немецкий. МОПР не оказывала ему поддержки, несомненно потому, что знала его независимый образ мыслей. Выйдя на свободу 4 октября 1928 года, Маурин обосновался в Париже и смог, наконец, сыграть свадьбу с Жанной, сестрой писателя Бориса Суварина. Этого события он ждал долгих шесть лет»[8].

Маурин в Париже

Маурин прожил в столице Франции более двух лет. Для него это стало временем относительного покоя, передышкой в бурной, насыщенной событиями жизни. Тем не менее, он продолжал напряженно работать и пополнять свой интеллектуальный багаж. Продолжил сотрудничество с Интернационалом образования, к которому всегда проявлял интерес. Стал корреспондентом агентства ТАСС и директором издательства «Европа и Америка», созданном с целью распространения революционной политической литературы в испаноязычных странах. Разумеется, Маурин возобновил переписку со своим

* Феррер и Гвардиа Ф. — известный педагог и анархист, казненный в Барселоне в 1909 году. — *Прим. ред.*

давним другом Нином, который находился в Москве в очень непростой ситуации: он принадлежал к Левой оппозиции и, хотя оставался на свободе, жил под наблюдением в гостинице «Люкс». Лозовский и Томский обращались к нему за помощью по делам Профинтерна, но Нин хотел уехать из СССР. Он рассчитывал перебраться во Францию или Бельгию, для чего расспрашивал друзей-оппозиционеров в этих странах. Но покинуть СССР было непросто, тем более — поселиться во Франции, откуда его выслали в 1925 году. Переезд Маурина в Париж обнадежил Нина. Между ними установилась регулярная переписка, обмен материалами. Активисты, часто совершавшие в то время поездки в Москву и Париж, — в том числе Анджело Таска и Пальмиро Тольятти (основатели, вместе с Антонио Грамши Итальянской компартии) — выступали в качестве посредников, передавая их письма и документы. Сегодня у нас нет доступа к этим материалам, которые, бесспорно, позволили бы на многое пролить свет. Однако часть их переписки была опубликована в каталонском журнале «Авене»[9].

Эти письма ценны вдвойне. Во-первых, они проникнуты дружескими чувствами и общностью мыслей, которые сохранились, несмотря на многолетнюю разлуку и разнообразную деятельность — одного в Москве, другого в Барселоне. Во-вторых, позволяют составить представление о личности обоих товарищей, их тревогах, трудах и надеждах. Следует отметить, что Маурин с присущим ему альтруизмом пригласил Нина к сотрудничеству в издательстве «Европа и Америка» — хотя тот был исключен из ВКП(б), принадлежал к Левой оппозиции, переписывался с Троцким и вместе с Виктором Сержем занимался оказанием помощи ссыльным троцкистам. Благодаря этой переписке нам известно, что Нин перевел для издательства важнейшие работы Ленина («Государство и революция», «Империализм как высшая стадия капитализма», два тома «Избранных произведений»), Плеханова («Анархизм и социализм») и др.

В некоторых письмах в самом дружеском тоне затрагиваются вопросы перевода и издания книг, в других Нин выражает желание как можно скорее уехать из СССР, чтобы работать в условиях большей свободы. Он дает Маурину советы и даже сообщает ему о своем самочувствии. К сожалению, опубликовано всего лишь два ответных письма Маурина. До сегодняшнего дня обнаружить остальные не удалось.

Единственное письмо, написанное совершенно откровенно, без мыслей о цензуре, датировано 1 января 1929 года. Его доверили надежному человеку. Это длинное послание на каталанском языке Нин начинает с заявления о том, что намерен высказаться с полной откровенностью. И далее анализирует кризис в ВКП(б) и борьбу течений в ней, репрессии против оппозиционеров и намерение Сталина выслать Троцкого за границу с тем, чтобы в конечном итоге физически его уничтожить; рассказывает о сопротивлении рабочих сталинской бюрократической политике и сообщает, что передаст еще более подробное письмо «по тому же каналу» [10]. Из этого можно сделать вывод, что переписка Нина и Маурина была гораздо обширнее, чем до сих пор представляется историкам.

Нам не известно, ответил ли Маурин на это письмо. По словам Виктора Сержа, «Тюрьма и эмиграция помешали ему принять участие в российских

делах. Его членство в Коминтерне, уже прирученном Сталиным, в 1930 году представлялось чем-то аномальным». На самом деле Маурин был информирован гораздо лучше, чем полагал Виктор Серж, и сведения получал не только от Нина* но и от таких людей, как его шурин Борис Суварин, Росмер и Монат. Этим объясняется его разрыв с компартией и Коммунистическим Интернационалом в 1930 году.

В 20-30-е гг. существовала огромная дистанция между силой и боевитостью трудящихся города и деревни, с одной стороны, и интеллектуальным и политическим уровнем их вождей, с другой. Социалисты, упорно трудившиеся на ниве организации и пропаганды, пренебрегали теорией, довольствуясь одним лишь «Манифестом Коммунистической партии». Анархисты, будучи великолепными пропагандистами, ограничивались переизданием работ Кропоткина, Бакунина и Малатесты, хотя и не упускали из виду просветительские задачи, а их пресса для рабочих была самой массовой в Испании. Официальная компартия, в которой поначалу имелись достойные активисты и которая как будто подавала надежды, вскоре оказалась подвергнута «большевизации», насаждавшей начатки отвратительной сталинистской субкультуры. В этих условиях задачи формирования марксистской организации взяли на себя несколько инакомыслящих коммунистов, основавшие издательства «Сенит», «Орьенте» и «Ой» и журналы «Комунисмо» и «Нуэва Эра» (Андраде, Нин, Маурин).

С падением монархии Альфонса XIII и провозглашением республики в Испании начался новый этап политической и социальной борьбы. Произошел резкий и массовый подъем рабочего движения, ширились выступления радикальной интеллигенции, рабочей и учащейся молодежи. Именно тогда борцы, сформировавшиеся в 20-е гг. и теперь достигшие зрелости, смогли проявить себя в полной мере. В их числе были Андрес Нин и Хоакин Маурин.

Две выдающиеся личности

Маурину исполнилось тридцать пять лет, Нину — сорок. Они были соратниками и друзьями с 1920 года. Их свел вместе революционный синдикализм НКТ; они участвовали в III Конгрессе Коминтерна и учредительном конгрессе Интернационала красных профсоюзов. Оба верили в идеи Октябрьской революции. В 1921 году в Москве им посчастливилось встретиться с Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным и другими российскими руководителями. Нин возвратился в Испанию из СССР после почти десяти лет напряженной работы на постах заместителя секретаря Профинтерна, депутата Моссовета, советника советского правительства, а также — в качестве одного из лидеров Левой оппозиции. Маурин вернулся на родину из Парижа, где жил в эмиграции после заключения в тюрьме Монжуик. Нин вступил в ряды писателей со своей работой «Современные диктатуры», ответом на книгу «Диктатуры», написанную вождем каталонской буржуазии Камбо. Для Маурина пропуском в «республику словесности» стала книга «Люди диктатуры», беспощадно бичевавшая тех, кто сделал возможным установление режима Примо де Риверы. Хотя у обоих товарищей имелись разногласия с компартией и III Интернационалом, в глазах общественного мнения они являлись наиболее авторитетными

коммунистическими лидерами. Не вызывало сомнений, что им и далее предстоит работать рука об руку. Но обстоятельства оказались сильнее дружбы.

Будучи лидером Левой оппозиции, Нин вел в Москве активную деятельность и поддерживал связь с Троцким находившимся в то время в изгнании на турецком острове Принкипо. В первых письмах Льву Давидовичу из Испании (октябрь-ноябрь 1930 года) Нин писал о положении в испанском коммунистическом движении, разделенном на четыре течения: официальная компартия, которая, по его мнению, не обладала ни силами, ни авторитетом; исключенные из нее Валенсийская и Каталонская федерации; Каталонская коммунистическая партия (Аркер, Фарре); и Левая оппозиция, «которая в Каталонии не пользуется никаким влиянием». Нин склонялся в сторону Каталонской федерации и тепло отзывался о Маурине, «очень умном, а главное, очень честном товарище», не скрывая от Троцкого, что прежде уже работал вместе с ним[11].

Еще более сблизились Маурин и Нин во время тюремного заключения после восстания в Хако. Вынужденный досуг дал им возможность обменяться опытом и идеями; позднее превратности борьбы позволили им еще лучше узнать друг друга.

Даже будучи корреспондентом агентства ТАСС и директором издательства «Европа и Америка», Маурин сохранял достаточно независимый образ действий. Во Франции он поддерживал отношения с такими оппозиционерами, как Борис Суварин, Люсьен Лора и Альфред Росмер, что не могло понравиться руководству Коммунистического Интернационала. Так же, впрочем, как и его поддержка самостоятельной Каталонско-Балеарской федерации и оригинальные идейно-политические позиции, изложенные в его книге. Все это резко контрастировало с пустословием и идеологическими штампами КПИ.

После Памплонской конференции (которая на самом деле проходила в Бильбао), 25 июня 1930 года исполком компартии направил Маурину письмо с требованием не более не менее как сделать «публичное заявление с признанием всех своих политических ошибок, совершенных ранее». В заявлении, уточнялось в письме, должно говориться об «открытом и безоговорочном одобрении политической линии Коммунистического Интернационала и КПИ» и о «разрыве всяких отношений с оппозиционными элементами», а также содержаться обязательство написать «для публикации в партийной печати одну или две статьи против контрреволюционного троцкизма»[12]. Излишне говорить, что ответ Маурина на столь специфическое предложение не заставил себя ждать: им стало объединение Каталонской федерации КПИ с Каталонской коммунистической партией и образование Рабоче-крестьянского блока, учредительный конгресс которого, намеченный изначально на декабрь 1930 года, состоялся 1 марта 1931-го в городе Таррасе.

Возникновение РКБ создало новые проблемы для Нина. Это нашло яркое отражение в его письмах Троцкому, где он порою упрощает свои собственные воззрения, возможно, в стремлении убедить Льва Давидовича в верности его собственной позиции по отношению к Маурину и Каталонской федерации. Так, 29 июня 1931 года Нин писал:

> «Мои отношения с руководителями Каталонской федерации прошли ряд стадий: сотрудничество, разрыв, снова сотрудничество, снова разрыв. Пока мы пребываем на этой последней стадии» [13].

Что произошло за эти месяцы? 9 июня Нин выступил с лекцией в мадридском Атенее посвятив добрую часть своей речи критике РКБ и идей, которые накануне в том же самом месте отстаивал Маурин. Конечно, такую реакцию Нина вызвали призывы Маурина превратить Атеней в Конвент и недостаточная четкость его позиций в отношении каталонского сепаратизма. Но по существу этот инцидент лишь послужил предлогом для размежевания. Гораздо большее значение имело то, что Нин — который продолжал сотрудничать с «Ора», каталонским еженедельником, издававшимся активистами РКБ, — скорее всего, под влиянием Троцкого и своих друзей из испанской Левой оппозиции попросил о вступлении в РКБ с правом образовать там собственную фракцию.

По возвращении из Мадрида Нин «к своему крайнему удивлению» обнаружил письмо от исполкома Федерации. И отреагировал на него следующим образом:

> «Ваш уклончивый ответ показывает, что мое искреннее стремление способствовать необходимому единству коммунистических сил не нашло у вас того отклика, который заслуживало».

Так закончился очередной этап отношений Маурина и Нина. Я предполагаю, что оба они сожалели о произошедшем, поскольку разрыв между ними замедлил наступление важнейшего события — создания единой независимой марксистской революционной силы. Оно произошло три года спустя, когда новая политическая ситуация сделала возможным образование Рабочего альянса и ПОУМ.

От Рабочего альянса к ПОУМ

До возникновения в январе 1934 года Рабочего альянса Нин, помимо переводческой и литературной работы, активно участвовал в деятельности ЛКИ, маленькой организации, где не имел возможности проявить себя в деле в полной мере. Но вскоре все переменилось.

Создание Рабочего альянса готовилось на протяжении всего 1933 года — года победы на выборах в Испании правых под руководством Хиля Роблеса и прихода Гитлера к власти в Германии. Альянс стал массовым объединением всех рабочих организаций Каталонии, за исключением НКТ. О его создании было публично объявлено на многолюдном собрании во Дворце декоративного искусства в районе Монжуик, где выступили Анхель Пестанья, Хуан Лопес, Жорди Аркер, Рафаэль Видиэлья, Жауме Миравильес и Андрес Нин.

Здесь необходимо особо отметить две вещи: примирение Андреса Нина и Хоакина Маурина после разрыва 1931 года и выдающуюся историческую роль Рабочего альянса. И ЛКИ, и РКБ решительно выступали против политики Сталина и Коминтерна, которая в то время строилась на отождествле-

нии социал-демократии с фашизмом, причем левые социалисты объявлялись «злейшим врагом», а идея единого рабочего фронта отвергалась. Как известно, эта безумная политика привела к победе Гитлера в Германии и изменила соотношение сил между реакционными движениями и революционными организациями в Европе. В Испании она имела самые катастрофические результаты. Теперь предстояло противостоять фашистской угрозе, которая усугублялась победой коалиции Лерруса-Хиля Роблеса, представлявшей огромную опасность для рабочего движения и самой Республики.

Рабочий альянс — созданный по инициативе РКБ и получивший теоретическое обоснование, в частности, в работах Маурина — быстро обрел влияние в Каталонии, затем в Астурии и Валенсии, а позднее, благодаря Ларго Кабальеро и «Молодым социалистам», и в Мадриде, хотя никогда не имел общенациональных руководящих органов. Мадридская газета «Сосиалиста» опубликовала получившую широкую известность статью «Во главе с Каталонией», где подчеркивалась положительная роль Рабочего альянса, однако столичные политики не смогли придать объединительной инициативе должный импульс. Это стало одной из причин поражения октябрьского восстания 1934 года в Астурии, несмотря на решительную борьбу горняков и все усилия Рабочего альянса в Каталонии. Необходимо напомнить, что каталонский Рабочий альянс объявил всеобщую забастовку, однако не смог добиться большего из-за капитуляции Правительства Каталонии и нейтралитета НКТ.

Во всяком случае, октябрьское восстание, в ходе которого Маурин и Нин выдвинулись в число лидеров Рабочего альянса (что нашло отражение в решениях исторической ассамблеи его членских организаций, состоявшейся 4 октября в Центре служащих в Барселоне), заставило задуматься о создании единого фронта и необходимости объединить революционных марксистов в одну партию. Объединительные процессы происходили повсюду. Сталинисты поспешили избавиться от троцкистов, следуя полученным из Москвы настоятельным указаниям, и избрали тактику поглощения наиболее слабых организаций (Социалистического союза Каталонии, Каталонской федерации ИСРП и карликовой Каталонской пролетарской партии). Несмотря на некоторые затруднения, им это удалось. Так возникла ОСПК, которая не замедлила примкнуть к Коминтерну, что пролило свет на маневры коммунистов, которые уже шли полным ходом, когда Каррильо и его товарищи поставили «Молодых социалистов» под контроль компартии и Москвы.

На пути к созданию ПОУМ

Деятельность в Рабочем альянсе и сложные процессы объединения марксистов сплотили РКБ и ЛКИ и Маурина и Нина лично. У испанских троцкистов имелись серьезные разногласия с Троцким: Нин, Андраде и их товарищи уже давно тяготились неопределенным статусом по отношению к «оппозиции» КПП и Коминтерну, не одобрили они и «французский поворот»* троцкист-

* Имеется в виду политика энтризма троцкистов в социалистические партии. — *Прим, перев.*

ского движения. Они недвусмысленно заявляли об этом в своем журнале «Комунисмо»:

> «Никоим образом из соображений сиюминутной пользы мы не должны раствориться в неком аморфном конгломерате, который непременно развалится при первом же столкновении с действительностью» [14].

По их мнению, следовало взять курс на создание независимой революционной партии. Здесь позиции Нина и Маурина совпадали. Первый считал, что на «оппозиционную» деятельность бессмысленно потрачено слишком много времени, а второй уже давно боролся за усиление влияния РКБ, по его собственному выражению, «на всем Пиренейском полуострове». Маурин полагал также, что после ухода Арландиса, Сесе, Жауме Миравильеса и группы Коломе, Ферре, Эстартуса и Эстивиля (которые позднее имели крайне неудачный опыт сотрудничества с ОСПК), руководящее ядро РКБ сузилось до крайности. Маурин был человеком харизматичным и амбициозным. Он хотел возглавить массовую партию и сыграть важную роль в истории (это заметно в его книгах и нередко ощущалось в общении с ним), но не относился к тому типу людей, которые окружают себя посредственностями, чтобы возвыситься на их фоне.

В годы эмиграции в Нью-Йорке он неоднократно давал интервью. И на вопросы о создании ПОУМ отвечал не всегда одно и то же. Порою он говорил далеко не то, что думал в 1935 году. Так, Пьеру Бруэ он сообщил, что «объединение произошло с тем, чтобы привлечь на нашу сторону Нина, <...> вместе с которым я боролся на протяжении десяти лет, с 1921 по 1931 гг.» [15]. То же самое поведал он и Виктору Альбе [16].

В период с января по июль 1936 года я довольно тесно общался с Маурином в связи с реструктуризацией МКИ после образования ПОУМ и проектом издания газеты для молодежи, осуществление которого исполком доверил мне. Нашлись товарищи, которые считали, что молодежная организация партии не нужна. Маурин не разделял подобной точки зрения и считал, что МКИ должны быть сильными и деятельными.

16 февраля Маурин был избран в кортесы от Левого фронта Барселоны. В связи с этим ему пришлось часто ездить в Мадрид. вскоре у него установились хорошие отношения со столичными активистами ПОУМ, в массе своей выходцами из ЛКИ. Не раз наведывался он и в Астурию, Саламанку и Галисию. Помню, как познакомился у него с Жозепом Комабельей, прекрасным товарищем из Лериды. Из Галисии Маурин возвращался исполненный воодушевления и заражал им нас, рассказывая о замечательных активистах, которые входили в группу Луиса Растрольо (расстрелянного франкистами в 1936 году), и о созданных ими секциях в Сантьяго-де-Компостела, Ла-Корунье и других городах по всей Галисии. В этой провинции ПОУМ быстро обретала новых сторонников. Маурин также был доволен тем, что в Астурии в нашу партию вступили некоторые бывшие видные коммунисты и лидеры профсоюза горняков. Большие надежды он возлагал и на таких людей, как Хуан Андраде, Лоредо Апарисио и Гарсиа Паласиос. Когда на одном из заседаний центрального комитета Маурин подвергся критике, кто-то выступил в его защиту, отметив его «творческий оптимизм», который мы все хорошо знали.

Процесс формирования ПОУМ занял около года и потребовал наших общих усилий. Большой вклад в него внесла газета «Баталья», возобновившая выход после октябрьских репрессий — сначала в Валенсии, а затем в Барселоне. В номерах, вышедших до 19 июля, можно было увидеть статьи Маурина и Нина, Хуана Андраде и Жорди Аркера, Хосе Луиса Аренильяса и Акилино Мораля, Хулиана Горкина и Луиса Портелы, Хиронельи и Гарсиа Паласиаса, Игнасио Иглесиаса и автора этих строк... Обновленная газета, более богатая и насыщенная по содержанию, отражала образ новой партии. Объединительный процесс достиг кульминации во время сентябрьского совещания 1935 года в Барселоне, где были одобрены тезисы Нина и Маурина «Что такое ПОУМ и чего она хочет», опубликованные в виде брошюры на испанском и каталанском языках, которая широко разошлась по всему полуострову[17].

Все товарищи, и в первую очередь Нин, сочли само собой разумеющимся, что генеральным секретарем ПОУМ станет Маурин. Не только потому, что он был основателем и лидером РКБ, имевшего наибольшей вес среди тех групп, которые образовали новую партию, но и потому, что он смог лучше всего обеспечить преемственность традиции, идущей от революционного синдикализма и Октябрьской революции к коммунизму в Испании. Нин прожил почти десять лет в СССР и имел несколько иной опыт: боевого интернационализма и противостояния сталинизму. Но историки, отводящие Нину второстепенное место, не правы. Он являлся по существу заместителем генерального секретаря. Ему поручили возглавить редакцию журнала «Нуэва Эра», который он превратил в важнейшую идейную трибуну. Позднее бывший руководитель Профинтерна стал генеральным секретарем Рабочей федерации профсоюзного единства и неизменно оставался одним из самых популярных партийных ораторов. Я, видевший Маурина и Нина за совместной работой в исполкоме, могу утверждать, что между ними не было существенных разногласий, и их сотрудничество шло на пользу не только партии, но и им самим. Они придерживались единого мнения по вопросу об участии в Левом фронте Каталонии и об отношении к Троцкому, который сначала положительно воспринял создание ПОУМ [18], а затем — после известия о формировании предвыборного блока рабочих и республиканцев с ее участием — обрушился на нее с абсурдными нападками.

В рамках психологической подготовки к Московским процессам испанские сталинисты развернули кампанию против Троцкого и ПОУМ. Маурин первым ответил им в статье «Я не троцкист, но...», опубликованной 1 мая 1936 года в «Батальe». В ней он писал:

> «Я не троцкист. Троцкий не раз критиковал меня. И сегодня еще продается брошюра Троцкого об испанской революции, где он подвергает меня суровой критике. Я не согласен с тем, как он ставит некоторые проблемы, особенно организационные. Но эти разногласия с Троцким не затмили мне разум <...> настолько, чтобы я стал отрицать очевидную истину. Поясню. <...> Троцкий был и до сих пор является одним из наиболее последовательных мыслителей в социалистическом движении. Троцкий не только не контрреволюционер; напротив, он был и есть один из величайших пролетарских революционеров всех времен»[19].

Троцкий со своей стороны не был столь снисходителен к лидеру ПОУМ, хотя выразил сожаление и озабоченность, когда в августе 1936 года узнал о его исчезновении[20]. Он не мог недооценивать масштаб личности Маурина.

Активисты ПОУМ, пришедшие из РКБ, очень хорошо приняли Нина, хотя многие из них не вполне сознавали важность его работы в СССР во времена Ленина и Троцкого. К тому же Нину были чужды тщеславие и высокомерие; простой и сердечный в обращении, он очень неохотно рассказывал о своем участии в международном рабочем движении и жизни в Советском Союзе.

В письме Виктору Альбе 20 ноября 1971 года Хоакин Маурин, вспоминая о том времени, писал:

> «Нин был хорошим, искренним человеком. К объединению наших сил он относился доброжелательно и с пониманием... Мне кажется, в те десять месяцев, что мы работали с ним вместе, он был счастлив как политический активист. Это оказалось именно тем, к чему он стремился»[21].

К несчастью, период их сотрудничества, столь важный и насыщенный событиями, оказался кратким. Тем не менее, можно сделать некоторые выводы. В своей превосходной биографии Карла Маркса Франц Меринг блестяще характеризует «неординарную дружбу», связывавшую Маркса и Энгельса: «Чем больше переплетались между собою их идеи и труды, тем ярче проявлялась личность каждого из них».

Примерно так же можно сказать о Маурине и Нине — имея и виду и время их плодотворного сотрудничества (1920-1931 и 1934-1936 гг.), и период разрыва (1931-1934). Маурин предвидел, что 1936-й станет решающим годом для революционного процесса. И он не ошибся. Но в ключевой момент оказался в Галисии, на территории, захваченной франкистами, что стоило ему десяти лет неволи. В разгар революции и гражданской войны Нин заменил его у руля ПОУМ. Прежде он и помыслить об этом не мог. Отсутствие Маурина возложило на него груз неведомых прежде забот и проблем.

1936-1937: Нин без Маурина

18 июля 1936 года исполком ПОУМ, собравшийся на квартире Давида Рея в 5-м округе Барселоны, занимался организацией сопротивления военно-франкистскому мятежу. Маурин в это время находился в Сантьяго-де-Компостеле, куда отправился для участия в конференции нашей галисийской организации. Активисты ПОУМ сумели дать отпор вооруженным мятежникам. Подавление мятежа в Барселоне предопределило поражение реакционеров во всей Каталонии. Революция вспыхнула точно порох и вскоре охватила всю страну. Сотни всевозможных комитетов взяли на себя функции органов власти в городах и селах, на предприятиях и в казармах. Безотлагательно началась организация ополчения; отряды ополченцев выступили на Сарагосу и Уэску, где шли бои. Неудачи мятежников в Мадриде, Валенсии, Малаге, Бильбао и других крупных городах и их успехи в Севилье, Сарагосе, Кордове, Овьедо, Вальядолиде и Саламанке создали условия для революционной гражданской войны.

Ни одна организация не была лучше ПОУМ политически подготовлена к подобной ситуации. Однако в конце июля, анализируя произошедшие

события и оценивая соотношение сил в Испании и в рабочем движении, находившемся на подъеме, мы вынуждены были констатировать два факта. Во-первых, ПОУМ — недавно образованная партия, переживавшая определенные трудности в связи с объединением различных организаций (РКБ и ЛКИ) и притоком новых членов, — пользовалась относительным влиянием в Каталонии и Валенсии, но располагала гораздо меньшими силами в Мадриде и других регионах страны. Кроме того, мятежники взяли верх в Галисии, Эстремадуре, Севилье, Саламанке и Памплоне, то есть там, где ПОУМ наиболее активно развивалась и располагала ценными кадрами. Во-вторых, демократический характер партии и излишняя автономия некоторых ее местных отделений нередко вели к тому, что ее активисты-ополченцы отправлялись на фронт беспорядочно и своей неорганизованностью не позволяли наилучшим образом распределять имевшиеся материальные и людские ресурсы.

ПОУМ и сам Нин тяжело переживали отсутствие Маурина. Некоторые активисты, в частности, Жорди Аркер, заявляли: «Теперь мы покажем, что мы — мощная партия!» И все же в критических ситуациях, например, во время событий мая 1937 года или сталинистских репрессий, многие полагали, что, если бы Маурин оставался на своем посту, все могло сложиться иначе. Однако сам он, вырванный своим арестом из активной политической жизни, считал, что его присутствие в Барселоне во главе партии ничего по существу бы не изменило. По крайней мере, об этом он неоднократно говорил мне в 1947 году. Так или иначе, он предпочитал не критиковать действия своих товарищей в годы нелегкой борьбы 1936-1939 гг.

В наши задачи здесь не входит анализ политики ПОУМ во время революции и гражданской войны, ибо это не соответствует нашей теме — рассмотрению политических и личных взаимоотношений Маурина и Нина. Не намерены мы и следовать непродуктивным, хотя и легким путем сравнения этих двух людей, как это уже делалось разными авторами при различных обстоятельствах. Подобно всем нам, Нин и Маурин имели свои достоинства и недостатки. Оба они были хорошими ораторами, блестящими журналистами, публиковали книги на различные темы. Нин в большей степени посвящал себя популяризации марксизма и распространению информации о происходящем в международном рабочем движении, к чему его, несомненно, предрасполагали годы, проведенные в СССР, и работа в Интернационале красных профсоюзов. Маурин, возможно, проведший долгие годы в тюрьме и имевший лишь краткий опыт эмиграции в Париже, больше интересовался экономической и социальной историей Испании и политической стратегией рабочего движения нашей страны. Но оба они были убежденными, безгранично самоотверженными интернационалистами и внесли очень ценный вклад в дело социализма в Испании.

Мне думается, что более всего ощущал отсутствие Маурина сам Нин. Он с искренней теплотой говорил о нем — «где бы он ни находился» — на митинге в Гран Присе 6 сентября 1936 года[22]. И был глубоко удручен, когда Жанна Маурин сообщила нам, что получила открытку от мужа со словами прощания, отправленную через Францию из Ла-Коруньи. К счастью, Маурин остался в живых и попытался покинуть территорию, подконтрольную мятежникам. Однако путешествие его завершилось не в Барселоне, не во Франции,

а в тюрьме Саламанки, где он содержался как «заключенный государственной важности». Благодаря массовой международной кампании поддержки он избежал гибели, однако его, как и многих других, не удалось обменять на пленных франкистов из-за противодействия сталинистов.

Когда стало ясно, что Маурин не сможет возвратиться в Барселону, Нин был назначен политическим секретарем ПОУМ (а не генеральным — не только из уважением к Маурину, но и потому, что генерального секретаря должен избирать съезд). Затем в исполком были кооптированы члены Центрального комитета Хулиан Горкин и Хуан Андраде, находившиеся соответственно в Валенсии и Мадриде. Однако отсутствие Маурина и трудности, с которыми столкнулась партия (связанные с вступлением Нина в Совет Правительства Каталонии и выходом из него, неудачной попыткой объединения РФПЕ и ВСТ, нападками сталинистов на мадридское отделение ПОУМ и началом клеветнической кампании против нас) вызвали трения в руководящей команде и способствовали возникновению мифов вокруг фигуры Маурина. Критика как со стороны Троцкого и его единомышленников, так и изнутри ПОУМ, обрушилась на одного Нина. Отныне требовалось немало мужества, чтобы обличать Московские процессы и политику сталинских агентов в Испании. Даже такой умный и опытный активист, как Луис Портела протестовал в валенсийском издании «Комуниста» против критики СССР на страницах «Батальи». Гораздо спокойнее было промолчать в ответ на советский шантаж, как поступили социалисты и анархисты. Впрочем, им это не помогло.

С некоторых пор приспособление республиканцев к политике, которую все более решительно проводили сталинисты, следуя стратегии Москвы, стало искажать ход революции и компрометировало борьбу с Франко. ПОУМ не могла с этим мириться. У нее было иное понимание революции и войны, рабочего движения и партии, социалистической демократии и социализма. Хуан Андраде писал впоследствии:

> «Своей деятельностью и авторитетом ПОУМ подрывала влияние сталинистов не только в Испании, но и в мировом рабочем движении; она дала надежду революционным антисталинистским течениям во всем мире, способствовала возникновению и развитию новых тенденций, возрождающих социалистическую мысль, независимую от советской практики»[23].

И тогда Сталин и его аппарат решили уничтожить нашу партию. В фильме «Операция „Николай"» Олег Царев, высокопоставленный чиновник, рассказавший о «бумагах Нина», заявил, что кампания против ПОУМ «представляла собой в то время уникальный случай».

В отсутствие Маурина Нин должен был взять на себя ответственность, о которой, несомненно, прежде и не помышлял. Рядом с Маурином он чувствовал бы себя увереннее. И все же следует признать, что Нин выполнил свой долг до конца, и некоторые товарищи были к нему несправедливы. В том числе потому, что не поняли: в революционный процесс в Испании вмешался фактор, усложнивший все, — сталинизм. В июле-августе 1936 года Троцкий и Виктор Серж, принимая во внимание российский опыт и ошибки, настойчиво призывали ПОУМ к сотрудничеству с анархистским движением. Однако, несмотря на свой огромный опыт и знание сталинизма, они

не осознали, что политика, которую КПИ проводила по указке Москвы, обусловила существенное отличие испанской революции от русской. Речь идет о вмешательстве государственной власти в революционный процесс с целью исказить его, навязать свою стратегию, свою гегемонию, устранив, уничтожив тех, кто препятствует этому. По существу, имела место попытка установления в Испании режима «народной демократии», подобного тем, что после Второй мировой войны насаждались в Польше, Чехословакии, Венгрии, Восточной Германии и других странах.

Естественно, сегодня в свете глобального опыта сталинизма, распада СССР и краха «народных демократий» в Восточной Европе понять все это проще. И станет еще понятнее, когда московские архивы откроют нам доступ к документам, необходимым для исчерпывающего анализа вмешательства Сталина в испанскую гражданскую войну и революцию, а также жестоких репрессий, обрушившихся на партию Ленина, германо-советского пакта и многих других остающихся пока не до конца исследованными вещей.

Восстановление доброго имени ПОУМ и Андреса Нина совершенно необходимо сегодня — в условиях серьезного кризиса, постигшего мировое рабочее движение и все те силы, которые сохранили верность социалистическим ценностям. Но происходить оно должно в здоровой обстановке, без предрассудков и мифотворчества. В прошлом из мелочных политических расчетов или желания прослыть оригиналами и нонконформистами некоторые пытались «развенчать мифы о Нине». Бессмысленное дело, ибо никаких мифов не существовало, а была страшная трагедия — еще страшнее, чем судьбы Розы Люксембург и Джакомо Маттеотти, — которая наконец стала известна. Нин не был ни «чиновником», ни «фрустрированным интеллектуалом», ни «партийным бюрократом». Он оставался журналистом, писателем и революционером. О его деле и жизни, оборвавшейся в возрасте всего сорока пяти лет, можно спорить, но он заслуживает уважения, и легковесные и злорадные замечания в его адрес недопустимы. Его мужество перед лицом мучителей и убийц — сегодня мы знаем имена почти всех из них — имело не только нравственное, но и политическое значение. Он хотел спасти революционную честь ПОУМ и соратников Ленина, уничтоженных Сталиным, и доказать, что социализм несовместим с ложью, насилием над людьми и террором.

Глава 2

Андрес Нин и Лев Троцкий[1]

Для меня очень волнующим событием стали памятные мероприятия в честь Льва Давидовича Троцкого, которые состоялись в столице Испании в 1989 году — году великих перемен. В течение недели в мадридском Атенее и других крупнейших культурных центрах звучали выступления, посвященные жизни и деятельности одного из наиболее видных представителей международного социалистического движения XX века. Это стало возможным благодаря поддержке Министерства культуры, многих интеллектуалов и политических активистов, а также усилиям Фонда Андреса Нина. Чувства переполняли меня, ибо я вспоминал то время, когда клевета и происки сталинистов не позволяли устроить в Мадриде мероприятия, посвященные Троцкому.

В конце октября 1936 года МКИ провели собрание в столичном Театре инфанты Изабеллы, и на следующий день сталинистская пресса начала против нас массированную кампанию. Мы оказались в весьма непростой ситуации: в это время шли бои за столицу, наша молодежь сражалась и умирала на фронте под Сигуэнсой. Затем последовали другие возмутительные события: в июле 1937 года некоторые наиболее видные лидеры ПОУМ, в том числе Хуан Андраде, Пере Бонет и Хулиан Горкин, были брошены в застенки «ЧК» в столичных районах Аточа и Кастельяна. Андреса Нина похитили из тюрьмы в Алькала де Энарес и затем убили. Неизвестно, догадывались ли пытавшие его агенты Сталина, что он одним из первых поднял в Испании знамя Октября. Позвольте мне напомнить, что в 1919 году на конгрессе НКТ в мадридском Театре комедии именно Нин привлек этот профсоюз на сторону русской революции.

Перечисленные факты далеко не всем известны, и в данной связи перестройка в СССР и странах Восточной Европы представляет собой событие огромного значения, поставившее важные вопросы перед сторонниками социалистических идей. Падение сталинизма в СССР заставляет задуматься, в первую очередь тех, кто выступал против Сталина и его реакционной политики, и вновь пробуждает интерес к личности Троцкого и троцкизму, к трагедии Нина и ПОУМ, к деятелям и силам социалистического лагеря, оппозиционным сталинизму.

В последние годы мы, старые революционные марксисты, с большим воодушевлением участвовали в памятных мероприятиях в честь Троцкого и Нина в Мадриде и в Барселоне, в то время как в России были реабилитированы видные представители большевиков и российской революционной интеллигенции.

Недавно я был в Париже на коллоквиуме, приуроченном к 50-й годовщине создания IV Интернационала, где бывшие и действующие активисты, представлявшие различные течения в троцкистском движении, попытались подвести итоги своего опыта. Их выводы оказались весьма критическими и очень интересными. К моему немалому удивлению некоторые из наиболее уважаемых деятелей вновь подняли вопрос о взаимоотношениях и конфликтах между IV Интернационалом и ПОУМ. В частности, Адольфо Джилли обратился к присутствовавшим в зале основателям IV Интернационала Мишелю Пабло и Ивану Крепо, участникам его учредительной конференции 1938 года, с вопросами: «Почему мы не смогли договориться с такими людьми, как Нин, с такими партиями, как ПОУМ? Как же вы, участники этой конференции, ставшие затем у руля движения, допустили, чтобы между сторонниками одних и тех же по сути революционных идей возникла пропасть?» Последовавшая затем дискуссия в значительной мере подтвердила, что сталинская полиция и ее агенты приложили немало усилий, чтобы испортить отношения между Троцким и Нином, между Движением за IV Интернационал и ПОУМ, — в разгар испанской революции Кремль стремился сломить всякое противодействие своим планам как в СССР, так и в Испании.

Разумеется, я вмешался в спор, который оказался более плодотворным, чем дискуссия, состоявшаяся у нас в 1969 году в Париже с Пьером Бруэ и нашедшая отражение в книге «Испанская революция»[2]. И все же я предпочел бы не развивать далее эту тему, а подробнее остановиться на том, что представляется мне гораздо более интересным: взаимоотношениях Троцкого и Нина, их дружбе, совместном участии в борьбе и разногласиях между ними, которые привели к разрыву их отношений незадолго до гибели обоих.

Я убежден в том, что Нин был одним из самых верных друзей Троцкого, который очень его ценил. Их дружба длилась пятнадцать лет, с 1921 по 1935 гг. Как известно, летом 1921 года Нин приехал в Москву в составе делегации НКТ для участия в учредительном конгрессе Интернационала красных профсоюзов. По свидетельству Хоакина Маурина, Нин своими выступлениями и участием в дискуссиях сразу же выделился на общем фоне. В сентябре того же года на обратном пути в Испанию он был арестован в Берлине. Выйдя на свободу, Нин возвратился в Москву, где стал заместителем генерального секретаря Интернационала красных профсоюзов. Позднее он был избран депутатом Моссовета и представителем Профинтерна в Коммунистическом Интернационале. По роду своей деятельности он поддерживал регулярные отношения с высшим советским руководством. Можно с уверенностью утверждать, что ни один другой испанский коммунист не занимал столь высоких должностей и не был так близок к вождям Октябрьской революции и советского государства[3].

Вот почему он участвовал в важнейших делах, таких, как реорганизация итальянских профсоюзов в подполье в 1924 году, после прихода к власти фашистов, или содействие формированию профсоюзного движения в Латинской Америке. По той же причине он как бы играл роль наставника для всех испанцев, посещавших СССР в 1921-1927 гг. (среди них Жозеп Пла, Родольфо Льопис, Диего Идальго; особо следует отметить Франсеска Масиа, будущего

председателя Правительства Каталонии, стремившегося обеспечить советскую поддержку каталонскому движению за независимость).

Кое-кто в силу неведения или неискренности допускал в адрес Нина такие характеристики, как «высокопоставленный чиновник» или «главбюрократ». Однако вся его жизнь активиста опровергает подобные домыслы. Утверждали также, что он был ближе к Зиновьеву и Бухарину, чем к Троцкому. Правда состоит в том, что он был близок к ним всем — до тех пор, пока в партии большевиков не разгорелась борьба различных течений. И хотя Нин не входил в число основателей Левой оппозиции, он не замедлил к ней присоединиться. Причем не скрывал этого и позднее не капитулировал, как другие. Многие аппаратные работники разных уровней склонились перед власть предержащими, чтобы сохранить свои привилегии. Как отмечал Виктор Серж, Нин «принадлежал к числу тех, кто отстаивал свободу мышления, слова и выступал за радикальное реформирование режима во имя восстановления рабочей демократии»[4]. Присоединившись к оппозиции, он еще некоторое время оставался заместителем генерального секретаря Профинтерна и жил в Москве на свободе, хотя и под наблюдением. Когда Нина сняли с должности, его друг, генеральный секретарь ИКП Лозовский не порвал с ним отношений и охотно советовался по вопросам мирового профсоюзного движения.

По мнению Росмера, Нина не арестовали и не сослали в Сибирь лишь потому что Сталин в то время еще не осмеливался преследовать видных иностранных деятелей. Нин воспользовался своим положением на благо Левой оппозиции и вместе с Виктором Сержем стал оказывать помощь ссыльным и заключенным товарищам. Он вошел в руководство Оппозиции, возглавил ее Международное бюро вместе с Радеком, Харитоновым и Степановым (будущим сталинским эмиссаром в Испании) и поддерживал отношения с Троцким, пока это было возможно. Некоторые из его писем к Льву Давидовичу в алма-атинскую ссылку, опубликованные в последние годы, дают представление о связывавшей их в то время дружбе.

Нин отправил Троцкому иллюстрированную книгу, посвященную творчеству художника и скульптора Диего Риверы. Троцкий поблагодарил и написал, что ценит этого мастера, который — ирония истории — в 1937 году даст ему приют у себя в Мексике.

Нина заботила участь не только сосланных в Сибирь российских оппозиционеров, но и его томившихся в тюрьмах испанских товарищей (Пере Бонета, Давида Рея, Хоакина Маурина и других). Он вместе с Виктором Сержем потребовал от МОПР оказать им помощь. В 1927-1929 гг. Нин довольно регулярно переписывался со своим другом Хоакином Маурином, находившимся в заключении в барселонской крепости Монжуик и, позднее, в эмиграции в Париже. Их письма представляют огромный интерес. Так, 17 января 1929 года Нин переслал с курьером письмо Маурину, где информировал его о последнем пленуме ЦК ВКП(б) и репрессивных мерах, задуманных Сталиным:

> «Они хотят полностью очистить Москву от оппозиционеров. Ухудшилось положение ссыльных: уже три месяца Троцкий не получает никаких писем. <...> Политбюро приняло решение выслать Троцкого из СССР. <...> Все полагают, что решение это связано с планами физической ликвидации Троцкого. Поскольку

уничтожить его здесь не хватает мужества, убийство должно произойти в другой стране. Эти люди готовы на все. Необходимо воздействовать на общественное мнение. Ибо можно ожидать чего угодно. Уже есть прецедент — смерть Бутова, секретаря Троцкого [последовавшая в тюрьме после пятидесятидневной голодовки]».

Таким образом, Нин — через посредство Маурина — первым обратился к международной общественности с призывом в защиту Троцкого. В его письме говорится, что Сталин вел переговоры с Турцией, дабы она выслала Льва Давидовича, «и тогда его можно будет тем или иным способом уничтожить». В тот момент, когда Нин писал это, из ведущих активистов Левой оппозиции на свободе оставались он один в Москве, первая жена Троцкого Александра Бронштейн и Виктор Серж в Ленинграде. Так что Нин бил тревогу совершенно оправданно. Судьба Бутова и других свидетельствовала о том, что режим перешел к физическому уничтожению оппозиционеров.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что Нин был в то время очень тесно связан с Троцким, писал ему, рассказывал о происходящем, отправлял посылки с книгами. Все это, я уверен, должно было играть немаловажную роль в жизни ссыльного. Позднее, когда Нину удалось уехать из СССР в Испанию, они продолжали переписываться вплоть до 1933 года. Однажды Троцкий признался Виктору Сержу, что если их переписку с Нином издать, она составит том в несколько сотен страниц[5]. Но до нас дошли лишь отдельные письма. Значительная часть их была похищена агентами НКВД, когда они в ночь с 6 на 7 ноября 1936 года ограбили Международный институт социальной истории в Париже. Так что письма эти следует искать в советских архивах. Столь длительную и обширную переписку Троцкий в письме Виктору Сержу объяснял, во-первых, своим интересом к испанской революции, а во-вторых, дружескими отношениями с Нином, которому он хотел помочь занять то место в революционном процессе, которое считал достойным его.

Они прекратили переписываться в начале 1933 года, после конфликта между Левой оппозицией и ЛКИ, возникшего из-за разногласий относительно политики в Испании и методов, взятых на вооружение Международным секретариатом Левой оппозиции. Спор завершился очень резким письмом Троцкого, после чего Нин попросил Льва Давидовича больше не писать ему лично, а обращаться в ЛКИ, которые представляют собой «ответственную, демократическую организацию, а не группу друзей». Так прервались отношения между Нином и Троцким. Последний всегда сожалел о том, что Нин и Андраде не приехали к нему в июле-сентябре 1933 года в Сен-Пале близ Руайяна на юге Франции, где бывали многие активисты из разных стран.

Описать все, что происходило после конфликта Нина и Троцкого и до образования ПОУМ (1933 - октябрь 1935 гг.), в нескольких словах невозможно. Отметим лишь, что Рабочий альянс, вдохновляемый РКБ, открыл возможность создания общеиспанской революционной партии с массовой базой в Каталонии. Но именно в это время Троцкий стал ратовать за «французский поворот», то есть вступление своих сторонников в социалистические партии с целью формирования в них левого крыла, способного играть определенную роль в Европе перед лицом гитлеровской угрозы. ЛКИ и РКБ отвергли предложения Ларго Кабальеро и Сантьяго Каррильо о присоединении к ИСРП

и ОМС, ибо избрали для себя иной путь и не верили ни в перспективы левосоциалистических внутрипартийных течений, ни в возможность успешной «большевизации» «Молодых социалистов» которая, действительно, завершилась в 1936 году в Москве самым постыдным образом.

Судя по тому, что нам сегодня известно, Троцкий с большим интересом следил за происходящим и занял в отношении создания ПОУМ отнюдь не столь однозначную позицию, как видится некоторым. 06 этом свидетельствует его письмо 1935 года, адресованное Жану Ру, где Лев Давидович пишет, что «принял к сведению» образование «новой партии», и дает понять, что предпочел бы с нею сотрудничать[6]. Конечно, потом были февральские выборы 1936 года, в которых ПОУМ участвовала в составе рабоче-республиканской коалиции — сталинисты поспешили окрестить ее «Народным фронтом». На самом деле она в классическом смысле таковым не являлась, будучи не органической коалицией, а избирательным блоком. События в Мадриде развивались так, что какое-либо устойчивое объединение представлялось невозможным. Связь между рабочими организациями и республиканскими партиями обеспечил Ларго Кабальеро.

Троцкий, не располагая достаточной информацией, посчитал, что в Испании копируют французский Народный фронт, и выступил с крайне агрессивной статьей против Нина и Андраде, которая удивила даже троцкистов во Франции, опубликовавших ее исключительно в своем внутреннем бюллетене. Троцкий продемонстрировал полное непонимание удивительного феномена, которому предстояло радикальным образом изменить ситуацию в Испании[7]. Действительно, победа на выборах привела к освобождению 30 тысяч человек, арестованных в октябре 1934 года, она означала политическое поражение правых, вызвала массовый подъем, стала решительным ответом Гитлеру, угрожавшему Европе. Многие из нас до сих пор считают это успехом ПОУМ. В том числе потому, что опыт показал: оказавшись в изоляции, революционеры маргинализируются и начинают бороться друг с другом, а работая в массовом движении, они становятся сильнее.

Без решающей победы на февральских выборах 1936 года не были бы возможны ни мощный отпор трудящихся военно-франкистскому мятежу в июле того же года, ни последующие революционные события. В час, когда на Европу надвигался фашизм, оказанное ему вооруженное сопротивление и попытка осуществить радикальные социальные преобразования в Испании останутся в истории как одно из важнейших событий XX столетия.

Троцкий — несмотря на сложность его положения в Норвегии, где, как он выражался, рука «клана Сталина—Ягоды» дотянулась до самой его резиденции — восторженно приветствовал победу трудящихся в Мадриде и Барселоне и испытывал гордость за ПОУМ. В письме Жану Ру (написанное в начале августа, оно было перехвачено полицией Муссолини и обнаружено много времени спустя итальянским историком Паоло Сприано), выразив беспокойство о судьбе «исчезнувшего» Маурина, которого он ценил больше, чем полагали некоторые его товарищи, Троцкий писал:

«Что касается Нина, Андраде и других, в сложившейся ситуации было бы преступно держаться в отношении них прежней линии. Имеющиеся разногласия

по вопросам программы и метода никоим образом не должны помешать искреннему и устойчивому сближению, а дальше дело покажет. Что до меня, я откровенно настроен сотрудничать с „Батальей“. <...> Передайте мой самый пламенный привет всем друзьям, даже — и особо — тем, кто держит на меня обиду»[8].

К несчастью, Нин так и не увидел этого письма. Но, так или иначе, он узнал от Жана Ру и других товарищей об умонастроениях Троцкого.

Мало того, ПОУМ потребовала предоставить убежище в Каталонии создателю Красной армии — что некоторые оппортунисты посчитали ошибкой Нина и партии. Но мы подобной «ошибки» не стыдимся, и активисты ПОУМ готовы были принять у себя и взять под защиту Троцкого, как поступили они со многими немецкими, итальянскими и румынскими изгнанниками, ставшими их боевыми товарищами.

Если бы Троцкий оказался в Каталонии он, вероятно, смог бы обойдясь без посредников лучше понять особенности испанского революционного процесса, и его отношения с Нином и ПОУМ стали бы строиться на гораздо более позитивной основе.

Однако Троцкий находился в Норвегии, точно пленник, связанный по рукам и ногам. Мексиканскую визу — выданную президентом Ласаро Карденасом по просьбе Нина[9] — он получил, когда уже находился на борту танкера в Атлантике. В начале августа первый Московский процесс (Зиновьева, Каменева, И. Смирнова и других) нарушил все его планы. Сознавая решающее значение борьбы за Испанию для дальнейшей судьбы всей Европы, Троцкий также прекрасно понимал, что жизнь ставит перед ним важнейшую задачу: разоблачить чудовищную ложь Сталина перед лицом рабочего движения и международной общественности. Вот почему он требовал от своих соратников, и в первую очередь, от собственного сына Льва Седова, приложить для этого все усилия.

9 января 1937 года Троцкий высадился в Тампико. Несколько активистов ПОУМ, в том числе Давид Рей и Бартоломеу Коста Амик, которые отправились в Мексику с ознакомительной целью — а на самом деле с тайной миссией добыть оружие для Республики, — участвовали в организации его охраны. Троцкий только успел обосноваться в Койоакане, как 19 января агентство ТАСС объявило о начале 23-го числа следующего Московского процесса. Перед судом должны были предстать Радек и Пятаков. Этого следовало ожидать, но все же оставались сомнения, что после тяжелого впечатления, произведенного процессом Каменева и Зиновьева, Сталин продолжит постановку подобных преступных и абсурдных фарсов. Тем не менее, так и произошло, и Троцкий с яростной энергией бросился в атаку. В своей книге «Преступления Сталина» — менее известной, чем «Преданная революция» — он не только подверг беспощадной критике новую кремлевскую ложь, но и проделал всесторонний анализ сталинизма и чудовищного перерождения диктатуры российской бюрократии.

В период между 25 августа 1936 года, когда он оказался в полной изоляции в Норвегии, и прибытием в Мексику 9 января 1937-го Троцкий получал крайне мало информации о важнейших событиях испанской революции. Первые подробные сведения о них сообщили ему представители ПОУМ, в частности,

Давид Рей и Коста Амик. Наши товарищи смогли убедиться, что, несмотря на все свои заботы, Троцкий по-прежнему живо интересовался ПОУМ. Он получал информацию с большой задержкой, неполную и неточную. Порой она поступала от конкурирующих между собой групп троцкистов, что еще больше усугубляло путаницу. Мы не могли понять, почему в отдельных своих статьях он ставил нам в упрек, например, создание собственного ополчения, в то время как это делали все организации, и мы действительно являлись сторонниками формирования революционной армии. Некоторые критические замечания — например, относительно участия Нина в Правительстве Каталонии или Майских событий — заслуживали более серьезного внимания, ибо аналогичная критика высказывалась и в нашей партии, однако общая тональность статей Троцкого определялась кризисом, начавшимся в движении за IV Интернационал в связи с отношением к ПОУМ и ее политике. Голландская партия Снивлита, бельгийская организация Вереккена, старые друзья Льва Давидовича Виктор Серж и Альфред Росмер, а также многие другие выражали недовольство его отношением к ПОУМ, упрекали в сектантстве.

Эти споры произвели очень тягостное впечатление на Нина, который ожидал от Троцкого иного отношения. А тот вдали от Европы переживал самый драматический период своей жизни. Сталинские репрессии обрушились на его семью, его друзья в СССР капитулировали или погибли. Он как никогда страдал от одиночества и знал, что Сталин совершит все возможное и невозможное, лишь бы его уничтожить. Тем более не было для него секретом, что НКВД пытался внедрить в его окружение своих агентов. Хотя, вероятно, эту опасность он недооценил. Поскольку ныне открылся доступ к советским архивам, мы можем убедиться, что одной из задач ГПУ в то время являлось рассорить ПОУМ с троцкистским движением, Троцкого с Нином. Мы не раз уже говорили, и сегодня я повторяю: сталинисты были заинтересованы в том, чтобы изолировать и дискредитировать революционную партию, которая играла важную роль в борющейся Испании и на которую возлагали надежды революционные социалисты всего мира.

На парижском коллоквиуме, о котором я упоминал ранее, затрагивалась проблема отсутствия членов ПОУМ на учредительной конференции IV Интернационала. Партия была приглашена в качестве наблюдателя, и представлять ее на конгрессе поручили Молинсу и Фабреге, представителю исполкома в Париже. К моему огромному удивлению, Иван Крепо и Мишель Пабло объяснили, что Молинс прибыть на конгресс не смог, так как тот, кто должен был сопровождать его, не явился на встречу. Сопровождающим этим являлся не кто иной, как «товарищ Этьен», член международного секретариата IV Интернационала. На самом деле его звали Марк Зборовский, он являлся агентом ГПУ, специально приставленным следить за сыном Троцкого Львом Седовым. В 1955 году, давая показания перед сенатской комиссией в США Зборовский признал свою причастность к похищению архива Троцкого, подозрительной смерти Льва Седова в парижской клинике и подготовке убийства Игнатия Рейсса. Североамериканские власти не стали преследовать его в благодарность за оказанные услуги.

Разумеется, ПОУМ и не помышляла о вступлении в IV Интернационал, ибо перед нею открывались иные перспективы; кроме того, она считала созда-

ние нового Интернационала преждевременным. Однако партия сотрудничала со всеми социалистическими и коммунистическими силами, независимыми от Кремля, и именно в 1938 году была особенно заинтересована в любой поддержке, столкнувшись со сталинистскими репрессиями, которые самым негативным образом сказались на вооруженной борьбе с франкизмом. Вот почему, несмотря на нападки со стороны Троцкого и некоторых его сторонников, наша партия решила принять участие в конференции IV Интернационала в качестве наблюдателя. В отчете британской делегации на конференции 1938 года, опубликованном только в 1998-м, отмечалось:

> «Отсутствие контактов с ПОУМ и РКСП является большой ошибкой. Завтра мы должны сформировать комиссию для переговоров с ними, информирования о нашей конференции и обсуждения совместной работы. <...> Одобрено предложение ввести в состав комиссии для связи с ПОУМ следующих товарищей: Лезуаль, Джеймс, Кэннон, Шахтман, Лебрен (Марью Педрозу), Бусон, Кларт (Ру), Стефан».

В эту комиссию вошел ряд лидеров IV Интернационала, что свидетельствует о значении, которое он придавал отношениями с ПОУМ.

Тем временем положение в Испании и во всей Европе ухудшалось. Отступление испанской революции способствовало военным успехам Франко. ПОУМ находилась в подполье. Сталин готовил крутой поворот к альянсу с Гитлером и продолжал проводить репрессии против старой гвардии большевиков, чистки, процессы, депортации. С аннексией Гитлером Австрии в 1938 году угроза войны обострилась как никогда. Революционеры в Европе, особенно в Испании и СССР, столкнувшись с самыми реакционными и страшными проявлениями сталинизма, оказались в трагическом положении.

Помню, как, находясь в барселонской тюрьме, лидеры ПОУМ (Хуан Андраде, Давид Рей и другие товарищи) недоумевали, почему «Троцкий молчит» в ответ на репрессии против нашей партии и убийство Нина. На самом деле мы также были плохо информированы. 8 августа 1937 года Троцкий опубликовал в Мексике заявление, в котором говорилось:

> «Нин — старый и неподкупный революционер. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии. <...> Он старался защищать независимость испанского пролетариата от дипломатических махинаций и интриг клики, стоящей в Москве у власти. Он не хотел, чтоб ПОУМ сделался орудием в руках Сталина. Он отказался от гибельного для интересов испанского народа сотрудничества с ГПУ. Это было его единственным преступлением. И за это преступление он заплатил своей жизнью» [10].

Тон данного заявления наводит на мысль: Троцкий сожалел о том, что его сотрудничество с Нином и ПОУМ не сложилось. Лев Давидович не раз называл Нина «своим другом»[11], и придавал этому немалое значение, несмотря на то, что не всегда был справедлив к своим настоящим друзьям и товарищам. Все люди — и великие в том числе — подвержены страстям и имеют свои слабости. Но позвольте мне в заключение напомнить слова, сказанные Троцким о ПОУМ: «Это была наиболее честная партия в Испании» [12].

Глава 3

Андрес Нин и Виктор Серж[1]

Для нас, молодых, пришедших в революционное рабочее движение Испании в 30-е гг., имя Виктора Сержа звучало завораживающе. Многие читали его книги: «Люди в тюрьме», «Рождение нашей силы», «Год первый русской революции». Из них нам было известно, что Виктор Серж — революционер-интернационалист, участник борьбы во Франции, в Испании и в России. Знали мы и то, что он сторонник Октябрьской революции, друг и соратник Троцкого, Зиновьева и Бухарина, талантливый организатор Коммунистического Интернационала и его органа «Международная корреспонденция». Всего этого было достаточно, чтобы вызвать у нас огромный интерес к его личности и произведениям.

Чтение его книги «Люди в тюрьме» произвело на меня необычайное впечатление. Описание тюремного заключения, осмысление его как резкого разрыва с привычным миром глубоко запечатлелись в моей памяти. И каждый раз, когда меня арестовывали за революционную деятельность, я думал о том, что чувствовал Виктор Серж, и мне казалось, что он сумел выразить и мои ощущения. Нарисованная им картина французской пенитенциарной системы ужасала меня, и, к несчастью, мне пришлось убедиться в правдивости описанного, когда в 1941 году в Монтобане французский военный трибунал, подчиненный гестапо, приговорил меня к двадцати годам каторги, и я три года провел в монтобанской тюрьме и эйском централе.

Но мы, молодые активисты Рабоче-крестьянского блока и Левых коммунистов Испании, независимых марксистских организаций, основавших в 1935 году ПОУМ, знали о Серже не только это. Некоторые наши товарищи, например, Давид Рей, лично познакомились с ним в Барселоне в годы мощного подъема революционного синдикализма, когда будущий писатель вступил в профсоюз типографских работников в составе НКТ и стал сотрудничать в еженедельнике «Тьерра и либертад». Его первая статья за подписью «Виктор Серж» была написана в защиту Фридриха Адлера, арестованного за покушение на одного из главных виновников Первой мировой войны. В другой статье, напечатанной в июне 1917 года, он приветствовал падение царского самодержавия в России и создание Революционного рабочего комитета Барселоны. В своих «Воспоминаниях революционера»* Виктор Серж с не-

* В русском переводе: *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. — *Прим. перев.*

скрываемым волнением описывает то время, особенно подготовку восстания 1917 года вместе с Сальвадором Сеги*.

Хоакин Маурин и Андрес Нин познакомились с Сержем в Москве в 1921 году. Он описал их встречу в статье «Прощание с Андресом Нином», опубликованной в июле 1937 года в газете «Революсьон пролетарьенн»[2] и в предисловии к французскому изданию книги Маурина «Революция и контрреволюция в Испании», вышедшей в том же году. Из этих воспоминаний видно, что знакомство их оставило по себе яркую память и положило начало «долгой и нерушимой» дружбе, которая со временем лишь упрочилась, несмотря на все превратности борьбы. Серж, который не был знаком с Нином и Маурином в бытность свою в Каталонии, по словам Альфреда Росмера, увидел в них представителей

> «нового поколения синдикалистов, не склонных к нескончаемым спорам и более подготовленных к пониманию глубинного смысла Октябрьской революции»[3].

В опубликованном в 1965 году в Париже эссе «О коммунизме в Испании» Хоакин Маурин вспоминал о своем знакомстве с Сержем и его беседах с испанскими делегатами:

> «Слова Виктора Сержа были ясными и искренними. Он критиковал или хвалил, в зависимости от того, что считал нужным; он равно отмечал как достоинства и свершения, так и ошибки и недостатки»[4].

Как известно, Нин тогда не смог возвратиться в Испанию и занял пост заместителя генерального секретаря Интернационала красных профсоюзов. Вместе с Сержем, ставшим его близким другом, он поддерживал отношения с Маурином, который создал в Каталонии Революционные синдикалистские комитеты, а затем основал еженедельную газету «Баталья», выражавшую взгляды сторонников русской революции и Профинтерна. Летом 1924 году Маурин, Нин и Серж вновь встретились на конгрессе ИКП в Москве, где, по словам Маурина, «политическая атмосфера и умонастроения сильно отличались от тех, что господствовали в 1921 году»[5].

В начале 1925 года, при диктатуре генерала Примо де Риверы, Маурин и другие активисты группы «Баталья», которые к тому времени вступили в коммунистическую партию, были арестованы. Нин и Серж использовали все свое влияние, чтобы помочь испанским товарищам выйти на свободу. Маурин писал Сержу из тюрьмы Монжуик, и тот впоследствии с теплотой вспоминал об этих письмах, добавляя, что бюрократизированная МОПР не помогала узнику, «несомненно, потому, что знала его независимый образ мыслей»[6]. Маурин вышел на свободу в октябре 1927 года и вскоре после этого обосновался в Париже, возобновив довольно регулярную переписку с Нином и Сержем. Тем временем в Москве обострилась внутрипартийная борьба. Серж и Нин принадлежали к Левой оппозиции и входили в ее Международную комиссию, ответственную за связи с зарубежными компартиями. В Париже Маурин возглавил издательство «Европа и Америка» (в котором

* Имеется в виду всеобщая стачка в Барселоне, сопровождавшаяся столкновениями с полицией и войсками. — *Прим. ред.*

Нин сотрудничал в качестве критика и переводчика) и готовил к изданию свою первую книгу «Люди диктатуры»[7]. Нам известно, что в течение своего двухлетнего пребывания в Париже он, будучи женат на сестре Суварина, тесно общался с Росмером, Монатом и Лора. Нин и Серж информировали его о напряженных дискуссиях, которые велись в СССР вокруг китайской революции и политики Сталина. Анджело Таска и другие лично передавали Маурину те письма от них, которые из-за политического содержания нельзя было доверить почте.

В начале 1928 году большинство российских оппозиционеров оказалось в тюрьмах и ссылках. По свидетельству Сержа, в Ленинграде остались на свободе лишь он сам и Александра Бронштейн[8]. Нин, выведенный из секретариата Профинтерна, жил в Москве под наблюдением в гостинице «Люкс». По-видимому, Сталин еще не осмеливался тогда арестовывать и ссылать иностранных коммунистов. В подобной обстановке дружба между Сержем и Нином еще более укрепилась, и когда последний решил во что бы то ни стало покинуть СССР, он совершил поездку в Ленинград, чтобы посоветоваться со своим другом о дальнейших действиях. По воспоминаниям Сержа, Нин, добиваясь разрешения на выезд в Испанию, «обратился в ЦК с настоящим ультиматумом, в котором проявилась вся его неустрашимость», и тем самым оставил своим адресатам лишь две возможности: бросить его в тюрьму или позволить уехать[9]. В итоге бюрократы предпочли выслать его из СССР. Покинув Советский Союз, Нин и его семья после краткого пребывания в Париже в октябре 1930 года прибыли в Барселону — через несколько месяцев после падения диктатуры Примо де Риверы, в разгар рабочих выступлений.

Виктор Серж, поддерживавший Нина в его намерениях покинуть СССР и возвратиться в Испанию, очень скоро почувствовал, что лишился лучшего друга. Не думаю, что кто-то мог заменить ему эту дружбу, особенно в условиях гонений на оппозиционеров, чье положение ухудшалось с каждым днем. В начале 1933 года, остро чувствуя нависшую над ним угрозу, Серж обратился к своим друзьям — Магдалене и Морису Паз, Ж. Менилю и поэту Марселю Мартине, — с длинным письмом, где описал свое положение, и попросил их опубликовать этот текст, если они ничего больше о нем не услышат[10]. Через шесть недель после написания своего письма-завещания он был арестован, препровожден на Лубянку и сослан в Оренбург. Как известно, Виктор Серж получил свободу лишь в середине апреля 1936 года. Благодаря активной международной кампании за его освобождение, начало которой было положено на Международном конгрессе писателей в защиту культуры, состоявшемся в Париже в июне 1935 года, удалось пробить стену молчания вокруг его судьбы, выстроенную сталинскими бюрократами, и Кремль был вынужден выслать из СССР автора «Года первого русской революции».

ПОУМ сразу же присоединилась к начатой во Франции кампании и призвала независимые коммунистические и социалистические организации Европы и Америки решительно выступить в защиту Виктора Сержа. В июле 1936 года в 6-м номере «Нуэва Эра», теоретического журнала партии, который редактировал Нин, было напечатано знаменитое письмо Сержа Андре Жиду, написанное в Брюсселе в мае 1936 года. Это стало первой публикацией писателя в Испании с разоблачением перерождения сталинского режима. Через

несколько дней после выхода журнала испанские трудящиеся дали отпор военно-фашистскому мятежу, что положило начало революционному процессу в стране.

Как и другие писатели-революционеры, Виктор Серж с энтузиазмом приветствовал первые победы над мятежниками и успехи революционных преобразований в Испании. Но к радости его примешивалась тревога. Радостные чувства вызывало то, что он сам был участником борьбы каталонского пролетариата в 1917 году, с симпатией относился к испанским анархо-синдикалистам и имел верных и близких друзей в ПОУМ, с которыми сотрудничал долгие годы. А тревожиться заставлял пережитый им мучительный и горький опыт, связанный со становлением сталинизма в СССР и побуждавший его опасаться действий бюрократии. И все же в первом своем письме, отправленном Андресу Нину из Брюсселя 7 августа 1936 года, он просил прислать ему издания ПОУМ и писал:

> «Дайте мне вдохнуть бодрящий воздух революции, в которую я верил двадцать лет»[11].

«Баталья», ставшая массовой рабочей газетой, напечатала это письмо, в котором Виктор Серж, не претендуя на то, чтобы давать советы таким своим опытным друзьям, как Нин и Маурин, писал о необходимости учесть уроки русской революции, особенно в отношении независимости рабочего класса, сотрудничества с анархистами и опасности бюрократизации. Это письмо положило начало сотрудничеству писателя с ПОУМ, которое продолжалось и во французской эмиграции, и в Мексике.

Виктор Серж не приехал в Барселону, в том числе потому, что обстоятельства огромной важности удерживали его в Брюсселе и Париже. Ему пришлось взять на себя выполнение задачи, к которой он был подготовлен лучше кого бы то ни было: защиту старой гвардии большевиков, оклеветанной и разгромленной Сталиным, защиту российских революционных писателей.

В своих воспоминаниях Виктор Серж отмечает, что франкистский мятеж 18 июля совпал с волной арестов видных партийных деятелей в СССР. Тогда же Троцкий послал ему вырезку из «Правды», где говорилось:

> «Чудовища, враги народа будут беспощадно уничтожены».

И Троцкий высказывал опасения:

> «Боюсь, как бы это не стало прологом к бойне».

Серж написал Нину 7 августа. 15-го газеты сообщили о предстоящем «процессе 16-ти», а 25-го спустя 11 дней, Зиновьев, Каменев, Смирнов и другие подсудимые были расстреляны.

В отравленной атмосфере гнусных клеветнических кампаний, развязанных сталинскими агентами и их попутчиками из среды интеллигенции, Серж — уехавший из СССР в середине апреля и прекрасно информированный о том, что там происходило, к тому же долгие годы проработавший вместе с некоторыми из казненных большевиков — во весь голос осудил творящиеся преступления и заявил о невиновности жертв. По его инициативе в Париже

была создана «Комиссия по расследованию Московских процессов — в защиту свободы мнений в революции», в которую вошли писатели Андре Бретон, Марсель Мартине, Анри Пулай, политические активисты Пьер Монат, Альфред Росмер, Магдалена Паз и Андре Филип и многие другие. Годы спустя Виктор Серж писал:

> «Я настоял на столь длинном названии, считая с лета 1936 года, что нам предстоит также защищать в испанской революции тех, от кого российский тоталитаризм постарается избавиться в Мадриде и Барселоне теми же средствами клеветы и убийства» [12].

Выполнение задачи, которую поставил перед собой Виктор Серж, было делом нелегким. Позднее он вспоминал:

> «Это поистине была длящаяся годами борьба горстки людей совести против полного удушения правды о преступлениях, которые обезглавливали СССР и готовили скорое поражение Испанской республике» [13].

Печатные органы ПОУМ, поддерживавшие постоянную связь с парижской комиссией, информировали бойцов, трудящихся и общественное мнение о том, что происходило в сталинской России. Они делали это почти в одиночку, поскольку социалисты и анархисты — не говоря уже о прогрессивных интеллектуалах — предпочитали упорно хранить молчание, дабы «не помешать поступлению российской помощи», если не присоединялись из оппортунизма или просто из трусости к хору клеветников. В своей непримиримой борьбе против лжи — плечом к плечу с Троцким — Серж поддерживал тесную связь с ПОУМ, которую считал

> «единственной рабочей партией, в силу своей идеологии, программы и целеустремленности способной сохранять мужество и хладнокровие в ситуации, когда возможно все, что угодно».

Он сотрудничал в «Баталье» (иногда его статьи печатались без подписи), писал Нину и в исполком, предупреждал нас о том, какую роль мог сыграть (и сыграл) в Испании Антонов-Овсеенко, принимал у себя поумистов, которые ездили в Париж или Брюссель, и отстаивал дело испанской революции и нашей партии всеми силами и средствами. Когда вопрос об отношении к ПОУМ положил начало кризису троцкистского движения, Серж, подобно Вереккену, Снивлиту, Росмеру и многим другим, без колебаний стал на сторону испанских товарищей. Неоднократно и со всей откровенностью заявляя о том, что французское и бельгийское троцкистское движение, к сожалению, не разделяет «стремлений российской Левой оппозиции к обновлению идей, практики и основ социализма», он неизменно выражал солидарность с ПОУМ, хотя при этом не раз высказывал свои критические замечания или предложения.

Его поддержка ПОУМ стала безоговорочной после Майских событий 1937 года в Барселоне. В марте Серж почти случайно узнал о прибытии в Брюссель некого влиятельного испанского коммуниста, который заявил, «что в Барселоне готовится уничтожение нескольких тысяч анархистов и членов ПОУМ» [14]. Писатель тотчас же предупредил исполком ПОУМ, которому,

впрочем, уже было кое-что известно о подобных планах, и выступил в прессе с разоблачением маневров посланцев Сталина в Испании, предпринимаемых с целью затормозить революционный процесс и подчинить его интересам кремлевской бюрократии. В 1939 году в Париже Виктор Серж рассказывал мне, с какой тревогой следил он за Майскими событиями, а когда ему стало известно о полицейской операции против ПОУМ 16 июня 1937 года и аресте Нина, его беспокойство достигло крайних пределов, ибо он был уверен: если Нин попадет в руки русских, ему грозит неминуемая гибель. Горький опыт знакомства со сталинизмом и его методами не обманул писателя.

Виктор Серж всегда оставался начеку. В конце декабря 1936 года он сообщил нам о статье в «Правде», где говорилось:

> «В Каталонии уже началось уничтожение троцкистов и анархо-синдикалистов; оно будет доведено до конца с той же энергией, что и в СССР»[15].

И в дальнейшем он пытался помочь Нину и его товарищам, обличая сталинистские репрессии против революционного рабочего движения в Испании. Узнав о полицейской операции 16 июня, он попросил Магдалену Паз срочно вылететь в Барселону, чтобы от имени парижского комитета ходатайствовать у правительства Негрина об освобождении Нина. Личность посланницы, ее журналистская известность и близость к Блюму* могли оказать решающее влияние. Но, поскольку она в тот момент не имела возможности немедленно отправиться в Испанию, в посольство СССР явилась делегация комитета во главе с Эдуаром Сером, летчиком-социалистом и директором «Эр Франс», который оказал немало услуг Советской России. Посол попросил Сера написать письмо на имя Сталина и пообещал передать его. Встревоженные поступавшими из Барселоны известиями, Серж и другие члены комитета организовали отправку в Испанию двух иностранных делегаций для проведения розысков и организации массовой кампании в прессе. Их усилия не дали результатов. Но если Нина спасти не удалось, то правительство Негрина все же оказалось в весьма затруднительном положении, и у активистов ПОУМ в подполье появилось больше возможностей для поддержки своих арестованных и преследуемых товарищей. НКТ и некоторые представители Социалистической партии — в частности, Ларго Кабальеро и его сторонники — неоднократно выражали протест против репрессий и убийства Нина.

В конце июня 1937 подпольный исполком ПОУМ, в который вошли немногие избежавшие преследований ведущие деятели партии (Молинс и Фабрега, Родес, Хиронелья, Аркер, Солано) решил направить все усилия на развитие международной кампании, начатой Виктором Сержем, для чего поручил Молинсу создать представительство ПОУМ за пределами Испании, начать издание информационного бюллетеня и обратиться ко всем рабочим и революционным силам с тем, чтобы совместными усилиями не допустить повторения «Московских процессов» в Барселоне и добиться освобождения всех арестованных членов нашей партии. Молинс при поддержке других товарищей из ПОУМ и РКСП под руководством Марсо Пивера действовал весьма эффективно и тесно сотрудничал с Виктором Сержем.

*Л. Блюм — социалист, премьер-министр Франции в 1936-1937 и 1938 гг. — *Прим. ред.*

Процесс ПОУМ состоялся в октябре 1938 года. Но он не стал повторением «Московских процессов». Обвиняемые (Андраде, Горкин, Бонет, Рей, Хиронелья и др.), чувствуя поддержку своих товарищей в Испании и за рубежом, сами превратились в обвинителей, решительно выступив в защиту революционной чести Нина и всей организации. Любопытная деталь — прокурор обратился к одному из подсудимых, Хулиану Гомесу Гарсиа (Горкину) со следующими словами:

> «Имеется письмо Виктора Сержа Андресу Нину, в котором вы также упоминаетесь, и в этом письме Серж советует ПОУМ начать агитационно-пропагандистскую кампанию среди российских моряков, прибывающих в Испанию на грузовых судах. В числе прочего предложено напечатать листовки на русском языке и расклеить их на стенах поблизости от набережных и порта, где бывали советские моряки».
>
> Подсудимый выразил глубокое сожаление,
>
> «что этого не было сделано, поскольку тогда русские моряки узнали бы, что ПОУМ — революционная партия, продолжательница идей Ленина, и не поверили бы жалкой клевете, которую советская пресса распространяет в адрес ПОУМ по личному приказу Сталина».
>
> Горкин добавил, что прекрасно помнит это письмо,
>
> «а также многие другие письма Виктора Сержа нашему незабвенному товарищу Андресу Нину и мне лично. Виктор Серж принадлежит к числу выдающихся революционеров»[16].

Так Серж незримо присутствовал на суде. Вероятно, в секретных архивах ГПУ хранится немало его писем Нину и другим членам ПОУМ. Барселонский суд, сформированный при участии левых, не во всем уступил давлению сталинистов. Он признал революционные заслуги лидеров ПОУМ и отверг обвинения в шпионаже, выдвинутые прокурором по наущению сталинистской прессы.

Подобное завершение процесса стало большим разочарованием для Сталина и его эмиссаров в Испании. И все же ПОУМ и ЛКИ продолжали оставаться на нелегальном положении (второй исполком партии был арестован в апреле 1938 года, и его членов также намеревались отдать под суд, но этому помешало наступление войск мятежников на Барселону), издавали подпольную литературу, сохраняли регулярную связь с НКТ, левыми социалистами Ларго Кабальеро и Аракистайном, а также оказывали поддержку своим членам, воевавшим против Франко на всех фронтах. И наконец, в Европе и Америке развернулась широкомасштабная кампания в защиту ПОУМ, что доставляло немало хлопот правительству Негрина и самому Кремлю.

В январе 1939 года, во время решающего наступления франкистских войск на Каталонию, почти все лидеры ПОУМ находились в барселонской государственной тюрьме, куда нас поместили ради нашей собственной безопасности, как утверждал министр юстиции социалист Рамон Гонсалес Пенья, герой октябрьского восстания 1934 года в Астурии. За десять дней до падения Барселоны он организовал эвакуацию поумистов в маленькую тюрьму Кадакеса на побережье Коста Брава. После многочисленных перипетий — и тщетного

обращения к правительству Негрина с просьбой освободить нас, дабы мы приняли участие в обороне Каталонии — мы освободились сами и сумели перебраться через Пиренеи во Францию, где нас ожидали активисты РКСП во главе с Даниэлем Гереном. Эта группа, сформированная в Париже при участии представительства ПОУМ и Виктора Сержа, имела целью обеспечить нашу защиту и переправить нас в Париж.

Несколько дней спустя — 10 или 12 февраля — Молинс и Фабрега сообщил мне, что у Виктора Сержа в Пре-Сен-Жерве состоится собрание исполкома. После стольких треволнений... Андраде, Молинс и Фабрега, Бонет, Горкин, Аркер, Хиронелья и автор этих строк пришли к писателю-революционеру. С нами не было его лучших друзей: Нина, убитого ГПУ, и Маурина, арестованного франкистами в Саламанке. Мы вспоминали их и говорили о том, какие жертвы принесла ПОУМ во имя революции. О многом было сказано в тот день. Нас тревожила судьба тех, кто после падения Каталонии продолжал борьбу в Валенсии и Мадриде. Серж засыпал нас вопросами. Ему хотелось знать как можно больше. Он коротко поведал нам о ситуации в России, гонениях и лагерях. А затем началась дискуссия о международном положении и угрозе войны.

Мы согласовали ряд мер, направленных на поддержание связей с Испанией и помощь товарищам, заключенным в концлагерях на юге Франции. Это собрание, прошедшее под знаком дружбы и солидарности, положило начало новому этапу сотрудничества Виктора Сержа и ПОУМ, который продолжался и при немецкой оккупации, прекратившись лишь со смертью автора «Рождения нашей силы» в мексиканской эмиграции в 1947 году.

Приложение

1. Сталинизм и ПОУМ

Доклад Луиджи Лонго о процессе ПОУМ

Ниже впервые публикуется отрывок из важного политического документа — доклада Луиджи Лонго, генерального комиссара Интербригад и помощника Тольятти. Документ, озаглавленный «Причины поражения Испанской республики (1 апреля 1939 года)», предназначался для руководства Коминтерна. Он был обнаружен в архиве ФСБ в Москве и использован в фильме Льиберта Ферри и Марии Долос Женовес «Операция „Николай"». Мы публикуем этот написанный на французском текст как он есть, без правки и комментариев. Луиджи Лонго, он же Галло (1900-1980) — видный деятель коммунистического движения и один из военных руководителей итальянского Сопротивления. После смерти Тольятти избран генеральным секретарем (1964), а затем председателем ИКП (1972).

От редакции: под «кабальеристами» имеются в виду сторонники Ларго Кабальеро, под «приетистами» — сторонники Индалесио Прито.

Правительство Прито-Негрина, как известно, было сформировано 17 мая 1937 года. В первые недели его существования, когда министром внутренних дел являлся Сугасагойтиа, отдел полиции возглавлял член [Коммунистической] партии Ортега. Под руководством Ортеги началась серьезная чистка элементов пятой колонны в Каталонии, Арагоне, Валенсии и Мадриде. Однако вскоре Прито удалось сместить Ортегу и назначить на его место социалиста Габриэля Морона, которого затем сменил республиканец Хуан. В июне в Мадриде была раскрыта разветвленная фашистская организация, состоявшая из офицеров и получавшая директивы из главной квартиры генерала Франко. Найденные документы и показания руководителей этой организации выявили непосредственную связь между ней и руководством ПОУМ. Также выяснилось, что руководство ПОУМ поддерживало прямые сношения с генеральным штабом Франко. Таким образом, лишний раз подтвердилось то, что уже вполне было доказано документами, собранными ранее в Министерстве внутренних дел (еще во времена кабальериста Галарсы). Арест руководства ПОУМ стал необходимостью; лишь его сообщники могли быть заинтересованы в обратном. И они действительно тянули с арестами. Даже Хираль, министр иностранных дел, возмущался подобным промедлением, за которое как-то раз критиковал Сугасагойтиа в Совете министров. Дольше медлить было невозможно. Руководство ПОУМ арестовали.

Но в этот момент начался непорядок. Во время ареста и сразу после него сделали все, чтобы поумисты смогли уничтожить или спрятать множество документов. Через некоторое время многие улики просто исчезли из уголовных

дел. Суд систематически откладывался. Тем временем некоторых поумистов выпустили на свободу. Другим удалось бежать. Заключенным разрешалось общаться между собой, переписываться, принимать посетителей, как испанцев, так и иностранцев, писать заявления, проталкивать в печать протесты и клеветнические призывы и т.д. В такой ситуации оставшиеся на свободе поумистские кадры сразу же взяли на вооружение новые методы работы. Они собирались в помещениях НКТ, редакциях анархо-синдикалистских и кабальеристских изданий, а также в кооперативах (особенно в Каталонии). 29-я дивизия (поумистская) была расформирована за оставление фронта и участие в майском путче 1937 года в Барселоне. Однако командиры и комиссары этой дивизии, все сплошь поумистские кадры, просто были переведены в другие воинские части по приказу Прието и Крессенсиано Бильбао, в то время генерального комиссара. Судебный процесс по-прежнему откладывался, якобы под предлогом изучения материалов дела. А в это время внутри страны и за ее пределами велась целая кампания в поддержку поумистов. В Испании в ней участвовал ряд анархо-синдикалистских, кабальеристских, республиканских руководителей. Компаньс и другие постоянно хлопотали за поумистов. Приезжали представители французских троцкистов, английской Лейбористской партии и прочие. Из-за границы шли телеграммы и петиции правительству, а внутри страны поумисты и их друзья из групп анархистских провокаторов- экстремистов готовили террористические акты. Прокурор Республики, которому было поручено вести дело против поумистов, поспешил уехать за границу. Их адвокат, уже давно хорошо известный как провокатор, также «бежал» из страны. Министр внутренних дел Сугасагойтиа и министр юстиции Ирухо давали двусмысленные интервью иностранным журналистам. Давление партии и общественного мнения вынудило правительство издать декрет о запрещении клеветнических нападок на Советский Союз. Но поумисты продолжали свою кампанию в нелегальных листовках, газетах и других изданиях. На это они получили немалые финансовые средства.

В принципе вся кампания в защиту ПОУМ пыталась представить арест поумистов и будущий суд над ними как «исключительно дело компартии», как вопрос, в котором заинтересована одна лишь Коммунистическая партия. Это не удалось. И не могло удастся. Во-первых, потому, что полицейские комиссары, раскрывшие фашистскую организацию в Мадриде и захватившие документы, были социалистами и республиканцами. Во-вторых, агенты полиции, арестовавшие поумистов, также являлись социалистами и республиканцами. В-третьих, в их распоряжении уже было заявление министра иностранных дел кабальериста Галарсы и свидетельские показания некоторых других социалистов и республиканцев. Кроме того, у них имелись конкретные улики, документы, переписка, печатные материалы, газеты, листовки, резолюции, протоколы собраний. Тогда заинтересованные «круги» прибегли к иной тактике, состоящей в затягивании дела, откладывании процесса. В результате со времени ареста поумистского руководства до начала процесса прошло 16 месяцев. Все это время дата суда постоянно переносилась. Начало создаваться впечатление, что он вообще не состоится. И не только впечатление, подобные намеки неоднократно появлялись в печати. Более того, в анархо-

синдикалистской прессе не прекращалась кампания за освобождение поумистов и против суда над ними.

Но затем, всего за две или три недели, было объявлено, что судебное заседание отроется 11 октября. При том, что изначально процесс был назначен на 1-е, затем на 3-е и только потом перенесен на 11-е. Многие не верили, что суд начнется в указанный день. Потому что он уже столько раз переносился. По поводу этих дат не появилось ни одного сообщения в печати. В Центральном комитете получили информацию неофициально, через товарища, работавшего в аппарате министерства юстиции. Да и то после того, как узнали все из иностранной прессы. Следует напомнить, что в правительстве национального единства, сформированном 6 апреля 1938 года, министром внутренних дел стал Паулино Гомес, приетист и ярый антикоммунист, а министром юстиции — Гонсалес Пенья. С начала лета 1938 года и до начала операции на Эбро Паулино Гомес запрещал массовые мероприятия Партии. Однако цензура, которой он руководил, позволяла анархо-синдикалистской и кабальеристской печати публиковать статьи в защиту ПОУМ, явно написанные самими поумистами, материалы с клеветой в адрес компартии и др. Лишь в редчайших случаях нам удавалось напечатать в наших изданиях ответы на подобные материалы. Цензура безжалостно запрещала публиковать статьи, направленные против ПОУМ. Особенно зверствовала она в Мадриде. Партия неоднократно протестовала против подобных мер, принятых Паулино Гомесом, и против таких действий цензуры. Она обращалась с протестом к Негрину, отправила к нему делегацию ЦК. По поручению последнего много раз выступал с протестом Урибе. В большинстве случаев Негрин признавал справедливость и обоснованность требований Партии и обещал заставить Паулино Гомеса «сменить курс»; но ни разу он не заявил открыто, что выведет Паулино Гомеса из состава правительства. Впрочем, это было бы делом нелегким, так как Паулино Гомес пользовался поддержкой исполкома Социалистической партии. В другой раз Негрин пообещал сделать иначе: вывести цензуру из подчинения министерства внутренних дел и поставить ее под контроль секретариата правительства. Но все осталось пустыми словами. Не лучше обстояли дела в министерстве юстиции, которое в области гражданской подчинялось Гонсалесу Пенье, а в военной — самому Негрину.

Центральный комитет Коммунистической партии интересовали вопросы, кто станет государственным обвинителем и каков будет состав суда? После бегства прокурора государственным обвинителем был назначен коммунист Гомис. Нужно напомнить, что после эвакуации Каталонии Гомис отправился во Францию, был арестован французскими властями и до сих пор остается в тюрьме. Центральный комитет всемерно помог Гомису ознакомиться с материалами и составить обвинительное заключение. Ему пришлось переписывать его несколько раз (насколько это было возможно и удобно). Первый состав суда не внушал никакого доверия, не давал никаких гарантий. ЦК поставил этот вопрос перед Негрином и добился от него внесения некоторых изменений, а также обещания взять дело под личный контроль и не допустить никаких сюрпризов. Когда ЦК узнал из зарубежной печати о том, что суд назначен на первые числа октября, вопрос был поставлен перед секретариатом. В тот же

день состоялось собрание с участием представителей службы пропаганды ЦК, главы отдела пропаганды при президиуме совета министров (товарища члена Коммунистической партии), людей из отдела ЦК, занимавшегося вопросами полиции и др.; той же ночью прошло совещание с Гомисом (общественным обвинителем), Балбонтином (членом верховного суда) и др. Был выработан план публикации статей в непартийной печати, правительственной газете «Вангардиа», зарубежной прессе (при посредстве находившихся в Испании корреспондентов); план передачи информации по телеграфу; план организации отправки из армии телеграмм и резолюций с требованием беспощадной кары для шпионов-поумистов. А также план проведения массовых мероприятий в крупных городах и пр.

Паулино Гомес продолжал свирепствовать пуще прежнего. Он рассылал специальные директивы местным властям с приказом запрещать митинги, а органам цензуры — не пропускать статьи. «Ни за, ни против». Свои запреты министр оправдывал заявлениями о непозволительности оказывать давление на суд, ибо тот должен вынести решение по совести и по закону. Однако цензура пропускала статьи «за» и запрещала статьи «против». ЦК вновь отправил делегацию к Паулино Гомесу в составе, насколько мне помнится, Чеки и Михе или Чеки и Хиорлы.

Беседа прошла в крайне резких тонах. Под конец Паулино Гомес разразился угрозами и заявил, что, пока остается на посту министра внутренних дел, не позволит накалять страсти; он пригрозил подать в отставку. После этого секретариат поручил Урибе безотлагательно поставить вопрос перед самим Негрином, не только на словах, но и в письменном виде. Негрин ответил Урибе письмом, в котором выражал согласие с его доводами, и приложил копию своего письма Паулино Гомесу (написанного после состоявшегося между ними телефонного разговора). В этом письме Негрин подчеркивал, что цензура должна быть суровой и справедливой как к защитникам республики, так и к тем, кто, объединившись с врагами, вредит ей, борется против нее всеми средствами. На следующий день в руководстве социалистов состоялось настоящее сражение. Вайо, Пенья, генеральный секретарь НКТ Васкес и другие взволновались и стали спрашивать, что произошло, что случилось. Говорили о драке, о правительственном кризисе и т. д.

В ЦК сознавали всю сложность ситуации. Операция на Эбро затягивалась. Наша армия заняла оборону и противостояла ужасному натиску неприятеля. Принимались меры по отвоеванию левого берега Эбро. Капитулянты вновь подняли голову. Правительство Негрина, в частности, критиковали не только анархо-синдикалисты, кабальеристы, часть республиканцев, приетисты, но и баскские и особенно каталонские националисты: как левые (Компаньс, Тарраделься), так и «Каталонское действие» (Николау д'Ольвер и др.). Более того, часть руководства ОСПК во главе с товарищем Коморерой тоже начала кампанию против Негрина. Аналогичные маневры наблюдались и в руководстве НКТ. Учитывая все это, ЦК Коммунистической партии посчитал, что если накануне процесса и в непосредственной связи с ним разразится правительственный кризис, то это будет большой политической ошибкой. Во-первых, потому что поумисты и их друзья за границей представили бы дело

так, будто все, за исключением коммунистов, стоят на их стороне. Во-вторых, капитулянты и колеблющиеся смогли бы скрыть подлинные мотивы своего поведения. В-третьих, в случае правительственного кризиса сформировалась бы антикоммунистическая коалиция, которая, очевидно, освободила бы поумистов, начала репрессии против компартии и капитулировала.

В секретариате также были приняты меры в отношении свидетелей и публики. Зная, что в зал суда могут быть допущены только 48 человек, и впускать их будут по одному, мобилизовали некоторое число рабочих, которые с ночи заняли очередь. Кроме того, на суде следовало решить проблему распространения нелегальных листовок и политически тенденциозной информации. Тем более что пресса не напечатала ни одной из сотен отправленных из армии телеграмм с требованием беспощадной кары. Не опубликовали республиканские издания и ни одной аналогичной телеграммы и резолюции французских рабочих. Главные обвиняемые были приговорены к пятнадцати годам заключения. Другие получили меньшие сроки. Три месяца спустя Паулино Гомес вместе с правительством покинул Барселону, оставив в госпиталях на милость врага 20 тысяч больных и раненых солдат. А поумисты, приговоренные к 15 годам тюрьмы, были эвакуированы на границу и отпущены на свободу, так же, как и другие находившиеся в заключении фашисты и шпионы.

В заключение своего, безусловно, неполного отчета о работе аппарата ЦК накануне и во время суда над поумистами я должен со всей ясностью заявить, что руководство Партии, сотрудники аппарата ЦК и партийные активисты, находившиеся в то время в Барселоне, работали хорошо. Того же мнения придерживаются Чека (статьи, которые мы с ним писали и обсуждали вместе, были запрещены цензурой), а также Урибе. В комиссии по процессу участвовали Хиорла, Деликадо, Вальдес, Бениньо, Эстебан Вега, Балбонтин, государственный прокурор Гомис, Баутиста и др. Отсутствовали: Долорес, Хосе Диас, Альфредо и, первое время, Урибе. Директивы, информационные материалы и др. посылались в южную и центральную зоны. К несчастью, по причине нерегулярности авиарейсов эти материалы были получены в южной и центральной зоне с опозданием, хотя и до начала процесса. Отсутствие Урибе и Т. вначале создавало серьезные трудности, ибо через них мы могли выходить непосредственно на Негрина, то есть наши посредники могли связаться с ним в любой момент. Впрочем, я забыл об одном эпизоде: после конфликта с Паулино Гомесом Негрин на восемь дней исчез (ездил в Пиренеи). Были ли ошибки? Разумеется. Особенно серьезные просчеты допустили товарищи, работавшие в подразделениях министерств внутренних дел и юстиции.

Две основные ошибки следующие: ЦК получал информацию не вовремя и не достаточно точную.

В связи с процессом поумистов я должен сказать несколько слов о себе лично. Как известно, с ... августа по ... сентября Эрколи и Урибе отсутствовали. Диас отсутствовал с ... августа, а Долорес с ... по ... сентября. Через неделю после отъезда Эрколи [Тольятти] я предложил (и это было принято) сформировать секретариат в составе трех членов Политбюро, который выступал бы в качестве руководящего органа, имеющего власть в ЦК и способного ежедневно (и еженощно) осуществлять руководство деятельностью Партии,

следить за событиями, незамедлительно разрешать все возникающие вопросы, наблюдать за исполнением принятых решений. Таким образом, каждый день, за 15-40 минут до того, как разойтись, мы заслушивали отчет о проделанной работе, дабы знать, как выполнялись намеченные задачи, каких удалось добиться результатов. Уже во второй половине сентября мы, насколько мне помнится, знали, что суд над поумистами назначен на 1 октября (позднее перенесен на 11-е). Лично мне сообщил об этом Баутиста, принесший вырезки из английских и французских газет. Я немедленно расспросил тех, кто находился рядом. Они подтвердили сказанное. В тот же день я поставил вопрос на секретариате. Этот факт отмечен также в записных книжках Деликадо.

Как я уже сказал, в тот же вечер состоялось собрание, была назначена комиссия и т. п. Тогда же, не дожидаясь следующего заседания секретариата, мы вызвали организатора секретариата ЦК ОСПК Вальдеса, который принял ряд мер. На следующем заседании секретариата я поставил вопрос о нем. Вальдес был включен во вновь образованную (единую) комиссию, и мне пришлось лично переговорить с редакторами «Френте рохо», «Требаль» и «Нотисиас», а также с Вегой (заместителем заведующего отделом пропаганды центрального комитета), Бениньо и другими. Я постоянно расспрашивал их о работе комиссии и лично бывал на некоторых заседаниях (не выступая, точно так же, как присутствовавший прокурор-обвинитель и некоторые его сотрудники, дабы не дать повода скомпрометировать сторону обвинения в случае провокации или излишних разговоров). Не могу сказать, что в этом отношении мы действовали со всей необходимой осторожностью. Например, я считал ошибкой присутствие прокурора на собраниях в помещении ЦК Партии.

Аппарат центрального комитета Коммунистической партии, партийные активисты в целом и, в частности, те из них, кто находился на фронтах Каталонии, члены ОСПК были задействованы в развитии антипоумистской кампании. Это не подлежит сомнению, и, если кто-то осмеливается утверждать обратное, он просто лжет. Конечно, нам не удалось сделать нашу кампанию широкой и массовой, это факт. Естественно, нельзя оценивать удовлетворительно всю кампанию, проводимую компартией на протяжении полутора лет, и я вместе с центральным комитетом несу ответственность за сделанные ошибки. Тем не менее, после назначения даты суда антипоумистская кампания энергично усилилась — именно в данный период. Позволю себе добавить также следующее: за все время моей работы в Испании я активнее и чаще всех остальных (испанцев и не испанцев) обращал внимание руководства Партии на необходимость решительной борьбы с троцкизмом и его испанским отрядом — поумистами. Десятки и десятки раз я ставил вопрос о чистке партийного аппарата, всей Партии, всего государственного и военного аппарата от любых троцкистских элементов. Я указывал на ряд конкретных фактов, что не раз приводило к скандалам. Кроме того, я помогал в подготовке книги Макса Ригера «Шпионаж в Испании»; в частности, настоял на целесообразности публикации предисловия Бергамина. Мне пришлось забраковать первоначальный текст целиком, поскольку он состоял лишь из общих слов, без каких-либо конкретных материалов. При этом я вовсе не хочу сказать, что в итоге книга оказалась свободной от недостатков.

В целом я глубоко убежден, что поработал неплохо и справился с серьезными и сложными задачами в отсутствие Эрколи. Я успешно провел два пленума ЦК ОСПК, подавив оппозицию Коморeры и его сторонников. Учитывая сложившееся в то время положение, это было делом довольно непростым.

Статьи, опубликованные «Юманите» после ареста Андреса Нина и основных руководителей ПОУМ

Приводимые ниже статьи свидетельствуют о ярости сталинистской пропаганды. Их автор, Жорж Сориа, работал тогда на НКВД. В конце жизни он отрекся от написанного в то время*.

Троцкизм на службе Гитлера. В Мадриде раскрыт обширный заговор, организованный лидерами ПОУМ и «фаланги»

Мадрид, 18 июня. Раскрыт разветвленный заговор, в котором принимали непосредственное участие недавно арестованные руководители ПОУМ. Взято под стражу более двухсот человек. Обнаруженные документы превосходят всякое воображение. Сегодня можно считать совершенно бесспорно установленной связь между руководителями ПОУМ, ныне находящимися в тюрьме, и фашистами из пятой колонны, которые строили антиправительственные заговоры на всей территории республиканской Испании.

Уже в апреле и мае наблюдались отдельные факты, позволявшие установить подлинную роль вождей ПОУМ в заговорах в тылу. Но хотя уже первые догадки позволяли сделать определенные выводы, было принято благоразумное решение проследить за развитием событий и перейти к арестам и предъявлению обвинений основным руководителям и их сообщникам лишь после получения всей массы документальных улик.

К настоящему моменту произведено более двух сотен задержаний — в том числе офицеров, пробравшихся в штабы отдельных бригад, в интендантские службы и пр.

Из многих мест подконтрольной правительству территории ПОУМ, служа мятежным генералам, поставляла фашистскому штабу сведения о деталях военных операций, передвижениях войск, вооружениях и оперативных планах республиканских армий.

Лидеры этой организации, связанные с фашистской пятой колонной, использовали для передачи сведений радиостанцию, точнее, приемник и передатчик, расположенные в Мадриде, посредством которых после каждой бомбардировки давали знать батареям мятежников, насколько «эффективным» был их обстрел. Разоблаченные члены шпионской организации, в подавляющем большинстве своем принадлежавшие к крайне правым партиям Испании,

* В 1936-1939 гг. Ж. Сориа находился в Испании в качестве корреспондента газеты французской компартии «Юманите». Позднее, во второй половине 70-х гг. он выпустил книгу «Война и революция в Испании», в которой характеризовал выдвинутые против ПОУМ обвинения в сотрудничестве с франкистами как «сфабрикованные и не имевшие под собой ни малейших оснований», а всю развязанную против партии кампанию — как продукт «методов, которые составляли самый мрачный аспект того, что называют сталинизмом». — Прим. ред.

в частности, монархисты и фалангисты, нашли самых надежных пособников среди лидеров ПОУМ.

В одном из фалангистских документов, обнаруженных в ходе недавних обысков, говорится:

«У нас есть 400 человек, готовых действовать. Эти люди, хорошо вооруженные и находящиеся в благоприятных условиях на мадридском фронте, могут составить движущую силу мятежа. Ваш приказ об инфильтрации наших людей в ряды экстремистов и ПОУМ успешно выполнен. Нам нужен хороший специалист по пропаганде. Для выполнения отданного вами приказа я, впрочем, самолично отправился в Барселону для переговоров с лидерами ПОУМ. Они пообещали мне послать в Мадрид людей для активизации работы своей партии. С таким подкреплением ПОУМ в Мадриде, как и в Барселоне, станет эффективным и решительным проводником нашего движения. Позднее мы сообщим вам дополнительную информацию. Работа по организации наших групп ускорится. Что же касается операций на юге, прояснить дело нам не удалось».

Приведенные факты — а вскоре станут известны и другие, еще более убедительные — являются самым беспощадным обвинительным актом. Это вызовет единодушное возмущение трудящихся всего мира, к каким бы политическим партиям они ни принадлежали, и они лишний раз убедятся, что троцкизм является самым надежным орудием фашизма в борьбе против пролетариата и трудящихся масс.

20 июня 1937 года

В Барселоне разоблачены троцкистские изменники. ПОУМ — шпионская и террористическая организация на службе Франко

Республиканская полиция только что раскрыла новую, поражающую воображение шпионскую сеть, в которой основные роли играли члены недоброй памяти ПОУМ.

После нескольких недель проводимого в тайне расследования полиции Барселоны удалось захватить значительное число документов, доказывающих шпионскую деятельность испанских фашистов в тесной связи с членами ПОУМ.

Эта шпионская организация, основные деятели которой сегодня находятся за решеткой, сумела внедрить своих людей в штабы ряда бригад и регулярно поставляла неприятелю сведения о ходе военных операций, подготовке наступления, положении войск, их вооружении и количестве боеприпасов.

Чтобы беспрепятственно сноситься с генеральным штабом противника, организация устроила свой центр в Перпиньяне, на французской территории, куда поступала информация от внедренных в ряды сторонников правительства шпионов.

Из Перпиньяна фашистские агенты разъезжались по всей Франции и поставляли собранную информацию в лагерь мятежников в Саламанке, откуда через тайных агентов поступали инструкции о том, какие сведения необ-

ходимо собирать прежде всего, и каким образом действовать организации в дальнейшем.

Испанские фашисты и замешанные в это дело члены ПОУМ похищали секретные военные документы. И когда в ходе проведенных за последнее время обысков подозрения полиции в отношении ряда лиц, за которыми она уже наблюдала, полностью подтвердились, было немедленно принято решение об их аресте.

В помещениях, использовавшихся организацией, обнаружены документы о состоянии армии, которые намеревались передать врагу. Возможно, среди изъятых материалов найдутся улики, которые подтвердят, что организация не только занималась шпионажем в пользу мятежников, но и намеревалась взорвать сооружения военного назначения, мосты и укрепления, а также готовила серию покушений на членов правительства и военачальников.

В Барселоне, по месту жительства одного из ведущих членов организации между двумя матрасами обнаружили документы, доказывающие связь организации с ПОУМ, многие члены которой были арестованы.

Группа шпионов из ПОУМ, замешанных в это дело, обозначалась в бумагах литерой «С», и каждому был присвоен определенный номер.

Один из захваченных документов уже получил известность. Речь идет о письме, найденном в доме одного из задержанных. Вот вкратце его содержание:

1. Организация готовилась взорвать мосты через Эбро.
2. Она поставляла сведения о расположении артиллерийских орудий во время Арагонского наступления.
3. Она готовила покушения на военачальников.
4. Наконец, она намеревалась совершить покушение на одного из министров. Дело поручалось двум террористам из ПОУМ, обозначенным в документе шифрами С-18 и С-23, которые собирались забросать бомбами машину министра при проезде через один населенный пункт.

Наконец, в довершение всего в письме нашли отражение жалобы членов ПОУМ на то, что, по их словам, они не могут использовать все шпионские сети с участием поумистов, так как полный список агентов известен лишь членам партийного руководства, находящимся в тюрьме Валенсии.

Таковы факты. Они лишний раз свидетельствуют против ПОУМ, о чьем гнусном пособничестве испанским мятежникам мы, впрочем, уже писали.

Отметим сегодня тот факт, что на французской земле агенты Франко могли безнаказанно сноситься со шпионами, внедрившимися в ряды сторонников правительства. Этого достаточно, чтобы требовать проведения в Перпиньяне немедленной чистки. Невыносимо думать, что враги республиканской Испании и враги нашей страны могут совершенно спокойно плести заговоры против безопасности Испании и — тем самым — против безопасности Франции. Орудующих в Перпиньяне франкистских шпионов следует безотлагательно выслать из страны.

25 октября 1937 года

2. Резолюция Исполкома ПОУМ о Московских процессах

В разгар выполнения революционных задач, стоящих перед нами в нынешних условиях, нас поразило известие о процессе и казни в Москве Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Смирнова и других представителей старой гвардии большевиков — всего 16 человек. Исполком ПОУМ не вправе молчать, когда происходит подобное. Молчание означало бы соучастие.

После смерти Ленина Сталин, генеральный секретарь Коммунистической партии СССР, при опоре на огромную бюрократическую пирамиду, служащую инструментом для достижения его целей, избрал политический курс на установление своей личной диктатуры. Курс этот невозможно было проводить без ликвидации — как во внешней, так во внутренней политике, ибо они обуславливают друг друга, — главных принципов Октябрьской революции.

Внутри страны диктатура пролетариата, основанная на рабочей демократии, — советская демократия — была заменена диктатурой бюрократического аппарата, от чего пострадали рабочие и крестьянские массы, лишенные инициативы и свободы, а также дело социализма, который можно построить лишь путем неуклонного и всестороннего улучшения положения трудящихся масс.

В области внешней политики бюрократизированный Коммунистический интернационал превратился из орудия мировой революции в простой придаток советского правительства, более заботящийся о дипломатических комбинациях с империалистическими правительствами, чем о потребностях революционного движения масс.

Подобное уничтожение самой сути Октября привело Сталина не только к окончательному отказу от принципов революционного социализма, но и к физическому уничтожению старой гвардии большевиков, которое шаг за шагом, систематически готовилось с помощью всех средств, имеющихся в распоряжении власти. Чудовищный московский процесс и его трагическая развязка являются неизбежным следствием происходящего, как и самоубийство Томского и преследования Бухарина, Пятакова и Радека. Из старых соратников Ленина, видных деятелей Октября не осталось больше никого, кто внушал бы Сталину хоть малейшее опасение; точно так же и в Коминтерне не найти ныне почти ни одного из основателей коммунистических партий.

Поскольку у нас в Испании разворачивается революционный процесс огромного национального и международного значения, мы считаем своим непреложным долгом усвоить важнейший российский опыт, дабы не допустить повторения тех негативных явлений, которые могут повлиять на дело пролетарской революции и социализма.

Во имя революционного марксизма мы объявляем себя непримиримыми противниками всякой личной или бюрократической диктатуры — явления, полностью противоречащего социалистическим принципам. Мы являемся сторонниками — в силу непреложной исторической необходимости — диктатуры пролетариата, осуществляемой самим пролетариатом против своих классовых врагов на основе рабочей демократии, при которой свобода и корректная борьба течений наилучшим образом сочетаются с единством действий рабочего класса.

Возможно, те, кто за недостатком аргументов обыкновенно ограничивается наклеиванием ярлыков, воспользуются этой резолюцией, чтобы записать нас в троцкисты. Мы — не троцкисты и не верим в существование троцкизма. Для нас Троцкий наряду с Лениным является одним из великих вождей Октябрьской революции и крупным теоретиком революционного социализма. Поскольку он подвергается преследованиям и клевете, мы считаем должным выразить ему свою революционную солидарность, не скрывая при этом своего несогласия с некоторыми из его оценок.

Мы — революционные социалисты и марксисты. От имени социализма и революционного рабочего класса мы решительно протестуем против чудовищного преступления, только что совершенного в Москве.

В Москве при ужасных обстоятельствах, известных всему миру, были расстреляны Зиновьев, Каменев, Смирнов и многие другие большевики. Наш Исполнительный комитет уже высказывался на эту тему со всей ясностью и революционной честностью, не желая, подобно некоторым другим рабочим группам и изданиям, молчать и тем самым становиться сообщником подобного злодеяния.

Троцкий, соратник Ленина, великий организатор Красной армии, не был расстрелян лишь потому, что находился за пределами России, не во власти Сталина. Несмотря на это, его систематически и жестоко преследуют. За последние несколько лет его жизнь превратилась в настоящую голгофу. Сегодня ему угрожает реальная опасность. Добиваются его изгнания или помещения в концентрационный лагерь, обращаются с ним как с преступником, подстрекают к его убийству.

Мы, не будучи троцкистами и расходясь с Троцким во мнениях, считаем, что против него замышляется преступление, и требуем прекращения этого международного скандала. Испанский и каталонский рабочий класс не потерпят подобного. Убежденные в том, что выражаем его чувства, мы требуем предоставить Троцкому убежище в Каталонии, под революционной защитой рабочего класса.

Мы знаем, откуда исходит противодействие этому благородному предложению.

Мы будем бороться со всей энергией против подобных происков, за выполнение великого долга революционной солидарности.

3. Три текста Л. Д. Троцкого

Ниже приводятся тексты, где идет речь о ПОУМ. С целым рядом других работ Троцкого, которые посвящены испанским событиям, можно ознакомиться в издании, подготовленным Пьером Бруэ: Trotsky L. La Révolution espagnole: 1930-1940. P., 1975.

Письмо Жану Ру

Письмо Троцкого Жану Ру, датированное 16 августа 1936 года, было отправлено на имя Фоско (Нико ди Бартоломео), отель «Фалькон» в Барселоне (реквизированный ПОУМ). Письмо оказалось перехвачено и передано агенту политической полиции Муссолини, а затем попало в руки директора ОВРА (итальянской тайной полиции), который засекретил его. Документ был

обнаружен историком Паоло Сприано среди материалов итальянского министерства внутренних дел (Главное управление государственной полиции: архив 1920-1945 гг.). Ранее публиковался в газетах «Монд» и «Баталья» (органе ПОУМ в изгнании) с комментариями Хуана Андраде.

Мой дорогой Ру,

Прилагаю письмо, которое Вы можете — если сочтете нужным — показать Нину и остальным. То, что я пишу в этом письме, не имеет отношения к дипломатии: необходимо вновь сочетать гибкость с твердостью. Я чувствую себя связанным по рукам и ногам. Горячий привет от Н.* и от меня.

Ваш Л. Т.

Уважаемые товарищи,

Получил вашу неожиданную телеграмму. К сожалению, здесь ее могут интерпретировать как доказательство моего непосредственного участия в испанских делах, в то время как речь идет — насколько я понимаю — о возможности получить визу для поездки в Барселону. Нет нужды говорить вам, что я был бы очень рад приехать. Возможно ли это?

Вам известно мое положение здесь: с одной стороны, нападение фашистов, с другой — заявление ТАСС. Не знаю, как поведет себя правительство, которое не имеет ни малейшего представления о преступной гнусности клики Сталина—Ягоды.

Мы с Н. были бы немедленно готовы выехать в Барселону. Для успеха надо попытаться по возможности избежать огласки.

Вы прекрасно понимаете, что не мне давать здесь советы: речь теперь идет об открытой вооруженной борьбе, положение меняется ежедневно, а знания мои равны нулю. Говорят об исчезновении Маурина. Что это значит? Надеюсь, он не убит? Что же до Нина, Андраде и других, было бы преступно позволить им в разгар боя руководствоваться отголосками предшествующего периода. Если существуют разногласия в вопросах программы или метода, даже касающиеся практики, они ни в коем случае не должны помешать искреннему и долговременному сближению. Последующий опыт довершит остальное. Что касается лично меня, я полностью готов сотрудничать в «Баталье», хотя бы в качестве простого наблюдателя издалека.

Более всего заботит меня вопрос об отношениях между ПОУМ и синдикалистами. Было бы, как мне представляется, крайне опасно руководствоваться исключительно или даже по большей части теоретическими суждениями. Надо сблизиться с синдикалистами во что бы то ни стало, несмотря на все их предрассудки. Нужно одолеть общего врага. Нужно в борьбе завоевать доверие лучших из синдикалистов. Подобные рассуждения могут показаться вам банальными, и я заранее прошу прощения: я не достаточно знаком с ситуацией, чтобы высказываться со всей определенностью. Я лишь хочу подчеркнуть, что до Октября мы делали все, чтобы работать вместе, даже с самыми законченными анархистами.

Правительство Керенского нередко пыталось натравить большевиков на анархистов. Ленин ожесточенно противился этому: один боевой анархист в по-

* Н. — жена Троцкого Наталья Седова. — *Прим. ред.*

добной ситуации стоит больше, чем сотня колеблющихся меньшевиков, говаривал он. Во время гражданской войны, которую навязали вам фашисты, величайшая опасность — недостаток решимости, виляние, одним словом — меньшевизм. Еще раз: все это очень неопределенно. Я готов внести в свои предложения любые уточнения, но для этого нужно явиться на место... Со своей стороны, могу ручаться за самое искреннее стремление ко взаимопониманию с борющимися товарищами, несмотря на все возможные разногласия. Было бы постыдно и мелочно цепляться за прошлое, когда настоящее и будущее открывают перед нами путь совместной борьбы.

Со словарем я попытаюсь разобраться в «Баталье». Но домой смогу вернуться лишь через пять-шесть дней.

Мой самый горячий привет всем друзьям, а также и прежде всего тем, кто считает, будто имеет основания для недовольства мной.

Письмо Андресу Нину

В письме, датированном 3 октября 1936 года, говорится о предполагаемой смерти Хоакина Маурина (его считали погибшим до сентября 1937 года, тогда как он все это время находился в заключении у франкистов под чужим именем). Документ хранится в Гарвардском архиве Троцкого (США).

Дорогой товарищ,

Я с большим опозданием, которое объясняется моим нынешним положением, узнал о смерти Хоакина Маурина. Какой ужасный удар! Я, увы, не могу высказать все, что хотел бы. Прошу всех друзей принять от меня и моей супруги Натальи выражение нашего искреннего и дружеского соболезнования.

Убийство Андрея Нина агентами ГПУ

Статья, опубликованная в №58-59 «Бюллетеня Оппозиции».

Когда Андрей Нин, руководитель ПОУМа, был арестован в Барселоне, не могло быть ни малейшего сомнения в том, что агенты ГПУ не выпустят его живым. Намерения Сталина раскрылись с исключительной ясностью, когда ГПУ, которое держит в своих когтях испанскую полицию, опубликовало заявление, в котором Нин и все руководство ПОУМа обвиняются в том, что они являются «агентами» Франко.

Вздорность этого обвинения ясна всякому, кому известны хотя бы самые простые факты испанской революции. Члены ПОУМа героически боролись против фашистов на всех фронтах Испании. Нин — старый и неподкупный революционер. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии. Именно поэтому ГПУ избавилось от него при помощи хорошо подготовленного «рейда» на барселонскую тюрьму. О том, какую роль сыграли в этом деле официальные испанские власти можно делать только предположения.

Телеграфное извещение, инспирированное ГПУ, называет Нина «троцкистом». Погибший революционер часто и совершенно обоснованно протестовал против этого наименования. Под руководством Маурина, как и под руководством Нина, ПОУМ был одинаково враждебен Четвертому Интернационалу. Правда, в течение 1931-1933 гг., Нин, который тогда не был членом

ПОУМа, поддерживал со мной дружескую переписку. Но уже с начала 1933 года разногласия по принципиальным вопросам привели к полному разрыву между нами. В течение последних четырех лет мы обменивались только полемическими статьями. ПОУМ исключил троцкистов из своих рядов. ГПУ называет троцкистами всех тех, кто находится в оппозиции к советской бюрократии. Это облегчает кровавую расправу.

Независимо от разногласий, которые разделяют меня с ПОУМом, я должен признать, что в борьбе, которую Нин вел против советской бюрократии, прав был Нин. Он старался защищать независимость испанского пролетариата от дипломатических махинаций и интриг клики, стоящей в Москве у власти. Он не хотел, чтоб ПОУМ сделался орудием в руках Сталина. Он отказался от гибельного для интересов испанского народа сотрудничества с ГПУ. Это было его единственным преступлением. И за это преступление он заплатил своей жизнью.

Л.Т.
8 августа 1937 года

4. Призыв пересмотреть решение суда над членами ПОУМ

Приговор, вынесенный на судебном процессе членам ПОУМ, вызвал большое волнение в политических кругах и общественном мнении Испании. Многие известные люди потребовали от правительства Негрина немедленной амнистии (хотя такой исход не устраивал находившихся в заключении лидеров ПОУМ). Приводимый ниже документ был опубликован рядом газет. За пересмотр решения суда или немедленную амнистию выступили наиболее видные представители левых партий и профсоюзов. В итоге даже сталинские эмиссары в Испании Эрне Гере и Тольятти оказались вынуждены признать, что «Московский процесс в Барселоне» провалился.

Суд над членами Исполнительного комитета ПОУМ получил необычайно широкий резонанс в Испании и за рубежом. Правительству Республики, несомненно, известны все детали, потому мы считаем излишним излагать здесь подробно предысторию событий. Достаточно будет лишь напомнить, что Хуан Андраде Родригес, Хулиан Гомес Горкин, Педро Бонет Куито, Энрике Адроэр Паскуаль и Жорди Аркер Салто предстали перед чрезвычайным трибуналом по обвинению в совершении самых чудовищных преступлений: шпионажа и государственной измены. Первые четверо были приговорены к пятнадцати годам каторжных работ, пятый — к одиннадцати годам.

В приговоре обвиняемые признаны подлинными антифашистами, с самого начала принимавшими участие в тяжкой борьбе, которую ведет против фашизма испанский народ. Констатируется также, что они не являются организаторами или зачинщиками Майских событий 1937 года. Суд признал доказанным лишь один пункт обвинения — в том, что подсудимые намеревались воспользоваться этими событиями для установления в Каталонии режима, который соответствовал бы изложенным в их партийной программе социалистическим идеям. Ответственность за это, даже бесспорно установленная, делает этот приговор тем более несправедливым, что не было иных судов и осужденных в связи с Майскими событиями.

Нижеподписавшиеся не могут по совести согласиться с подобным приговором, даже если он не подлежит обжалованию, ибо он, помимо всего прочего, основан на грубой юридической ошибке, которая состоит в том, что центральному трибуналу по делам о шпионаже неподсудны дела о мятеже — а именно это вменялось в вину подсудимым в обход установленной законом процедуры, предусматривающей рассмотрение таких дел народными судами (декреты от 7 мая 1937 и 24 марта 1938 гг.).

Но наряду с приведенным выше юридическим доводом у нас есть и основания для протеста политического порядка. Осужденные, давние активисты рабочего движения, принимали активное участие в событиях 1930-го и апреля 1931 гг., которые привели к установлению Республики, в восстаниях октября 1934-го, февраля и июля 1936 гг., не допустивших прихода к власти фашистской реакции. В глазах народных масс эти люди выглядят осужденными за свои политические идеи, которые неизменно отстаивали, жертвами политических преследований.

За границей — и правительству Республики известно об этом лучше, чем нам, — суд вызвал большое волнение, которое возрастет еще более после того, как станет известен приговор. Речь уже идет о проведении контр-процесса в Париже с участием известных французских, английских и американских адвокатов. Может ли дело антифашистской Испании выиграть от этого, особенно в такой момент? Очевидно, нет.

Чувство антифашистской солидарности с осужденными и убежденность в том, что мы служим общему делу, за которое столь храбро сражается испанский пролетариат, побуждают нас потребовать от правительства принятия мер для пересмотра этого приговора законным путем и исправления ошибок, которые, по нашему мнению, он содержит.

Но более всего мы желаем, чтобы испытанные борцы-антифашисты, которые пользуются определенной симпатией в Испании и за рубежом, не растрачивали бесплодно в тюрьме свою энергию, в то время как для победы над врагом и защиты прав героического испанского народа необходимы усилия каждого.

В связи с этим мы просим Совет министров предпринять необходимые действия с целью пересмотра решения суда и проведения нового расследования фактов, поставленных в вину осужденным, либо, в случае невозможности этого в настоящий момент и не дожидаясь, когда такой пересмотр станет возможным, немедленно объявить амнистию.

Федерика Монтсени, руководитель НКТ-ФАИ, бывший министр здравоохранения;
Франсиско Ларго Кабальеро, бывший председатель совета министров, руководитель ИСРП;
Луис Аракистайн, бывший посол Испании во Франции, руководитель ИСРП;
Родольфо Льопис, бывший генеральный директор начальных школ;
Николау Д'Ольвер, каталонский интеллигент, бывший министр, ныне управляющий Банком Испании и председатель «Республиканского Каталонского действия»;
Хуан Пейро, бывший министр промышленности, руководитель НКТ;
Жозеп Таррадельяс, глава Правительства Каталонии, руководитель «Левых республиканцев Каталонии» (ЛРК);
Хайме Миравильес, комиссар пропаганды Правительства Каталонии, член ЛРК

5. Три обращения к республиканскому правительству

Они были отправлены находившимися в заключении лидерами ПОУМ и МКИ республиканским властям. Копию письма 17 января 1939 года передал автору историк Бернетт Боллотен.

Письмо из Государственной тюрьмы Барселоны

14 июля 1938 года

Господин президент Республики,
Господин председатель кортесов,
Господа председатели Правительств Каталонии и Эускади,
В руководящие комитеты антифашистских партий и организаций.

Уже тринадцать месяцев мы, нижеподписавшиеся — давние активисты рабочего движения, основатели и члены руководства ПОУМ — находимся в заключении. Мы были арестованы 16 июня 1937 года. За два дня до этого министр тогдашнего правительства Хулиан Сугасагойтиа дал нам устное обещание, что на предстоящем 18 июня заседании Совета министров будет поставлен в повестку дня и по возможности разрешен вопрос о снятии запрета на издание «Батальи». «Если бы все зависело только от меня, я бы хоть завтра разрешил вам возобновить выпуск вышей газеты», — заявил министр. Но решить эту проблему не успели, ибо кое-кто не желал допустить, чтобы издатель «Батальи» по доброй воле и по решению нашего Исполкома явился в суд № 1 города Барселоны с намерением опровергнуть порочащие нас обвинения. Его оправдание, в котором не возникало сомнений, свело бы на нет всю многомесячную деятельность коммунистов по уничтожению нашей партии. Полицейские агенты, находившиеся у них в подчинении, спешно явились из Мадрида и Валенсии и начали жестоко преследовать ПОУМ. Активисты и сторонники нашей партии, которых им удалось обнаружить, были взяты под стражу как «фашистские шпионы». Именно в качестве «фашистского шпиона» собирались арестовать, например, командира Кауэ, члена нашего Центрального комитета, когда фашистская пуля оборвала его жизнь на арагонском фронте. Партийные помещения и квартиры некоторых активистов оказались разграблены, причем пропали не только предметы, представляющие определенную ценность (печатные машинки, авторучки, одежда), но даже мыло и одеколон. Конфисковали наши издания, а после распродали за гроши фундаментальные труды Маркса, Энгельса, Розы Люксембург, Ленина, Каутского и Бебеля, без разбора заклейменных «троцкистами»... Это было только начало. Затем последовали репрессии. Хотели, чтобы пролилась кровь. И она пролилась.

Андрес Нин был похищен военными из тюрьмы Алькала де Энарес и убит. Мы имеем право заявлять об убийстве, пока не будет доказано обратное — теми, кому надлежит. В следующем месяце в Барселоне был похищен австрийский писатель-марксист Курт Ландау. Он исчез без следа; по-видимому, его тоже уже нет в живых. В это же время брат нашего депутата Хоакина Маурина, находящегося в плену в Сарагосе или Саламанке, умирал на больничной

койке от последствий тюремного заключения, и двое полицейских даже тогда не спускали с него глаз. вскоре в Лериде был расстрелян наш комиссар Марсиано Мена, бывший рабочий активист и один из героических бойцов-ополченцев. Несколько месяцев спустя на восточном фронте убили двух наших старых товарищей, Трепата и Эрваса, племянника бывшего генерального комиссара и депутата Крессенсиано Бильбао. 8 мая того же года наш товарищ Франсиско Пина Орко был расстрелян вместе с одиннадцатью другими заключенными в трудовом лагере Омельс де Нагайя в провинции Лерида. Командир Асторга, приказавший расстрелять их по личной прихоти, издевательски сообщил нашему товарищу, что получил приказ через три дня освободить его... Какие еще могут быть сомнения у антифашистов Испании и за рубежом в том, что наша партия является «мученицей гражданской войны»?

А мы? Тринадцать месяцев нас переводили из тюрьмы в тюрьму. Мы повидали шестнадцать разных карцеров и камер. Получив свободу после семи дней заключения, прямо на выходе из Образцовой тюрьмы в Валенсии мы были схвачены, отправлены в Мадрид и брошены в подвал без света и вентиляции, обреченные, несомненно, на ту же участь, что постигла Нина. Но хуже всего, вероятно, все же не это. Самое чудовищное, что, в то время как специально назначенные правительством судья и прокурор готовили суд над нами, пресса Коммунистической партии, представленной в правительстве, изо дня в день беспрепятственно поливала нас грязью, развязав беспрецедентную клеветническую кампанию, а мы не имели возможности защищаться, и другим не давали защищать нас. Некоторые достойные издания Мадрида, Валенсии и Барселоны хранят в своих архивах множество статей в нашу защиту или просто в защиту справедливости, которые не пропустила цензура. Подобный факт навсегда покрыл позором это учреждение.

На какое-то время клевета и преследования вроде бы поутихли. Но сейчас они возобновились с новой силой. Последние месяцы вновь ведется охота на активистов ПОУМ. В Образцовой тюрьме Барселоны и в той, где находимся мы, заключено немало наших товарищей, большинство из которых вступили добровольцами в ополчение или занимали ответственные посты с 1936 года. В тюрьме содержатся и женщины, некоторые более года, в том числе иностранки, а также жены Андраде и Бонета и девушка, не достигшая восемнадцати лет и приговоренная к шести годам заключения только за то, что читала нашу газету. Кампания против нас и репрессии тесно связаны между собой. Вновь мы являемся основной темой для газет КПИ и прочих коммунистических группировок. К прежней клевете добавилась новая, да какая: якобы мы несем ответственность за прорыв восточного фронта. Нас почтили даже особой книгой, переведенной на несколько языков. Только что пущен в продажу «Шпионаж в Испании». Заголовок лживый и обманчивый, вымышлены имя автора и название издательства. Чтобы говорить правду, прибегать к таким уловкам не требуется. Почему КПИ не выступает с открытым забралом, продвигая этот гнусный пасквиль против ПОУМ? А вдруг она боится скандальной ответственности, которую влечет за собой публикация секретных документов? Дело серьезное, очень серьезное. Коммунистическая партия по своему усмотрению распоряжается полицией и цензурой. Теперь она использует аппарат правосудия. Это доказывает данная книга. Кто предоставил

документы? Какой чиновник нарушил законные процедуры? Еще один вопиющий факт — прокурор, ведущий наше дело, написал заключение к книге. При чтении его становится стыдно. Он грубо резюмировал содержание пасквиля. И что делает правительство, столкнувшись с подобным скандалом? Что делают власти Республики? Антифашистские партии и организации? Нам прекрасно известно, что после нашего ареста рабочие и свободолюбивые круги всего мира охвачены беспокойством и негодованием. Их возмущение совершенно оправдано, ибо бесспорная истина такова: интерес одной партии — точнее, интерес одного иностранного диктатора — стал в антифашистской Испании государственным интересом, и пока испанское государство остается зависимым от него, как заставить поверить зарубежное общественное мнение, что оно действует самостоятельно, исходя из собственных интересов? А если к тому же все это потребовалось для того, чтобы упомянутый диктатор обеспечил нас материальными средствами для борьбы с фашизмом в нашей стране! Значит, наша жертва не совсем напрасна? Как бы не так.

Примерно месяц назад нам сообщили, что суд над нами скоро начнется. А теперь до нас доходят слухи, что летом он не состоится. Почему? Сколько еще будет продолжаться подобная ситуация? Не настало ли время положить конец скандальному фарсу? Близится вторая годовщина славных июльских событий. Все мы принимали в них участие. Все мы рисковали своей жизнью в борьбе с фашизмом. Среди сотен наших погибших товарищей, нашей гордости, — первый борец, который погиб в Барселоне, секретарь нашей молодежной организации, и единственный погибший в Валенсии. Первую годовщину этих событий мы отметили в мадридской ЧК, в одиночных камерах, под угрозой смерти. Неужели и вторую нам предстоит встретить в тюрьме? Заявляем со всей откровенностью: это стало бы позором для антифашистской Испании, для ее руководителей, партий и организаций, которые несут такую же ответственность за происходящее, как Коммунистическая партия и те, кто отдает ей приказы внутри страны и из-за рубежа.

От имени членов ПОУМ в заключении: бывшие члены исполнительного комитета: Хуан Андраде, Педро Бонет и Хулиан Г. Горкин; бывший секретарь «Молодых коммунистов Иберии» Вилебальдо Солано; бывший член городского комитета Барселоны Давид Рей; бывший секретарь комитета провинции Лерида Хуан Фарре; бывший секретарь комитета провинции Жерона Хуан Кер; бывший главный редактор «Батальи» Хосе Эскудер

Письмо из Государственной тюрьмы Барселоны

22 июля 1938 года

Господин председатель совета [министров],

Господин министр юстиции,

В исполнительную комиссию Социалистической партии,

Дорогие товарищи,

Мы прочитали сегодня в газете сталинистов «Нотисиас» длинное коммюнике на двух колонках, озаглавленное «Суд над ПОУМ — мера общественного

спасения» и подписанное сталинистским агентством AIMA. Приводим отрывки из этого текста:

«Париж, 21. „Юманите" напечатала статью Марселя Кашена „Чтобы добиться победы", где говорится: „‘Юманите’ неизменно одобряет энергичные намерения испанского правительства безотлагательно отдать членов ПОУМ под суд. Кто те граждане, что со всей ответственностью приняли подобное решение, изучив обвинительный акт против пятой колонны? Это председатель правительства Негрин и министр юстиции. Оба они социалисты. В такой ситуации нам представляется весьма странным упорство газеты ‘Попюлер’, которая досаждает правительству Негрина своими замечаниями и советами, не брезгует инсинуациями, печатает письма и телеграммы, имеющие отношение к процессу ПОУМ"».

Статья заканчивается следующим образом: «Вот почему мы на стороне наших испанских товарищей-социалистов, когда они судят ПОУМ, — точно так же, как мы на их стороне, когда они героически, с оружием в руках защищают свое дело — наше общее дело».

Как вам известно, вероятно, лучше, чем нам, полемика вокруг нашего ареста и процесса продолжается не только во Франции, но и во всех демократических странах. И, несомненно, будет продолжаться и впредь, пока дело наше не разрешится достойным и справедливым образом. Факт, впрочем, красноречивый сам по себе: в то время как либеральные и социалистические круги защищают нас и требуют для нас гарантии правосудия, яростный и однообразный голос сталинизма продолжает требовать наши головы. Сегодня устами Марселя Кашена, сенатора-коммуниста и директора «Юманите», он гнусно утверждает, что именно «председатель правительства Негрин и министр юстиции», «наши испанские товарищи-социалисты» отдают членов ПОУМ под суд (так) и «судят» их, вследствие чего коммунисты стоят на их стороне. Вы согласны с этим утверждением, с этим обвинением? Социалистическая партия согласна с ним? Разумеется, вы опровергните его, ибо молчание будет расценено как знак согласия.

В тот же день газеты «Нотисиас», «Френте рохо» и «Требаль», упоминая о покушении на Мориса Тореза, за которым, как считается, стоит г-н Дорио, грубо и подло приплетают к делу «троцкистов из ПОУМ». Очередная гнусность. Якобы нападение на Тореза является повторением покушения, совершенного (?) в Барселоне несколько месяцев назад на г-на Комореру, которое также пытались приписать нам. А может, речь идет просто-напросто о попытке отвлечь общественное мнение от недавнего похищения в Париже секретаря Троцкого, в котором винят русскую полицию? Неизвестно — даже если г-н Дорио имеет отношение к данному покушению. Мы же к г-ну Дорио не имеем никакого отношения, это совершенно очевидно. И он никогда не являлся троцкистом. Мы не троцкисты и не согласны называться таковыми. Мы как члены Коммунистической партии Испании поддерживали отношения с г-ном Дорио, когда он был одним из лидеров французской Компартии и видным деятелем президиума Коммунистического Интернационала. Сегодня мы считаем его предателем и врагом рабочего класса, и он заслуживает с нашей стороны лишь ненависти и презрения.

Сколько времени еще будет продолжаться эта чудовищная несправедливость? До каких пор будет изо дня в день тянуться скандальный фарс, когда нас порочат, на нас клевещут, а мы лишены возможности защищаться? Подобная практика глубоко чужда социалистическим традициям: она всегда была неприемлемой для социалистов. И еще один важный факт: международное общественное мнение начинает называть суд над нами «Московским процессом в Барселоне». Приносит ли это хоть малейшую пользу делу антифашизма? И не компрометирует ли нашу борьбу за независимость?

С антифашистским приветом,

От имени членов ПОУМ в заключении: бывшие члены исполнительного комитета: Педро Бонет и Хулиан Г. Горкин; бывший секретарь «Молодых коммунистов Иберии» Вилебальдо Солано; бывший член городского комитета Барселоны Давид Рей; бывший секретарь комитета провинции Лерида Хуан Фарре; бывший секретарь комитета провинции Жерона Хуан Кер; бывший главный редактор «Батальи» Хосе Эскудер

Письмо из Государственной тюрьмы Барселоны

17 января 1939 года

Господин председатель совета министров,
Господин председатель Правительства Каталонии,
Господин министр юстиции,
В антифашистские партии и организации,

В нашей войне, которую испанский народ с подлинным героизмом ведет против национального и иноземного фашизма, наступило особенно трудное время, требующее мобилизации всех сил и средств. И мы за тюремными стенами испытываем те же тревоги, что и каждый убежденный и испытанный антифашист, так же рвемся в бой. Это не должно никого удивлять, ведь мы всегда были рабочими активистами и играли видную роль в освободительной борьбе, которую на протяжении ряда лет испанский народ вел против традиционных врагов своей свободы. Даже суд, вынесший нам приговор, вынужден был признать эту истину и опровергнуть порочившую нас клевету. Вот почему мы считаем, что в подобных обстоятельствах было бы поистине чудовищно держать нас в бездействии в застенках, и просим:

1. Как можно скорее освободить нас с тем, чтобы мы смогли наконец выполнить свой долг антифашистов, осуществить наше право, которого мы были лишены.
2. Немедленно легализовать нашу партию и ее молодежную организацию, дабы все их члены смогли внести свой вклад в сопротивление и борьбу против фашизма.
3. Открыть двери тюрем Республики для всех заключенных в них антифашистов, над которыми тяготеет самая нестерпимая кара: невозможность объединить свои усилия с усилиями всего испанского народа в решающий час борьбы.

Эти меры должны повлечь за собой следующее: прекращение всяких репрессий против революционных трудящихся, уважение к завоеваниям рабочих и крестьян, добытым ценою крови и жертв, признание и осуществление на деле демократических свобод для всех течений антифашизма — таков единственный способ придать сопротивлению силу и смысл и упрочить боевой дух в армии и в тылу.

От имени членов ПОУМ и МКИ в заключении Хуан Андраде, Хулиан Г. Горкин, Вилебальдо Солано

6. Заявление газеты «Требаль», органа ОСПК, об Андресе Нине

Заявление было опубликовано в декабре 1989 года в каталонском еженедельнике «Требаль», органе Объединенной социалистической партии Каталонии. Эта партия, примыкавшая прежде к Коммунистическому Интернационалу, как известно, в годы сталинизма активно участвовала в гонениях на ПОУМ. Документ, вызвавший широкий отклик в политических кругах Каталонии, появился в печати в связи с проводимой Фондом Андреса Нина кампанией за открытие советских архивов и проведение расследования убийства Нина.

Фонд Андреса Нина обратился в ОСПК с письмом, где разъяснялись предпринятые им действия с целью выяснить обстоятельства исчезновения и смерти лидера ПОУМ, в честь которого он назван. В связи с проведением политики гласности в Советском Союзе Фонд требует открыть доступ к российским архивам. В настоящий момент идет сбор подписей под обращением к известным советским деятелям и организациям, в том числе к Михаилу Горбачеву. ОСПК было предложено присоединиться к этой акции и стать коллективным участником данной кампании. Кроме того, Фонд настоятельно попросил газету «Требаль» выступить с опровержением «клеветы, публиковавшейся в 1936-м и последующих годах органами КПИ и ОСПК, в которых Нин и его товарищи по партии именовались „фашистскими наймитами"».

Данное заявление является ясным ответом по всей форме на эту просьбу. И ответом безусловно положительным. В течение многих лет ОСПК критиковала серьезные ошибки, допущенные ею в период сталинизма. Эти ошибки не умаляют героизма и свершений нашей партии во время войны и при франкистском режиме. В ходе самокритики мы обсуждали события мая 1937 года, о которых продолжаются споры, причем многие выдвигаемые версии представляются вполне обоснованными. Советуем всем интересующимся данной темой прочитать посвященную ей статью Грегорио Лопеса Раймундо в книге, изданной недавно журналом «Ноуе Оридзонс». Что же касается смерти Андреса Нина, мы считаем необходимым установить ее подлинные обстоятельства. Версия о причастности сталинских агентов представляется достаточно вероятной многим из тех, кто знаком с имеющейся информацией. Если в ходе расследования выяснится причастность к делу ОСПК, мы не станем этого скрывать, наоборот — многие события нашей недавней истории подтверждают стремление к открытости, которым мы руководствуемся.

Андрес Нин входит в почетную когорту лидеров каталонских левых сил XX века. Для нас, считающих себя наследниками его поколения, не подлежит сомнению необходимость изучать и его жизнь, и его смерть. Таким образом, ОСПК и «Требаль» в очередной раз, официально и окончательно опровергают всякую клевету в адрес Андреса Нина и готовы предоставить страницы своих изданий для любых материалов, посвященных памяти этого исторического лидера ПОУМ.

Единство! Дисциплина! За социализм!». Плакат ПОУМ

Ополченцы ПОУМ

Группа бойцов ополчения ПОУМ

А. Нин и В. Солано

Вступайте в ополчение ПОУМ». Плакат

Гостиница «Фалькон» в Барселоне – штаб-квартира ополчения ПОУМ.
Фото из коллекции Роже Виоле

Самодельный бронеавтомобиль, изготовленный рабочими Барселоны для ополчения ПОУМ. Фото из коллекции Роже Виоле

Бойцы ополчения ПОУМ у Ленинских казарм в Барселоне.
На заднем плане слева Дж. Оруэлл

Примечания

Часть I

Глава 1

1. В основу этой главы положен доклад на коллоквиуме, организованном Центром международных исторических исследований при Барселонском университете. Хотя текст был подготовлен в 1986 году, он до сих пор сохраняет свою актуальность, представляя собой краткий очерк истории ПОУМ от ее возникновения во время гражданской войны и до ее преследований при правительстве Негрина и ухода в подполье. Доклад был опубликован в журнале «Iniciativa Socialista», 1997. № 44. Многие затронутые в нем проблемы будут более детально рассмотрены в следующих главах.
2. Об этой организации и создании ПОУМ см. превосходную работу: *Durgan C.* BOC 1930-1936. Barcelona, 1996.
3. Антологию его материалов см.: Comunismo (1931-1934). Barcelona, 1978.
4. Подробное исследование, посвященное ЛКИ, см. в: *Pagés P.* El movimiento trotskista en España, 1930-1935. Barcelona, 1977.
5. Цитата взята из брошюры «Уроки октябрьского восстания», датированной 1 января 1935 года и подпольно изданной РКБ в Барселоне в феврале того же года. Ее текст перепечатан в: Alba V. La Allianza Obrera: Historia y análisis de una táctica de unidad en España. Madrid, 1977.
6. На этой встрече присутствовали представители Каталонской пролетарской партии, РКБ, Социалистического союза Каталонии, Каталонской федерации ИСРП, левых коммунистов и Коммунистической партии Каталонии. Согласно одному из пунктов достигнутой ими договоренности, объединение должно происходить на основе принципов революционного марксизма. Отчет о встрече был опубликован в: Justicia Social. Barcelona. №8, 25.05.1935.
7. La Batalla, 3.01.1936.
8. *Etchebéhére M.* Ma guerre d'Espagne a moi. P., 1976.
9. На этом заседании, длившемся с 12 до 16 декабря 1936 года и совпавшем по времени с исключением ПОУМ из Совета Правительства Каталонии, был принят ряд резолюций, опубликованных «Эдиториал Марксиста». Перепечатаны в: *Alba V.* La Revolución española en la práctica. Madrid, 1977.
10. См. речь Нина на митинге на Гран Присе в Барселоне 6 июня 1936 года, где он подчеркнул: «Война неотделима от революции... Пролетариат борется за социалистическую Республику... Против фашизма есть лишь одно действенное средство — пролетарская Революция!» См.: *Nin A.* Los problemas de la Revolución española. P., 1971.
11. См. отчет Луиджи Лонго в приложении.
12. В интервью Лили Марку, опубликованном в: Le communisme malgré tout (Entretiens avec Santiago Carrillo). P, 1984.

Глава 2

1. Эта глава представляет собой переработанный текст доклада на конференции, организованной «Атенеем» в Мадриде в январе 1989 года. Опубликован в: Iniciativa Socialista, No 40, juin 1996.
2. Впервые опубликована в 1935 году Последнее издание: *Maurín J.* Revolución y contrarrevolución en España. R, 1966.
3. Claudín F. La crisis des movimiento comunista. Vol. 1. P, 1970, p. 181.
4. Ibid.
5. О нем см. подробнее в гл. 3.
6. *Abad de Santillán D.* A propos de nos origins libertaires//Timón. No 2, aoüt 1936.

7. Claudín F. Op. cit.
8. Ibid.
9. Camilo S. Eurocomunismo y Estado. Madrid, 1977.
10. Так охарактеризовал Московские процессы австрийский социалист Фридрих Адлер, напомнив о том, что ведьмы, осужденные на сожжение Инквизицией, обыкновенно признавались в своих сношениях с дьяволом. См.: *Suarez A.* Un episodio de la Revolución española: El proceso contra el POUM. P., 1974.
11. Carrillo S. Op. cit.
12. *Broué P.* La Révolution espagnole (1936-1939) // Etudes marxistes. No 7-8. P., 1969.
13. *Trotski L.* La Révolution espagnole (1930-1940). P., 1975.
14. Личный архив Троцкого был передан в Гарвардский университет (Хогтонскую библиотеку). Часть этих документов 1929-1940 гг., включающая в себя переписку с группами и членами IV Интернационала, сторонниками, друзьями и издателями, а также семейный архив, по распоряжению Троцкого открывались для доступа исследователей только с 1980 года, дабы не навредить лицам, находившимся с ним в переписке.
15. *Morrow F.* Revolución y contrarrevolución en España. Bogotá, 1976.
16. *Andrade J.* Préface // Nin A. Op.cit.
17. См. мою статью в спецвыпуске Etudes marxistes. Op. cit.
18. Вот только один пример. В тексте, где определенно подчеркивается международное значение русской революции, Ленин, тем не менее, утверждает: «Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит,
по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в „советском" и в социалистическом смысле) страной» («Детская болезнь левизны в коммунизме»).
19. См. выступление А. Нина на митинге в Гран Присе в честь Х. Маурина 25 октября 1936 года (La Batalla, 27.10.1936) и его же доклад (ibid., 16.12.1936) .
20. Классический анализ критики Лениным в последние месяцы жизни некоторых важнейших аспектов Советского государства см. в: *Lewin M.* Le demier combat de Lénine. P., 1967. Тексты, надиктованные Владимиром Ильичем
в этот период, вошли в 45-й том Полного собрания его сочинений. Среди них — знаменитое добавление к письму к съезду, записанное 4 января 1923 года, где Ленин утверждает, что Сталин «становится нетерпимым в должности генсека», и предлагает его заменить.
В записках от 30 и 31 декабря 1922 года («К вопросу о национальностях и автономизации») говорится: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России,» — но вопросу об автономиях и СССР; там же содержится критика русского национализма Сталина и Орджоникидзе, проявившегося в их позициях по грузинскому вопросу и по «национальному вопросу» в СССР вообще. Ленинская критика бюрократизации нашла отражение в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше».
21. *Broué P.* Op. cit.
22. Об информации, касающейся убийства Нина, в советских архивах см. главу «Долгий путь к правде об Андресе Нине» в настоящей книге.
23. Что касается ИСРП, см. в разделе «Приложение» редакционную статью в издании «Требаль» за декабрь 1989 года
24. Слова из речи, произнесенной на Гран Присе в Барселоне 6 сентября 1936 года (перепечатано в: Nin A. Los problemas.... Op.cit.).

Глава 3

1. Текст, подготовленный для коллоквиума, посвященного 50-летию основания ПОУМ, который состоялся в Барселонском университете в октябре 1985 года.
2. Цит. по: Historia de la Segunda República (1931-1939). T.3. Madrid, 1985.
3. Каталонский сельскохозяйственный институт Сан-Исидро, связанный с крупными землевладельцами, организовал кампанию за отмену закона о земельных договорах, принятого в 1934 году парламентом Каталонии, и во многом удовлетворившего требования Союза земельных арендаторов. Об истоках конфликта см.:

Maurín J. Le probléme agraire en Catalogne // Leviatán. No 4, agosto 1934.
4. *Estivill A.* Sis d'octubre: l'ensulsiada deis Jacobins. Barcelona, 1935.
5. Впоследствии переиздана под названием «Революция и контрреволюция в Испании», ubi supra.
6. *Maurín J.* Op. cit.
7. *Claudín F.* Santiago Carrillo: Crónica de un secretario general. Barcelona, 1983.
8. См.: *Alba И* La Revolución española. Op. cit.
9. Claudín F. Op. cit.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. См.: *Alba V.* La Nueva Era, Antología de une revista revolucionaria (1930-1936). Madrid, 1977.
13. *Broué P., Témime E.* La Révolution et la guerre d'Espagne. P, 1961.
14. Правда, 17 декабря 1936 года.
15. Гарсиа Оливер в своих воспоминаниях рассказывает о встрече делегации НКТ (в состав которой он входил) с Компаньсом 20 июля 1936 года. Тогда последний якобы заявил: «Теперь, будучи полновластными хозяевами города и Каталонии, вы можете выбирать — либо сотрудничать со мной, либо отправить меня отставку» (García Oliver J. El eco de los pasos. Barcelona, 1978). Этот эпизод фигурирует во многих работах по истории испанской революции; см. напр.: *Enzensberger H. M.* Le bref été de l'anarchie. R, 1972.
16. *Claudín F.* Op. cit.
17. Le communisme malgré tout. Op. cit.
18. Claudín F. Op. cit.
19. Его речь опубликована в: Nin A. Los problemas.... Op.cit.
20. *Andrade J.* La Revolución española día a día. Barcelona, 1979.
21. Заявления и листовки Друзей Дуррути см. в: *Mintz* F., *Pecina M.* Los amigos de Durruti, los trotskistas et les sucesos de Mai. Madrid, 1978.
22. См. переиздание на французском языке: *Iglesias /. [Suáres A.]* La répression et le procés contre le POUM. P, 1974.
23. Сталинистская полиция утверждала, что у него обнаружили некий план на миллиметровой бумаге, на обороте которого находилось написанное симпатическими чернилами зашифрованное послание, «подтверждавшее», будто бы ПОУМ занималась шпионажем в пользу Франко. Все эти «улики», как рассказывает полицейский Хавьер Хименес в фильме «Операция „Николай"», были сфабрикованы НКВД.
24. См. материалы дела в: Le procés du POUM (juin 1937 - octobre 1938). Barcelona, 1989.

Глава 4

1. Этот текст представляет собой свидетельство очевидца и участника майских событий о роли в них МКИ. Впервые опубликован в книге «Los sucesos de mayo 1937: Una Revolución en la República» (Barcelona, 1988), изданной при участии Фондов Андреса Нина и Сальвадора Сеги.
2. *Andrade* У. CNT-POUM // Idem. La Revolución española día a día. Barcelona, 1970.
3. *Vilar P.* La guerre d'Espagne: 1936-1939. P, 1986.
4. Необходимо напомнить, что, помимо Правительства Каталонии, в Барселоне находилась официальная резиденция президента Республики Мануэля Асаньи, что выводило противостояние за чисто каталонские рамки. В этой связи истинные масштабы политических событий в мае 1937 года раскрывает свидетельство самого Асаньи: *Azaña M.* Memorias políticas y de Guerra. Vol. 2. Barcelona, 1981.
5. La Batalla, 4 mayo 1937.
6. Ibid., 1 mayo 1937.
7. Во временное правительство вошло четыре советника от различных организаций: Карлос Марти Фесед (КЛР), Антонио Сезе (ВСТ, одновременно лидер ОСПК), Валерио Мас (НКТ) и Хоакин Поу (Союз земельных арендаторов).
8. *Mintz F., Pecina M. Op. cit.*
9. Цит. по: *Bolloten B.* La Guerra civil Española, Revolución y contrarrevolución. Madrid, 1989.
10. Ibid.

Глава 5

1. Текст, датированный 22 октября 1988 года и опубликованный в: El proceso de 1938 contra el POUM: Barcelona no fue Moscú / Fundación Andreu Nin. Barcelone.

2. El proceso del POUM: Documentos Judiciales y Policiales. Barcelona, 1989.
3. Ibid.
4. В постановлении суда говорится следующее: «Рабочая партия марксистского единства, легальное политическое объединение, стремящееся к установлению диктатуры пролетариата и социалистическому устройству экономики посредством развития собственных революционных теорий, не имеющих отношения ни к одной международной организации, с самого начала мятежа вместе с другими антифашистскими группами боролась против мятежников» (Ibid.).
5. В постановлении суда уточняется: «Суд не признал доказанным, что подсудимые предоставляли мятежникам какую-либо информацию о положении на фронтах или в тылу; что они имели прямые или косвенные сношения с ними, а также с военными или правоохранительными органами стран-захватчиков; что они оказывали какую-либо помощь фалангисгским группам и организациям внутри страны и за ее пределами; что получали на ведение политической пропаганды своей партии материальную помощь от врагов государства» (Ibid.).
6. В третьем пункте постановления суда отрицаются факты шпионажа: «Декрет-закон 13 февраля 1937 года в данном случае неприменим, поскольку он определяет меру наказания исключительно за акты шпионажа, а те деяния, которые суд признал доказанными, не подпадают под действие параграфов 2, 3 и 4 первой статьи вышеупомянутого декрета, указанных в обвинительном заключении, так как речь не идет ни о ведении тайной или негласной влиянием иностранных государств, которые поддерживают борьбу против законного правительства, ни о содействии подрывной деятельности граждан Испании и иностранцев, выступающих с оружием в руках претив Республики» (Ibid.).
7. Четвертый пункт приговора гласит: «Насильственные действия, совершенные в Барселоне, явились результатом стихийного движения с целью пометать законной власти осуществить свои планы по захвату Телефонной станции» (Ibid.).
8. Хулиан Гомес Гарсиа (Хулиан Горкин), Хуан Андраде Родригес, Энрике Адроэр Паскуаль и Педро Бонет Куито были приговорены к 15 годам заключения, Жорди Аркер к 10 годам. Хосе Эскудер и Даниэль Ребуль Кабре были оправданы. Суд принял также решение о роспуске ПОУМ и МКИ.
9. Ibid.

Глава 6

1. Текст выступления на международном конгрессе «Изгнанники из Каталонии (1938-1978)», организованном Центром международных исторических исследований Барселонского университета в октябре 1989 года.
2. Письмо, датированное 19 января 1939 года, приведено в разделе «Приложение». Оно было передано автору историком Бернеттом Боллотеном, который обнаружил его в Архиве Саламанки.
3. По инициативе ПОУМ в итоге был образован новый Международный марксистский центр под руководством американца Джея Лавстоуна, француза Мишеля Коллине и испанца Хулиана Горкина, что означало реорганизацию бывшего Лондонского бюро.

Часть II

Глава 1

I. Эта глава написана в Париже в 1970 году. Она представляет собой первую попытку биографии Андреса Нина. Впервые опубликована на каталанском языке в качестве предисловия к книге: *Nin A.* Els movements d'emancipació national. P, 1970. Нелегально распространялась в Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах. Впоследствии публиковалась отдельными изданиями в переводе на разные языки.
2. *Buenacasa M.* El Movimiento obrero español 1886-1926 (Historia y crítica). Madrid, 1977.

3. Memoria des Congreso celebrado en el Teatro de la Comedia los dias 10 al 18 de diciembre 1919 / Confederación Nacional des Trabajo. Barcelona, 1932.
4. *Maurín J.* Revolución y contrarrevolución es España. Op. cit.
5. Ibid.
6. La Révolution prolétarienne, No 253, 25 août 1937.
7. Выступление А. Росмера 24 июня 1954 года, см. в: La Batalla, No 123, 25 juillet 1954.
8. *Maurín J.* Op. cit.
9. Выступление А. Росмера 24 июня 1954 года.
10. Там же.
11. Имеется в виду неудачная попытка в ноябре 1926 года, при режиме Примо де Риверы, перейти французскую границу и захватить северную часть Каталонии. Операция, подготовленная группой активистов «Каталонской нации» (националистической организации левого направления) под руководством Франсеска Масиа, предусматривала наступление двумя колоннами, которые должны были занять город Олот и провозгласить республику. В деле, наряду с несколькими итальянскими антифашистами, участвовал некий Ричотто Гарибальди, бывший агентом Муссолини. Он донес о заговоре во французскую полицию, которая предотвратила выступление. Итальянские эмигранты были высланы из Франции, а Масиа и его сподвижников судили в Париже. Процесс над ними получил определенный резонанс и вывел каталонскую проблему на европейский уровень.
12. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001.
13. Там же. С. 334.
14. *Nin A.* Les dictaduras deis nostres dies. Barcelona, 1930.
15. *Nin A.* Las dictaduras de nuestro tiempo. Madrid, 1930. Книга вышла в ноябре в переводе Р. Маркины.
16. *Serge Y.* Naissance de notre forcé. P, 1931.
17. По словам Виктора Сержа, чтобы добиться разрешения возвратиться в Испанию, Нин составил «настоящий ультиматум, в котором проявилась вся его неустрашимость» (*Серж В.* Указ. соч. С. 335.).
18. *Serge V.* Adiós a Andreu Nin // *Cotterill D.* Op. cit.
19. Письмо А. Нина Троцкому 23 октября 1930 года. Их переписка (1930-1932) опубликована в: La Révolution espagnole (1936-1939) // Supplement a Etudes marxistes. No7-8. P, 1969.
20. Ibid. Письмо от 2 ноября 1930 года.
21. Ibid.
22. *Maurín J.* Los Hombres de la dictadura. Madrid, 1930.
23. *Nin A.* El proletariado español ante la Revolución. Barcelona, 1931.
24. Idem. Las organizaciones obreras internacionales. Madrid, 1931.
25. Idem. Los Soviets, su origin, desarrollo y funciones // Cuadernos de Cultura. No 65. Valencia, 1932.
26. Idem. Manchuria y el imperialismo // Ibid. No 51.
27. Idem. Reacción y Revolución. Barcelona, 1934.
28. Idem. Els movements d'emancipació nacional. Barcelona, 1935. Было бы хорошо переиздать работы Нина, чтобы ознакомить с ними молодые поколения революционеров.
29. *Trotski L.* La situación real de Rusia (La plataforma de la Oposición). Barcelona, 1931.
30. *Plekhanov G. V.* Crítica des sindicalismo. Madrid, 1934.
31. *Trotsky L.* Historia de la Revolución rusa. 2de ed. Madrid, 2007.
32. *Guérin D.* Fascisme et le grand capital. P, 1999.
33. В архиве автора имеется неизданная версия работы на испанском языке. Первое издание на испанском вышло в 1977 году в Барселоне в издательстве «Фонтамара», которое выпустило также сборник основных статей Нина, посвященных национальному вопросу: *Nin A.* La cuestión nacional en el Estado español. Barcelona, 1977.
34. Las lecciones de Octubre: Es necesario un partido revolucionario des proletariado //
La Estrella Roja. 1 diciembre 1934; перепечатано в: *Nin A.* Por la unificación marxista. Madrid, 1978.
35. После одобрения исполкомом ПОУМ брошюра была опубликована издательством «Баталья» в марте

1936 года. Переиздана в Париже в 1972 году в качестве приложения к газете «Баталья».
36. La Batalla, 3 janvier 1936.
37. Впоследствии РФПЕ вошла в ВСТ. См.: *Nin A.* ¿Por qué los sindicatos de la FOUS ingresan a la UGT? // La Batalla, 23 septembre 1936 *(Nin A.* Por la unificación marxista. Op. cit.).
38. *Alba V.* La revolución española en la práctica. Op.cit.
39. По списку Левого фронта, избирательного блока, образованного в Барселоне 4 февраля 1936 года, который открыто солидаризировался с коалиционной программой Народного фронта. В Левый фронт вошли ЛРК, Республиканское каталонское действие, Социалистический союз Каталонии, Каталонская пролетарская партия, Коммунистическая партия Каталонии, Союз земельных арендаторов, ОСПК и ПОУМ.
40. *Nin A.* Después de las elecciones des 16 de febrero // La Nueva Era, 2e ser. No 2, febrero 1936; перепечатано в: La Nueva Era: Antología.... Op.cit.
41. Аналогичным образом сравнивал он испанскую и русскую революции в своем выступлении на Гран Присе в Барселоне 6 сентября 1936 года. См.: *Nin A.* Los problemas de la Revolución española. Op.cit.
42. La Batalla, 6 agosto 1936.
43. А вот что писал Курт Ландау: «В отличие от реакционного характера центрального правительства Ларго Кабальеро, Совет Правительства Каталонии представлял собой оригинальную, хотя и недолговечную разновидность переходного революционного мелкобуржуазного режима». Цит. по: *Bertram W.* La Revolución española de 1936 y la Revolución alemana de 1917-1918. S.l. n.d.
44. Выступление на Радио ПОУМ о народных судах и революционном правосудии, опубликовано в: La Batalla, 17 octobre 1936.
45. Ibid., 15 octobre 1936.
46. Издана в Барселоне отдельной брошюрой.
47. Опубликовано в: *Nin A.* Viejos y jóvenes // *Nin A.* Los problemas de la Revolución española. Op. cit.
48. Ibid.
51. *Nin A.* Op.cit.
52. *Rieger Af.* Espionaje en España. Barcelona, 1938.
53. Las Noticias, 22 juin 1937. Цит. по: *Rieger M.* Op. cit.
54. *Hernández J.* La grande trahison. R, 1953.
55. Воспроизведен в докладе Генеральной дирекции службы безопасности 19 августа 1937 года судье по особым делам. См.: El proceso del POUM. Op. cit.
56. Расшифровку якобы зашифрованного текста см.: Ibid.
57. *Rieger м.* Op. cit.
58. В Саламанке находилась главная штаб-квартира Франко.
59. *Hernández J.* Op.cit.
60. Ibid.
61. Ibid.
62. *Троцкий Л.Т.* Убийство Андрея Нина агентами ГПУ // Бюллетень Оппозиции. Париж. 1937.58-59. С. 24. Текст статьи приведен полностью в разделе «Приложение».
63. Выступление Марсо Пивера на международном вечере памяти Андреса Нина 24 июня 1954 года в Социальном музее Парижа. Опубликовано в: La Batalla. No 123, 25 juillet 1954.
64. Письмо Альбера Камю автору с извинениями за то, что не может присутствовать на вечере памяти Андреса Нина: «Дорогие товарищи, по семейным обстоятельствам я не смогу быть в Париже в конце июня. Надеюсь, вы извините меня за то, что меня не будет с вами на вечере памяти. Возмущение, которое всегда вызывало у меня убийство Андреса Нина, только усилилось после прочтения книги Хесуса Эрнандеса. В тот день сталинская контрреволюция уничтожила подлинно революционного мыслителя. Вот почему смерть Андреса Нина знаменует собой поворот в трагедии XX столетия — века преданной революции. Скажите это от моего имени и примите заверения в моих братских чувствах».
65. Эта речь, произнесенная 30 января 1937 года, опубликована в: *Nin A.* Los problemas.... Op. cit.

Глава 2

1. Статья, написанная 8 марта 1993 года и опубликованная в: Iniciativa Socialista. 1994. No 29.

Глава 3

1. Статья, опубликованная в ежедневной газете «Периодика де Каталунья» 16 июня 1987 года, в день пятидесятой годовщины ареста Нина.

Глава 4

1. Статья, написанная 8 февраля 1993 года, частично опубликована в: Utopie Critique. P, 1994, No 4; и дополненная в марте 2001 года.
2. См. прим. 54 к настоящей части.
3. Espagne: Les fossoyeurs de la Révolution sociale. P, 1975. В книге представлены работы о сталинизме Альфреда Росмера, Кати Ландау, Марселя Оливье и Хуана Андраде с предисловием Рене Лефевра.
4. На французском языке этот доклад был издан ПОУМ, с предисловием от имени ее исполкома: *Khrouchtchev N.* Les crimes de Staline. P, 1957. Ни КПИ, ни ОСПК текст опубликовать не осмелились.
5. Ошибка или опечатка во французском издании; речь идет о советском поверенном в делах Гайкисе. — *Прим, перев.*
6. *Solano W*: El sacrificio d'Andreu Nin // La Batalla. No 116. R, 24 avril 1953.
7. Полностью опубликовано в приложении.
8. *Цит. по: Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: Дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995. С. 331.
9. *Цит. по: Царев О., Костелло Дж.* Указ. соч. С. 354.
10. *Claudín F.* Op. cit.
11. Книга опубликована под псевдонимом: *Rleger M.* Op. cit.
12. *Serrano* C. Le Partí communiste franjáis et la guenre d'Espagne. P, 1987.
13. Некоторые историки и журналисты считают, что термин «народная демократия» [который использовался в послевоенное время для обозначения режимов советского типа, установленных в странах Центральной и Восточной Европы. — *Прим, ред.]* неприменим к республиканской Испании 1937-1939 гг. Они ошибаются. Лучшее доказательство тому явил Сантьяго Каррильо на совещании коммунистических партий в Москве в 1969 году: «Не следует забывать, что Испания была первой „народной демократией" в Европе». Мы, сами пережившие этот опыт, можем здесь вполне согласиться с лидером коммунистов.

Часть III

Глава 1

1. Доклад на праздновании столетия со дня рождения Андреса Нина (Барселона, октябрь 1993 года).
2. *Maurín J.* Hombre e Historia: la derrota // España libre. N.-Y. 3 juin 1960.
3. Idem. Révolution et contre-révolution en Espagne. Op. cit.
4. *Serge V.* Préface // Maurín J. Op. cit.
5. См. «Баталью» за 1922-1924 гг.
6. *Maurín J.* Op. cit.
7. Ibid.
8. *Serge V.* Op.cit., n.4.
9. Номера за июнь и август-сентябрь 1982 года. Предисловие к публикации и примечания написал профессор Барселонского университета Пелаи Пажес. Письма Нина, само важное из которых датировано 17 января 1929 года, опубликованы в январском номере «Авенс» 1983 года.
10. Письмо Пьера Бруэ в журнал «Кайе Леон Троцки», перепечатанное «Авенс» в феврале 1983 года.
11. Extraits de la correspondance Trotsky — Nin (1930-1932) // La révolution espagnole, supplément a Etudes marxistes. R, 1969. No 7-8.
12. Фонд Вилебальдо Солано, Центр международных исторических исследований Барселонского университета.
13. См.: Révolution espagnole. Op.cit.
14. Comunismo, septembre 1934.
15. Письмо Хоакина Маурина Пьеру Бруэ 18 мая 1972 года.
16. *Alba V.* Histoire du POUM. R, 2000.
17. Впервые тезисы были опубликованы в «Баталье» в марте 1936 года; переизданы в качестве приложения к «Баталье» в 1972; перепечатаны в: *Alba V.* Op. cit.
18. В письме Жану Ру, члену международного секретариата Левой оппозиции,

Л.Д. Троцкий писал: «Объявлено о создании новой партии. Мы приняли это к сведению. С учетом международной ситуации нам следует сделать все возможное, чтобы эта партия стала сильной и влиятельной. И путь только один — последовательный, непреклонный марксизм. Я готов следовать этим путем и уверен во всемерной поддержке товарищей из международного секретариата». Цит. по: *Trotsky L.* La révolution espagnole. P, 1975.

19. Цит. no: *Maurín J.* No soy trotskista pero... // La Révolution espagnole, suppelement a Etudes marxistes. P., 1969, No 7-8.
20. Письмо Л. Д. Троцкого Жану Ру 16 августа 1936 года. Оно было перехвачено полицией Муссолини и не дошло до адресата. Его обнаружили много лет спустя. См. раздел «Приложение» настоящей книги, а также письмо Нина о предполагаемой гибели Маурина.
21. Опубликовано в: *Alba V.* El maixisme a Catalunya. Vol. 3: Andreu Nin. Barcelona, 1974.
22. Опубликовано в «Батальe».
23. *Andrade J.* Prefacio // *Nin A.* Los problemas.... Op.cit.

Глава 2

1. Текст выступления на конференции «Троцкий сегодня», организованной в феврале 1989 года. Фондом Андреса Нина и мадридским Атенеем при содействии министерства культуры Испании.
2. La Révolution espagnole. Op. cit.
3. «Российские коммунистические руководители, от Ленина и Троцкого до Бухарина и Зиновьева, знали Нина с хорошей стороны и высоко ценили его работу» (Maurín J. España libre. N.-Y., 1967.).
4. *Serge V.* Adieu a Andreu Nin // Révolution prolétarienne, No 253, 25 aout 1937.
5. В письме Виктору Сержу 3 июня 1936 года. Троцкий писал: «В течение нескольких лет я вел с ним регулярную переписку. Некоторые мои письма представляли собой настоящие „трактаты", ибо речь шла о революции, в которой Нин мог и должен был сыграть активную роль. Я думаю, что моя корреспонденция за два-три года составила бы целый том в несколько сотен страниц: одно это в достаточной мере свидетельствует о том, какое значение я придавал Нину и дружеским отношениям с ним» (La Révolution espagnole. Op. cit).
6. Это письмо цитирует Жан Ру в своем докладе об объединении РКБ и ЛКИ (октябрь 1935 года). См.: La Révolution espagnole. Op. cit.
7. Возможно, его недовольство вызвало не само по себе намерение ПОУМ присоединиться к избирательной коалиции, а преамбула предвыборного манифеста, гласившая, что подписавшие его партии обязуются следовать общему политическому плану, служащему основой объединения этих сил в предвыборной борьбе; им же должно будет — в случае их победы на выборах — руководствоваться будущее правительство, сформированное левыми республиканскими партиями при поддержке рабочих организаций.
8. La Révolution espagnole. Op. cit.
9. В октябре 1936 года, будучи советником юстиции в Правительстве Каталонии, Нин поручил Косте Амику обратиться к президенту Карденасу с просьбой о предоставлении Троцкому политического убежища *(Alba V* El marxismo en España (1919-1939). México, 1973). Ласаро Карденас (1895-1970) — президент Мексики в 1934-1940 гг., проводил политику левой направленности в области распределения земли, отношений с католической церковью и иностранным капиталом. Он открыл двери своей страны не только для Троцкого, но и для испанских беженцев-республиканцев в конце гражданской войны.
10. *Троцкий Л.Д.* Убийство Андрея Нина агентами ГПУ // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 58-59. 1937.
11. 14 апреля 1937 года на заседании Комиссии по расследованию московских процессов под председательством философа Джона Дьюи, Троцкий в ответ на вопрос Карлтона Билса о руководстве ПОУМ сказал: «Нин — один из моих друзей. Я хорошо его знаю. Но критикую очень жестко».
12. В статье «Испанский урок — последнее предупреждение», написанной 17 декабря 1937 года, Троцкий

пагубная неосторожность. Таков главный урок из крушения наиболее честной политической организации в Испании, именно центристского ПОУМ'а».
См.: Бюллетень оппозиции. № 62-63. 1938. С. 14.

Глава 3

1. Статья была опубликована в качестве предисловия к изданию: *Serge V*. L'an I de la Révolution russe. P., 1997.
2. *Serge V.* Adieu a Andreu Nin. Op. cit.
3. Выступление А. Росмера на международном памятном мероприятии в честь Андреса Нина в Париже 24 июня 1954 года; опубликовано в: La Batalla, No 123, 25 juillet 1954.
4. *Maurín J.* Revolución y contrarevolución en España. Op. cit.
5. Ibid.
6. *Serge V*. Préface // Ibid.
7. *Maurín J.* Los hombres de la dictadura. Madrid, 1930.
8. *Серж В*. Указ. соч.
9. Там же. С. 335.
10. Там же. С. 341. В этом письме-завещании, адресованном французским друзьям, Серж впервые определил советское государство как тоталитарное и выступил в защиту человека, истины и свободы мышления от сталинизма.
11. Впервые опубликовано в «Баталье» 30 августа 1936 года под заголовком «Письмо выдающегося русского революционера Виктора Сержа».
12. *Серж В*. Указ. соч. С. 404.
13. Там же.
14. Там же. С. 409.
15. Цит. по: *Broué P.*, *Témime E.* La Révolution et la guerra d'Espagne. P, 1961.
16. Le procés du POUM, transcription du sommaire, procés oral et sentence du tribunal spésial. Barcelona, 1989.

Вилебальдо СОЛАНО
1916-2010

Родился в Бургосе (Испания), изучал медицину в Барселоне. В 1932 г. вступил в молодежную организацию Рабоче-крестьянского блока, сотрудничал в его издании «Аделанте». В сентябре 1935 г. избран генеральным секретарем организации «Молодые коммунисты Иберии» (МКИ), в ноябре 1936 г. – генеральным секретарем Международного бюро социалистической и революционной молодежи. Представлял в исполкоме Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) ее молодежную организацию. С июня 1937 г. до своего ареста в апреле 1938 г. – член руководства ПОУМ в подполье. В феврале 1939 г. был освобожден из-под стражи вместе с некоторыми другими лидерами ПОУМ и бежал во Францию. В1941 г. вновь арестован властями города Виши и приговорен к 20 годам каторги. Освобожден бойцами французского Сопротивления в июле 1944 г., воевал в партизанском отряде. В 1947 г. В. Солано был избран генеральным секретарем ПОУМ. С 1953 по 1981 гг. работал в испанской службе информационного агентства «Франс Пресс». Один из основателей Фонда Андреса Нина.

Наше издательство предлагает следующие книги:

21228 ID 221893

9 785397 056724

Издательская группа URSS

Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте http://URSS.ru